

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Санташов А.Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шамсунов С.Х. — заместитель директора ФСИН России, доктор юридических наук;

Селиверстов В.И. — начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Зубков А.И. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

Дебольский М.Г. — заместитель начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Дубровицкий Л.П. — первый заместитель начальника правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Матвеев А.Г. — начальник управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России;

Полозюк В.Л. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Ручкин Ф.В. — начальник управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Ищенко Е.П. — профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Жалбуров Е.Т. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Нагорных Р.В. — начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ 3

В.В. ЛУНЕЕВ
Смертная казнь в России и мире 3

Л.Л. КРУГЛИКОВ
Использование способа совершения преступления
в качестве дифференцирующего средства в нормах
главы 21 УК РФ 13

А.В. ИВАНЧИН
Дискуссионные вопросы понимания законодатель-
ной техники (в сфере уголовного
правотворчества) 18

Е.А. ТИМОФЕЕВА
О дифференциации уголовной ответственно-
сти и ее соотношении со смежными правовыми
явлениями 22

А.Л. САНТАШОВ
Особенности дифференциации условий отбывания
наказания в воспитательных колониях. 23

А.М. СМИРНОВ, Б.А. СПАСЕННИКОВ
Влияние длительной изоляции от общества на обез-
печение режима отбывания наказания в местах ли-
шения свободы 28

А.М. ПОТАПОВ
К проблеме законодательного закрепления прав,
обязанностей и законных интересов лиц, отбывших
наказание в виде лишения свободы. 30

И.И. ВЕРЕМЕЕНКО
Констатация произошедших в России перемен, их
результаты и перспективы¹. 32

Л.И. БЕЛЯЕВА
Международные стандарты в области правосудия в
отношении несовершеннолетних и ювенальная юс-
тиция в России 38

Т.В. ШАТАЛОВА
Особенности возбуждения уголовного дела частного
обвинения по уголовно-процессуальному законода-
тельству Российской Федерации 44

М.Г. ДЕТКОВ, Е.О. ЛУКЬЯНЧУК
Взаимодействие социальных служб исправительных
учреждений как одно из приоритетных направлений
деятельности уголовно-исполнительной системы. 46

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 48

О.Г. ГОНЧАРЕНКО
Особенности использования труда осужденных в уч-
реждениях исполнения наказаний 48

Х. ЙЭДЖЕЯК
Факторы, определяющие междисциплинарный ха-
рактер подготовки сотрудников тюремной
службы 50

К. ЙЭДЖЕЯК
Применение средств принуждения сотрудниками
тюремной службы 53

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ 55

Б.А. СПАСЕННИКОВ, С.Б. СПАСЕННИКОВ
К проектам федеральных законов о внесении изме-
нений в ст. 63, 263, 264 Уголовного кодекса Россий-
ской Федерации 55

И.А. ЯНЧУК
Критерии оценки степени исправления осужденных:
какими им быть? 56

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ . . . 59

Е.Г. БАГРЕЕВА
О профессиональной этике сотрудника социальной
службы пенитенциарной системы России 59

В.М. ТРУШ
Сравнительный анализ типологического и психоди-
намического подходов в оценке личности преступни-
ка 61

А.С. СОЛОВЬЕВ, О.А. ШАХОВ
О проблемах перехода на двухуровневую систему
обучения в рамках реализации Болонских соглаше-
ний в сфере образования в ведомственном высшем
учебном заведении 65

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ 68

М.М. АНДРОНОВА, В.А. САВЕЛЬЕВА
Разработка показателей оценки природоохранной
деятельности учреждений УИС 68

С.Н. РУСАКОВ, О.В. КОШКО
Экономическая безопасность российских предпри-
ятий в условиях финансовой нестабильности 70

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ 72

А.Л. КУЗЬМИНЫХ
Органы НКВД–НКГБ Вологодской области накануне и
в годы Великой Отечественной войны 72

С.Ю. ВЕДРОВ, Д.В. УГЛИЦКИХ
Осуществление надзора за лицами, отбывающи-
ми пожизненное заключение в Российском госу-
дарстве с XII и до начала XX вв. (историко-правовые
аспекты) 79

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ 83

А.М. КОЛОСКОВ, Н.А. МЕЛЬНИКОВА
Современные тенденции международного сотрудни-
чества в области кадрового обеспечения деятельно-
сти пенитенциарных учреждений 83

А.Т. ВАЛЕЕВ
Уголовно-процессуальная деятельность органов и
учреждений Федеральной службы исполнения нака-
заний: тактика производства следственных действий
при расследовании преступлений, совершенных в
исправительных учреждениях 84

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 86

А.А. КРЫМОВ
Основные итоги международной научно-практиче-
ской конференции «Государственная политика в об-
ласти назначения и исполнения уголовных наказа-
ний» 86

А.А. БАБКИН, Б.А. САДЕЛЬНИКОВ, О.А. ШАХОВ
Об опыте проведения конференций в режиме on-line
(по материалам кафедры информатики и математики
ВИПЭ ФСИН России) 90

НАШИ АВТОРЫ 92

Иван Иванович Веремеенко 92

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ 92

РЕЦЕНЗИИ 94

А.С. ШАТАЛОВ
Рецензия на монографию П.С. Ефимичева и С.П. Ефи-
мичева «Расследование преступлений: теория, прак-
тика, обеспечение прав личности» 94

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ 96

КОНСУЛЬТАЦИИ 96

Ю.Н. ЯЧИН
Создание системы менеджмента качества в институ-
те 96

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 98

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Смертная казнь в России и мире

В.В. ЛУНЕЕВ – заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат государственных премий по науке и технике

Анализ мировых реалий

Стратегической задачей ООН является постепенное сокращение числа преступлений, которые могут караться смертной казнью, с целью ее полной отмены. Идея эта давняя. Еще К. Маркс в работе «Смертная казнь» писал, что весьма трудно, а может быть, вообще невозможно найти принцип, обосновывающий справедливость и целесообразность смертной казни в обществе, которое кичится своей цивилизованностью. Правда, эта мысль Маркса не нашла поддержки в практическом марксизме.

Вопрос о смертной казни в ООН возник сразу после Второй мировой войны. Первый мировой обзор на эту тему (за 1956–1960 гг.) был сделан М. Анселем (1962 г.), второй обзор (за 1961–1965 гг.) – Н. Моррисом (1967 г.). После этого ООН практиковала рассылку вопросников с целью разработки обзора тенденций применения смертной казни каждые пять лет. В последнем обзоре, подготовленном Роджером Худом в 1988 г. и представленном Восьмому конгрессу ООН, указывалось, что за последние 25 лет после доклада Н. Морриса 25 стран отменили смертную казнь полностью, а 10 стран отменили ее в отношении общеуголовных преступлений. Среди государств, сохранивших институт смертной казни, в девяти странах за последние 10 лет никто не был казнен. Четыре из них отменили смертную казнь де-факто. Только две страны (Мозамбик и Непал), отменившие ранее смертную казнь, ввели ее вновь. Еще 13 стран, в которых в течение 10 лет и более не казнили ни одного человека и которые поэтому рассматривались как отменившие ее де-факто, в течение последнего 25-летия возобновили смертные казни. Из них только три страны вернулись к ее фактической отмене. В целом по состоянию на конец 1988 г. насчитывается 35 стран, полностью отменивших смертную казнь, 18 отменили ее за общеуголовные преступления и 26 стран отменили ее де-факто. 101 страна сохранила смертную казнь в качестве уголовного наказания. Ряд стран из них откликнулись на призыв ООН о сокращении перечня преступлений, за которые предусматривается эта мера наказания¹.

К 1996 г. полностью отменили смертную казнь 57 стран, ограничили ее применение отдельными видами преступлений – 15, отменили ее де-факто – 27 и сохранили – 94². К концу прошлого столетия число стран, отменивших смертную казнь, составило более 80³. Таким образом, динамика числа аболиционистских (abolition – отмена) и ретеншистских (retention – сохранение) стран показывает, что постепенно рас-

тет число первых и сокращается число вторых при значительном удельном весе стран, сохраняющих смертную казнь за отдельные тяжкие преступления и не применяющих смертную казнь фактически при сохранении ее в уголовном законодательстве. Тем не менее процесс юридической и фактической отмены смертной казни крайне противоречив. Некоторые страны смертную казнь вводят вновь, расширяют ее применение за новые деяния (терроризм, угон самолетов, похищение людей, незаконный оборот наркотиков, коррупцию и другие). Расширяется применение смертной казни в США, в 38 штатах она вообще не отменялась и в каждом из них применяется по-разному и за различные виды преступлений (умышленное убийство, похищение людей, изнасилование, незаконный оборот наркотиков, измену и даже за дачу ложных показаний, другие виды деяний)⁴.

Во многих регионах мира наблюдается сильное сопротивление призывам ООН об отмене смертной казни, так как считается, что она оказывает особое, сдерживающее преступников, воздействие. По данным международной амнистии, за период 1979–1983 гг. в среднем за год выносились 1627 смертных приговоров, и 1758 лиц подвергались казни. Причем предполагается, что эти данные занижены. Смертная казнь сохранилась во многих демократических странах. В США, например, под напором растущей преступности наблюдается учащение применения этого наказания. Предпринимаются попытки делать это даже быстрее, чем раньше, путем сокращения существующего процесса апелляции. В конце 1992 г. в США ожидали смертной казни 2588 чел. – самое большое число узников за всю историю страны⁵. Но уже в январе 1996 г. их число возросло до 3054 чел. Среди них 87 чел. были приговорены к смертной казни в 1974–1979 гг., 512 – в 1980–1984 гг., 896 – в 1986–1989 гг. Таким образом, около половины осужденных находятся в камере смертников более 18–13–8 лет⁶. Сторонники отмены смертной казни в Токио организовали в августе 1992 г. митинг общественности с целью празднования 1000 дней без казней. Сотни политиков и юристов поддерживают отмену смертной казни, но японское правительство приводит результаты опросов населения, выступающего за сохранение этого вида наказания. В конце 1992 г. в Японии смертной казни подлежали 55 чел.⁷ В Англии, отменившей смертную казнь в 1969 г., парламент 18 раз возвращался к обсуждению этого вопроса⁸. В 2002–2004 гг. после жестких убийств детей большинство населения вновь высказалось за восстановление смертной казни.

Изучение тенденций преступности в связи с введением или отменой смертной казни в Австралии, Канаде, Англии и некоторых штатах США, Нигерии и других странах показывает, что достаточных доказательств, подтверждающих сдерживающий характер смертной казни, нет. В заключении своего анализа упомянутый выше Р. Худ пишет: «Основной вывод состоит в том, что в данном исследовании не удалось научно доказать наличие сдерживающего эффекта смертной казни по сравнению с пожизненным заключением. В принципе, маловероятно, что такое доказательство можно будет найти»⁹. Обсуждение этого вопроса состоялось на одном из комитетов Восьмого конгресса ООН, а затем на пленарном заседании. На рассмотрение был вынесен проект резолюции о моратории на смертную казнь. Делегация СССР выступила за рассмотрение вопроса о моратории. Комитет к согласию не пришел. Государствам-членам рекомендовалось не объявлять мораторий, а лишь рассмотреть вопрос об этом. При поименном голосовании этот проект поддержали 48 государств, включая СССР, выступили против – 29, воздержались 16 государств.

Россия восприняла эти идеи. В ст. 20 Конституции Российской Федерации говорится: «Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом присяжных заседателей». Эта норма реализуется в УК РФ. С 1992 г. в России сдерживается приведение в исполнение смертных приговоров. Комиссии по вопросам помилования при Президенте России предписывалась возможность замены смертной казни в порядке помилования лишением свободы на срок до 15 лет либо пожизненно. Россия стремится стать одной из стран, где пока смертные приговоры хотя бы не приводились в исполнение.

Принятие России в Совет Европы безапелляционно требует этого. В ст. 1 Шестого протокола 1983 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) говорится: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть ни приговорен к смертной казни, ни казнен». Однако интенсивный рост опасных преступлений и доминирование в общественном мнении нетерпимости к гуманизации уголовно-правовой кары за совершение тяжких преступлений, особенно в условиях беспомощности правоохранительных органов, могут существенно повлиять на наметившуюся тенденцию, как это уже не раз бывало. Русский историк Н.М. Карамзин писал: «Нет сомнения, что жестокие судные казни означают ожесточение сердец и бывают следствием частых злодеяний. Добросердечный Мономах говорил детям: «Не убивайте виновного; жизнь христианина священна». Не менее добросердечный победитель Мамай Дмитрий установил торжественную казнь, ибо не видел иного способа устроить преступников»¹⁰. Противостояние мнений сохраняется до сих пор.

А.Ф. Костяковский в своей магистерской диссертации об исследовании смертной казни в 1867 г. писал, что ни один вопрос уголовного права не пользуется такой известностью, как смертная казнь¹¹. Литература громадна. Уже к 1838 г. по данной теме насчитывалось 232 работы. К настоящему времени число таких работ исчисляется тысячами. В России к этой теме обращались известные писатели, политические и общественные деятели и многие другие.

Значительное число работ носит публицистический, политический, философский, религиозный характер. Много научных исследований юристов, криминологов, криминалистов, специалистов уголовного права¹². Свой вклад внесли и зарубежные аналитики¹³. Эти авторы являются противниками смертной казни. Некоторые считают ее допустимой, ограниченной или исключительно редкой. Познакомившись со многими исследованиями, можно сделать вывод: обсуждение смертной казни для абсолютного числа этих авторов – проблема, скорее всего, не научная, а нравственная и политическая. Государство, общество убивают преступников, криминальные наклонности которых в значительной мере сами и сформировали. Это аморально и политически недопустимо. Я.И. Гишинский так и пишет, что вопрос о смертной казни превратился в некий символ, «метку», индикатор, разделяющий сторонников и противников смертной казни на два лагеря по идеологическим позициям¹⁴. И я с этим согласен. Заняв гуманную идеологическую позицию, которая всегда является выгодной, можно было бы и завершить обсуждение. Эта же мотивация довлеет и над ооновскими исследованиями. Но я хочу обострить обсуждение этой незатухающей проблемы. И для этого есть основания.

Криминология, хотя и соприкасается с идеологией, моралью и политикой, но это все-таки наука. А для науки идеологические и даже нравственные «наклейки» не лучший способ найти истину. Приведу пример: разработки ядерной физики, которые были использованы для создания бомбы беспрецедентной разрушительной силы, с точки зрения гуманности и нравственности недопустимы, и этим были озабочены великие физики 40–50-х гг. прошлого века. Озабочены были не сутью исследований, а боязнью того, что в руках аморальных политиков бомба будет представлять особую опасность. Но подобные доводы не имеют отношения к чистой науке, как, впрочем, и сброс атомных бомб по приказу Г. Трумэна на японские города. Таким образом, с сугубо научных позиций проблема смертной казни может быть намного сложнее и многозначнее, чем громкие абсолютистские заявления.

Если рассматривать смертную казнь как меру уголовного наказания, законно применяемую в целях пресечения преступной деятельности субъекта и воздействия угрозой ее применения на сознание потенциальных преступников, то есть в целях частной и общей превенции, то в беспристрастном сугубо научном плане ни один криминолог или криминалист не может сказать, что смертная казнь неэффективна. В истории нет сослагательного наклонения. Но если мы на минуту представим себе, что система уголовной юстиции царской России применила бы смертную казнь к «злодейски гениальным» коммунистическим лидерам РСДРП вместо направления их в «туруханские санатории», то история России и мира в целом в XX в. могла быть совсем иной. Вместо одного-двух десятков революционных бандитов страна потеряла десятки миллионов ни в чем не повинных людей, я уже не говорю о других страданиях народных. Современные национальные и мировые угрозы при нынешних технологиях стократно опаснее революционного переворота 1917 г.¹⁵

Есть и частные примеры. Один из них. С того момента, как Камбоджа, Лаос и Таиланд ввели для наркокурьеров смертную казнь, трафик упал в 4 раза¹⁶, а это тысячи спасенных жизней. Смертная казнь в Китае сдерживает распространение опасных пре-

ступлений, в том числе и коррумпированность политической и экономической элиты. Можно привести и другие примеры. Мне скажут: что же вы хотите, это же Азия. Но от казни не отказывается и образец цивилизованности – США. Применение ее в качестве меры уголовного наказания, как утверждают некоторые американцы, абсолютно эффективно. И если забыть нравственные и религиозные императивы (чего делать не следует), то это трудно оспорить.

Российские реалии

На бытовом уровне в советское время мы могли слышать от преступников: «На мокрое дело не пойду, там – вышка». Ныне, когда смертная казнь не применяется, слышим другое: «Смертной казни нет, а тюрьма мне не страшна». Это не придуманные слова. Они имеют прямое отношение к эффективности борьбы с тяжкими преступлениями. Можно повторить: от этого смертная казнь не становится морально оправданной. И это тоже трудно оспорить. Но, как уже говорилось, данная оценка в строгом смысле слова не имеет отношения к науке. Хотя вопросы этики и морали в науке всегда были важны. С нравственной точки зрения разработка любых средств уничтожения людей (в чем человечество особо преуспело) – глубоко аморальна. Но их всюду разрабатывают, производят, ими торгуют, их неустанно совершенствуют, ими пугают и хвастаются руководители великих государств. Существует даже практичная и эффективная мировая теория ядерного сдерживания. Она строится на угрозе взаимного уничтожения. Частная и общая превенция смертной казни тоже строится на этом. Поэт В.А. Жуковский писал: «Смертная казнь... как страх возможной гибели, как приведение, преследующее преступника, ужасна своим невидимым присутствием, и мысль о ней, конечно, воздерживает многих от злодейства»¹⁷. И в этом плане она в той или иной мере результативна.

Для большего усиления позиций аболиционизма многие политики, которым намного выгоднее слыть либералами, утверждают, что смертная казнь якобы не сдерживает людей от совершения особо тяжких деяний. И приводят якобы исторические средневековые факты: во время публичной казни преступников больше всего совершалось преступлений. И это, в принципе, вполне возможно. Преступники – люди практичные. Они используют состояние увлеченности толпы, даже во время массовых молитв в Ватикане, где самая запредельная преступность в мире. Однако последнее не означает, что религия благотворно не влияет на поведение людей. *Смертная казнь недопустима только по моральным основаниям*. И этого достаточно. Но забота о безопасности людей, необходимость предупредить угрозой смертной казни растущие тяжкие посягательства и желание правового удовлетворения тех, кто пережил зверские убийства близких, вновь и вновь актуализируют вопрос о применении смертной казни, особенно в странах массового преступного насилия, к которым относится Россия.

Даже по очень неполным учетным данным, число умышленных убийств в России в расчете на 100 тыс. населения совершается в 15–20 раз больше, чем в западно-европейских странах (Великобритания, Франции, Германии, Италии), и в 40 раз больше, чем в Японии. А если учесть особенности не совсем объективного и добросовестного российского учета умышленных убийств лиц, без вести пропавших, и соотносимых с ними неопознанных трупов, а также

убийств, замаскированных под естественную смерть, то есть основания говорить о 60–80-кратном превышении коэффициента умышленных убийств в России по сравнению с западно-европейскими странами. А всего в год в стране не своей смертью умирает около 500 тыс. граждан¹⁸, то есть на 100 тыс. населения приходится 345 смертей. И вот при таком беспрецедентном различии криминологической обстановки в России и в Западной Европе наши политизированные законодательные, исполнительные и судебные власти пытаются бороться с абсолютно безграничным насилием абсолютно неадекватными методами, но которые вполне приемлемы и разумны в Западной Европе.

В Конституции Российской Федерации (ст. 20) говорится: «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его судом с участием присяжных заседателей». Возможность ее применения предусмотрена в УК РФ (ст. 44, 59, 105, 277, 295, 317, 357) за некоторые виды умышленного причинения смерти другому человеку при отягчающих обстоятельствах. Правда, в 2004 г. в перечень санкций этих статей ввели альтернативу: пожизненное лишение свободы либо смертная казнь. Но это не больше чем игра на западную публику.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, которую Россия подписала и ратифицировала в 1998 г., не исключает применения смертной казни. В ней (ст. 2-1) говорится: «Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание». При вступлении в Совет Европы 28 февраля 1996 г. Россия в качестве обязательства подписала уже упомянутый Протокол № 6 к этой Конвенции, отменяющий смертную казнь в мирное время. В этом же году был издан Указ Президента России «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы». Назначение и применение ее стало реально сокращаться. И это было позитивной тенденцией. Однако Протокол № 6 до сих пор Россией не ратифицирован, хотя его ратификация должна была состояться в течение трех лет после подписания.

В 1997 г. по инициативе Президента России был принят Федеральный закон о внесении изменений в ст. 184 УИК РФ, которая регламентирует исполнение наказания в виде смертной казни. В соответствии с этим «основанием для исполнения наказания в виде смертной казни являются вступивший в законную силу приговор суда, а также решение Президента РФ об отклонении ходатайства осужденного о помиловании или решение Президента РФ о неприменении помилования к осужденному, отказавшемуся от обращения с ходатайством о помиловании». Проект Федерального закона «О введении моратория на исполнение уголовного наказания в виде смертной казни» был отклонен Госдумой.

2 февраля 1999 г. Конституционный Суд на запросы московского городского суда и жалобы ряда граждан принял постановление, запрещающее назначать в качестве уголовного наказания смертную казнь, поскольку обвиняемому в преступлении, за совершение которого ему грозит смертная казнь, должно быть по Конституции обеспечено право на рассмотрение его

дела судом с участием присяжных заседателей. А поскольку такие суды действовали в то время только в 9 субъектах Федерации, то до их введения на всей территории России наказание в виде смертной казни назначаться не могло. Хотя в переходных положениях Конституции Российской Федерации (ст. 6) сказано: «Впредь до введения в действие федерального закона, устанавливающего порядок рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, сохраняется прежний порядок судебного рассмотрения соответствующих дел». Но Конституционный Суд положения Конституции Российской Федерации, как ни парадоксально звучит, игнорировал. Он был обеспокоен лишь равенством прав убийц в разных регионах (независимо от реальных возможностей) быть судимыми судом присяжных. А, скорее всего, он искал «крючок». Это для него оказалось важнее соответствующего положения Конституции и фактических реалий. «Per eat mundus et fiat justitia» в действии. Интересно, что бы мог сказать Верховный Суд США по поводу существенного неравенства прав подсудимых в регионах в связи с несопоставимыми процессуально- и уголовно-правовыми возможностями в разных штатах страны? Потребовал бы немедленно уравнивать все штаты или нашел бы более реалистичный выход?

И у Конституционного Суда, и у Федерального Собрания был выход из создавшегося неправового положения, но они не предприняли никаких мер. Вопрос до сих пор остается нерешенным. И он, видимо, устраивает все ветви власти. На многочисленные просьбы граждан России о проведении референдума о снятии непонятного моратория на применение смертной казни к особо опасным преступникам Президент Российской Федерации ответил, что он и без референдума знает, что более 60–80% граждан страны за восстановление применения смертной казни, но он на это не пойдет. У Президента Российской Федерации нет такого права игнорировать мнение абсолютного большинства народа. Он может лишь убеждать народ, если тот, по его мнению, заблуждается. Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 2) народ является единственным источником власти, и высшим выражением ее является референдум. В этом и есть суть демократии. Однако Президент России не услышал голоса народа. Он в отличие от Б. Клинтона открыто поставил интересы собственной политики над правопорядком.

В 1994 г. Б. Клинтон подписал полицейско-репрессивный Закон США «О контроле над насильственной преступностью и правоприменяющих органах», ужесточивший борьбу с насильственной преступностью, запретивший продажу и хранение 19 видов наступательного оружия, распространивший смертную казнь на 50 составов федеральных преступлений, особенно если они совершены фанатиками-террористами, психологически агрессивными людьми и сексуальными маньяками, ситуативными корыстно-агрессивными, профессиональными и организованными преступниками. На борьбу и предупреждение преступности по этому закону было выделено 30,2 млрд долларов. При его подписании Президент США сказал: «Законопослушные граждане заставили услышать их голос. Никогда впредь Вашингтон не поставит интересы политики и партий над правопорядком»¹⁹. Продуманная социальная политика и серьезная борьба с криминалом за восемь лет президентства Клинтона практически впервые в истории снизили серьезную преступность в США на 22%.

Автор этих строк не является сторонником смертной казни. Для меня очевидны нравственные, поли-

тические и международные потери ее применения. Но как исследователь фактической, а не писаной или демагогической реальности, я склонен соотносить фактическую криминологическую обстановку в той или иной стране с реальным социально-правовым контролем насильственной преступности, составной частью которого в определенных условиях является применение смертной казни. Даже радикальный Протокол № 6, рассчитанный на относительно благополучную Западную Европу, допускает ее применение в чрезвычайных ситуациях, в частности за действия, совершенные во время войны или при ее неизбежной угрозе. Россия в последнее десятилетие находится по вине ее правителей в состоянии внутренних войн: реальной и тяжелой войны с чеченскими и международными вооруженными террористическими формированиями и не менее кровавой и организованной войны с растущим и безнаказанным криминалом, людские потери от которого равны потерям в большой войне. За 1992–2002 гг. в России было только зарегистрировано 333 287 умышленных убийств, осуждены 203 363 убийцы (и многие уже на свободе) и не найдены 129 924 убийцы. С учетом латентных деяний эти цифры надо удвоить или утроить. И обе эти войны Россия фактически проигрывает по своей политико-идеологической ангажированности и беспомощности, военной, организационной, правоохранительной и правовой.

Мировой и многовековой опыт применения смертной казни не подтверждает, что она является абсолютной панацеей от преступности или ее действие стопроцентно эффективно. Но такой вывод можно сделать и в отношении других видов уголовного наказания, в том числе и в отношении такого распространенного и общепризнанного, как лишение свободы. Не только уголовное наказание, но и хорошо известные методы воспитания людей давно переживают глубочайший кризис. Многие достойные родители далеко не всегда могут удержать своих отпрысков от нравственного и преступного падения. Тюрьма же вообще является университетом преступности. Но отрицать определенное сдерживающее воздействие изоляции на потенциальных преступников нет оснований. Если отказаться и от такого наказания под предлогом того, что редко удается из дикого преступника «сделать» гуманиста, то человечество погибнет в преступном беспределе. В истории было много «естественных экспериментов», когда парализованная правоохранительная система вызывала огромный всплеск преступности. Даже временное отключение света и системы охраны в городе, позволяющее безнаказанно реализовать дремлющие криминальные наклонности, вызывало вал краж и грабежей.

Аболиционистами и их сторонниками написаны горы книг о криминологической бесполезности и моральной неприемлемости смертной казни. И с этим с некоторыми коррективами можно согласиться. Дело в том, что веками смертная казнь применялась чаще всего по политическим, государственным и личным мотивам правителей. Это были типичные политические расправы, которые, конечно же, недопустимы. Применение смертной казни за кражи, грабежи, другие корыстные и иные преступления, а где-то и за адюльтер – неприемлемо, неадекватно, дико. Но именно эти деяния используются при отрицании смертной казни. А ведь в текущем столетии речь идет лишь о возможности применения смертной казни как исключительной меры уголовного наказания за умышленные убийства, совершенные при особо отягчающих обстоятельствах, для субъектов которых

пожизненное лишение свободы альтернативой не является.

Хладнокровные и жестокие убийцы нескольких лиц, серийные убийцы, убийцы детей – это не люди. Проявление гуманизма к ним – преступление перед их жертвами и законопослушными гражданами. И это тоже нравственная проблема, причем не меньшая, а большая. Даже редкие и единичные осуждения к смертной казни таких лиц – дамоклов меч над головами потенциальных не людей, а для законопослушных граждан осознание того, что их жизнь, а не жизнь убийцы оценивается государством как высшая ценность, что чрезвычайно важно. Известный отечественный юрист Б.Н. Чичерин писал по этому поводу так: «Чем выше ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть и наказание за ее отняtie...»²⁰ Игнорируя серьезные криминально-кровавые и массовые террористические реалии, от которых страдают сотни тысяч граждан, пренебрегая безопасностью народа и его общественным мнением ради западных политических дивидендов, власти серьезно ослабляют социально-правовой контроль за самой опасной насильственной организованной и террористической преступностью. А ведь речь активные ретенцисты ведут об исключительной, строго ограниченной и исторически временной мере уголовного наказания, пока в России не минимизируется беспредельное криминальное насилие.

Отказ от применения смертной казни, совершаемой от имени государства по приговору суда и на законных основаниях для определенной категории преступников, является особо криминогенным. Более того, он подталкивает людей к саморасправам, заказным и бессудным убийствам. В одном из комментариев УК РФ, изданном под грифом Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, высказана такая мысль: «Отмена смертной казни... не будет означать сохранение жизни и для самих преступников. Ясно, что государство ни при каких условиях не откажется от институтов необходимой обороны и причинения вреда при задержании преступника, и посягающие будут лишаться жизни без всякого следствия и суда»²¹, то есть получать то, что они, по мнению некоторых лиц, реально заслуживают. Более того, есть основания полагать, что после приостановления исполнения смертной казни число убийств организованных и особо опасных преступников при задержании, побеге, а также в непредотвращенных и даже в спровоцированных разборках может превышать количество их законного наказания.

Российский юрист Н.Д. Сергиевский в начале прошлого века писал: «Если законодатель, не справляясь с состоянием народной этики, ее [смертную казнь] отменит, то она возродится в форме самосуда, суда Линча и т.п. или отмена ее принята будет за признак слабости государственной власти, что будет еще хуже»²².

Такой подход уже обосновывается и юридически, и политически. Д. Корецкий и С. Милуков пишут о необходимости развития внесудебных репрессий на законной основе. Они полагают, что работники правоохранительных органов, применяя репрессивные меры на законных основаниях, наказывают, в том числе и смертной казнью, преступников в рамках необходимой обороны²³. О.В. Старков пишет: «Настоятельная необходимость сейчас – война с преступностью, что предполагает вооруженную борьбу между сторонами, ориентированную на уничтожение путем насилия... В первую очередь необходима воинская операция Национальной гвардии, а до ее

создания – спецподразделений... с целью повсеместного, поголовного физического уничтожения в течение суток всех заранее оперативно выявленных, зарегистрированных и многократно перепроверенных лидеров и авторитетов преступного мира с последующим надзором прокуратуры, ибо лишь такая операция в современных условиях способна реализовать идею «необходимого нападения» общества и содействовать реабилитации сферы наказания. Нормативной основой должны послужить статьи в УК «Вынужденное нападение» и «Необходимая оборона общества»²⁴. Такие методы, естественно, абсолютно недопустимы. Ю.В. Голик доказательно высказался по этому поводу, полагая, что подобные суждения не имеют никакого отношения к праву²⁵. Однако нельзя сказать, что эта порочная идея не имеет отклика в отчаявшемся народе и милиции. И этого нельзя не учитывать.

Противоправная реакция на неприменение смертной казни намного опаснее и аморальнее, чем сама смертная казнь, но по закону и суду. Однако такую тенденцию можно наблюдать даже в международной практике, например, в действиях властей некоторых стран: американских – в Югославии, Афганистане и Ираке, израильских – в Палестине, российских – в Чечне и т.д. Президенты, премьер-министры, военные начальники самостийно решают, кого и когда надо убить без суда и следствия. Секретная директива Президента США позволяет агентам ЦРУ убивать главарей террористов без суда и следствия²⁶. Вместе с намеченными жертвами гибнут ни в чем не повинные люди (женщины, дети, старики).

Подводя итоги рассмотрения смертной казни в системе снижающегося социально-правового контроля преступности, следует сказать, что, хотя мировое сообщество давно в этом вопросе определилось, полагая, что реальной альтернативой смертной казни является пожизненное лишение свободы, вопрос этот для некоторых стран, а может быть, и для мира в целом остается не до конца решенным. Самая передовая и демократическая страна в мире – США, которая в своих действиях ориентируется главным образом на свои реалии, потребности и возможности, а также мнение народа, не отказывается от смертной казни (в 38 штатах) и даже расширяет ее применение, занимая одно из первых мест по вынесению смертных приговоров в мире. То же можно сказать и о демократической Японии.

В современных условиях усиливающейся террористической войны по всему миру отмена смертной казни лишь ослабляет борьбу с насилием. Могут сказать и говорят, что террористы сами себя взрывают и им не страшна смертная казнь. Зомбированным смертникам – да, но не их организаторам, руководителям, финансистам и наставникам. Объективные (криминальные реалии и экономические возможности) и субъективные (мнение народа) условия в России в настоящее время не позволяют радикально исключить эту меру уголовного наказания. В истекшем столетии в России по субъективным политическим мотивам 4 раза отменяли смертную казнь. И по объективным криминальным реалиям вновь вынуждены были ее восстанавливать. Первые попытки ее отмены предпринимались еще в начале XVII в. Последние реальные шаги к ее отмене были сделаны в 80–90-е гг., когда существенно ограничили ее применение. Задача ее полной отмены очень тесно связана с реальной криминологической обстановкой в стране и мире.

Политиками нередко эксплуатируется аргумент возможной судебной ошибки, которую нельзя ис-

править. Но это основание тоже слабое. Сейчас не 37-й год. Исполнение приговора может быть пролонгировано на несколько лет, как делают в США, когда все апелляционные решения вынесены и сомнений практически не остается. И последнее. Трагические ошибки бывают всюду, например в хирургической практике, где нередко наступают необратимые последствия, в том числе и смертельные. Но ведь никто не отменяет в связи с этим хирургические методы лечения. Я уже не говорю о страшных «ошибках», приводящих к массовому уничтожению ни в чем не повинных людей, допускаемых высокими государственными должностными лицами (примером могут служить преступные решения президентов США по поводу Югославии и Ирака или решения президента Ельцина в отношении Чечни). Но для недопущения подобного совсем не надо ликвидировать институт президентства, надо лишь реализовать принцип неотвратимости ответственности таких президентов за свои неправомерные или преступные решения, а не прикрывать их вечной и абсолютной неприкосновенностью.

Подчеркиваю еще раз, что *я не являюсь сторонником смертной казни. Она нежелательна, но не по научным и практическим соображениям, а по этическим, моральным.* У нас же при наличии этого вида наказания в УК вынесение приговоров со смертной казнью приостановлено по непонятным порочным политическим мотивам при открытом игнорировании мнения большинства народа. Я не говорю о приведении смертной казни в исполнение. Оно может быть отложено, но дамоклов меч над «нелюдями» может и должен висеть. Однако нами продолжают править не реалии, а политические соображения, нередко демагогического характера. Нет сомнений в том, что отказ России от моратория на применение смертной казни сейчас, когда мы уже «дрогнули», поставит ее в европейском сообществе в политическую изоляцию. Чего допускать нельзя. Но это политическое, а не научное обоснование. Более того, у нас нет ни одного глубокого исследования, которое бы на фактическом социологическом материале убедило бы народ в неэффективности смертной казни. Все книги о смертной казни (как за нее, так и против) строятся на юридических, политических и даже демагогических умозаключениях, что не убеждает.

Если бы в европейских странах был такой же уровень учтенных и реальных умышленных убийств с отягчающими обстоятельствами, как у нас, который на два-три порядка выше их сегодняшнего уровня, то они бы глубоко задумались над этой сложной решаемой проблемой. Европейский аболиционизм может пошатнуться, если Западную Европу постигнет террористическая участь России. Этого исключать нельзя, поскольку детерминанты международного (исламского) терроризма не только не устраняются, а даже возрастают. Показательна в этом отношении книга живущего во Франции русского писателя А. Гладиллина «Господа преступники, добро пожаловать во Францию». Гуманизм к преступникам там доведен до абсурда, политическая корректность привела к незащищенности добропорядочных граждан. Аналогичный подход обострил террористические действия в Нидерландах после выхода фильма кинорежиссера Тео Ван Гога «Терпимость» о притеснении исламских женщин в семье. Режиссер убит, а исламский и ответный терроризм нарастает. Нарастает он и в Великобритании.

В России же вместо однозначного, обоснованного и законного решения этой проблемы в аболициониз-

мском или ретеншистском варианте цинично игнорируются действующие федеральные законы (п. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации, ст. 44 и 59 УК РФ), в пользу чего выдвигаются надуманные, нелегитимные, но для кого-то целесообразные аргументы. Мы игнорируем критическое положение дел с насильственной преступностью в стране, не можем защитить священное право человека на жизнь, цинично пренебрегаем мнением собственного народа – «единственного источника власти», мы бросаем его в омут кровавого криминала и, декларируя демократию, ждем от него только послушания. Прагматичные американские власти прислушиваются к голосу собственного народа, до 80% которого также высказываются за сохранение смертной казни, объективно осознают реальные криминальные и террористические угрозы и принимают законы, вырабатывая адекватные меры по безопасности своих граждан и своей страны. Как справедливо отмечает А.С. Михлин, американский законодатель вводит смертную казнь в тех штатах, где выше уровень убийств²⁷. Они приняли эффективные и жесткие репрессивные меры по предупреждению терроризма после 2001 г., несмотря на критику. И они могут это себе позволить и постоянно позволяют все, что хотят: *Quod non decet bovem, decet Joven* (что позволено Юпитеру, не подобает быку). Но результат ошеломляющий: при наличии реальных угроз самых опасных террористов и их особую ненависть к США, там за последние годы не было ни одного террористического акта, а у нас они исчисляются пятью-шестьюстами ежегодно. Некоторое сокращение идет в последние годы, но не потому, что террористическая деятельность уменьшается, а потому, что система противодействия терроризму стала более эффективно работать и предупреждать готовящиеся террористические акты.

Отмена смертной казни является стратегической линией гуманизации уголовного наказания. Частичный, а потом и полный отказ от приведения смертной казни в исполнение по мере созревания объективных криминологических условий, затем ее полная отмена в России являются реалистическими шагами практической реализации данной стратегии, но только в условиях снижения террористической и опасной насильственной преступности, когда у народа будет достаточно оснований для этого. Примерно такого мнения придерживается А.С. Михлин, исследовавший историю, современность и будущее смертной казни²⁸. О праве на смертную казнь высказываются многие ученые, общественные и политические деятели²⁹.

Можно прогнозировать, что власти вынуждены будут принять то или иное решение, либо открыто противопоставить себя общественному мнению народа и криминальным реалиям, либо оставить этот вопрос в подвешенном состоянии, как и сейчас, до греческих календ. Но тогда они должны хотя бы доказать, что в состоянии контролировать беспрецедентный криминал. А таких доказательств пока нет. И вряд ли их можно ожидать в ближайшем будущем. Хотя в последние годы во время выборных кампаний о преступности в стране даже не упоминается. По статистике, она в эти годы сокращалась. Но эта статистика фальшивая. Практические работники прямо говорят: было четкое указание работать на показатели. Они и работали. В 2007 г. тяжкие преступления сократились на 10–30% за один год. Такого быть не может. Вспомним о снижении преступности в США на 22% при Клинтоне за 8 лет при огромном напряжении всех сил общества. А мы, оказывается, можем добиться даже лучших ре-

Таблица 2

Применение смертной казни (по данным судов общей подсудности) в 1989–1990 гг.

Вид преступления, за совершение которого могла быть назначена смертная казнь	1989 г.			1990 г.		
	Осуждено		Осуждено к смертной казни (доля в %)	Осуждено		Осуждено к смертной казни (доля в %)
	всего	абсолютное кол-во		всего	абсолютное кол-во	
Измена родине	1	1	100	2	1	50
Бандитизм	37	6	16,2	66	12	18,2
Дезорганизация ИТУ	69	-	-	160	1	0,6
Спекуляция валютными ценностями	10	-	-	12	-	-
Хищение госимущества	1291	1	0,1	12	-	-
Умышл. убийство	2700	248	9,2	3641	418	11,5
Получение взятки	27	-	-	32	-	-
Изнасилование	969	4	0,4	1227	6	0,5
Посяг. на сотр. милиции	59	3	5,1	100	7	7,0
Угон возд. судна	1	-	-	3	-	-
Итого	5157	263	-	6935	447	-

В 1989–1990 гг. в 95–98% случаев смертная казнь применялась за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. А если учесть, что ее применение за посягательство на жизнь сотрудника милиции и за бандитизм, как правило, связано с убийствами, то практически все случаи применения смертной казни в эти годы были связаны с умышленным убийством. Из 447 осужденных к смертной казни в 1990 г. 418 были осуждены за убийство, 12 – за бандитизм и 7 – за посягательство на жизнь работников милиции. По действующему законодательству и судебной практике того времени, умышленное убийство, совершенное в процессе бандитского налета или при посягательстве на жизнь работников милиции, охватывалось объективной стороной этих деяний и в дополнительной квалификации по ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах) не нуждалось³⁰. Таким образом, совокупность этих деяний составила 437, или 97,8%. Такой подход к применению смертной казни в те годы был оптимальным. А исключение применения смертной казни за государственные и корыстные преступления, принятое в конце существования СССР, было шагом в верном направлении.

В общей структуре наказаний применение смертной казни в 1988–1996 гг. составляло сотые доли процента (табл. 3).

зультатов за год и без всякого профессионального напряжения. Такой подход к преступности не пройдет даром.

Одним из возможных вариантов решения проблемы после введения суда присяжных во всех субъектах Федерации (когда сомнительное решение Конституционного Суда исчерпает свою силу) и при сохранении смертной казни в Конституции Российской Федерации и в УК РФ может быть такое: суды, руководствуясь законом, начнут выносить приговоры с этим видом наказания за совершение кровавых террористических актов и убийств при особых отягчающих обстоятельствах, их исполнение будет оттягиваться. Но это будет паллиатив, который лишь на время оправдывает нашу нерешительность.

Помогает глубже рассмотреть эту проблему правоприменительная практика за многие годы. Автор не располагает системными сведениями о судьбе осужденных к смертной казни в СССР, да и вряд ли их можно собрать сколько-нибудь полно, особенно за 20–50-е гг., хотя такая попытка была мной предпринята при изучении политических репрессий. Нет полных данных о применении смертной казни и за последующие годы. Общая тенденция такова: после войны шел противоречивый процесс медленного сокращения реального применения смертной казни.

Применение смертной казни в СССР и в России

Нормативные источники тоже не дают возможности судить о реальных тенденциях применения смертной казни. Они еще более противоречивы и отражают не реалии, а идеологические установки. В советское время смертная казнь трижды отменялась (в 1917, 1920, 1947 гг.), еще больше попыток предпринималось к ее законодательному ограничению, но позитивные изменения наступали очень медленно.

В УК РСФСР 1926 г. содержалось около 50 составов, в которых предусматривался расстрел. Доминировали политические составы. В УК РСФСР 1960 г. таких деяний было более 30, за особо опасные государственные, воинские и общеуголовные преступления, в том числе за умышленное убийство, хищение государственного и общественного имущества, взяточничество и другие.

С 1991 г. начался процесс сокращения законодательного и правоприменительного сокращения смертной казни (табл. 1).

Таблица 1

Применение смертной казни в СССР (1985–1990 гг.)

Год	Казнено	Помиловано
1985	770	20
1986	526	41
1987	344	47
1988	271	72
1989	276	23
1990	196	29

В 1989–1990 гг. одновременно проходил интенсивный рост преступности. Это повлияло на назначение смертной казни, особенно помилование. Тем не менее и в эти годы назначение и применение смертной казни в стране было ограниченным (табл. 2).

**Динамика основных мер уголовного наказания
в России (по УК РСФСР)**

Осуждено	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Всего % (динам.)	426 336 100,0	436 988 102,5	537 643 126,1	539 823 139,3	661 392 155,1	792 410 185,9	924 574 216,9	1 035 807 243,0	1 111 097 260,6
Освобождено от наказания	-	253	188	226	41722	6971	81348	53657	9353
Осуждено к наказанию база в %	426 336 100,0	436 735 100,0	537 455 100,0	593 597 100,0	619 670 100,0	785 469 100,0	843 226 100,0	982 150 100,0	1 101 744 100,0
В том числе:									
смертная казнь доля в %	115 0,03	100 0,02	223 0,04	147 0,02	159 0,02	157 0,02	160 0,02	143 0,01	153* 0,01
лишение свободы доля в %	149 113 35,0	162 033 37,1	203 359 37,8	207 489 35,0	225 926 36,5	292 868 37,3	332 675 39,5	357 765 36,4	373 519 33,9
привлечение к труду доля в %	23 045 5,4	25 473 5,8	35 452 6,6	39 664 6,7	39 174 6,3	8951 1,1	искл.	искл.	искл.
отсрочка приговора доля в %	54 562 12,8	56 560 13,0	72 065 13,4	83 270 14,0	95 107 15,3	142 532 18,0	15 948 17,9	188 483 19,2	199 585 18,1
условное осуждение доля в %	30 845 7,2	35 352 8,1	45 099 8,4	59 738 10,1	73 896 11,9	124 198 15,7	149 140 17,7	222 340 22,6	290 742 26,4
исправит. работы доля в %	112 702 26,4	103 513 23,7	116 979 21,8	129 209 21,8	120 917 19,5	143 464 18,1	124 639 14,8	92 589 9,4	90 401 8,2
штраф доля в %	54 030 12,7	51 961 11,9	62 271 11,6	72 292 12,2	62 931 10,2	70 908 8,9	82 903 9,8	117 785 12,0	144 018 13,1
другие виды доля в %	2039 0,5	1843 0,4	2230 0,4	1935 0,3	1719 0,3	1876 0,2	2761 0,3	3045 0,3	3146 0,3

* При вступлении в Совет Европы 28 февраля 1996 г. Россия подписала Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которую Россия ратифицировала в 1998 г. Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован. В том же 1996 г. был издан Указ Президента Российской Федерации «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением в Совет Европы».

С принятием нового Уголовного кодекса 1996 г. тенденции в применении смертной казни сохранились, а к 2000 г. сотые доли назначения наказаний свелись к нулю (табл. 4).

Таблица 4

Динамика основных мер уголовного наказания в России (по УК РФ)

Осуждено	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Всего % (динам.)	1 013 431 100,0	1 071 051 105,7	1 223 255 120,7	1 183 631 116,8	1 244 211 122,8	859 318 84,8	773 920 76,4
Освобождено от наказания	3799	63291	40 981	171 849	56 490	28 711	5606
Осуждено к наказанию база в %	1 009 632 100,0	1 007 760 100,0	1 182 274 100,0	1 011 782 100,0	1 187 721 100,0	830 607 100,0	768 314 100,0
В том числе: смертная казнь доля в %	106 0,01	116 0,01	19* 0,0	0	0	0	0
пожизненное лишение свободы доля в %	16 0,001	55 0,005	75 0,006	98 0,009	128 0,01	99 0,01	93 0,01
лишение свободы доля в %	330 977 32,8	345 399 34,3	388 799 32,9	354 413 35,0	367 469 30,9	267 109 32,2	252 041 32,8
условно с исп. сроком доля в %	529 082 52,4	548 981 54,5	607 737 51,4	543 615 53,7	682 930 57,5	468 091 56,4	426 048 55,5
исправит. работы доля в %	69 548 6,9	53 514 5,3	56 859 4,8	50 896 5,0	62 182 5,2	43 087 5,2	39 808 5,2
штраф доля в %	79 818 7,9	59 628 5,9	65 138 5,5	62 657 6,2	74 853 6,3	52 114 6,3	50 064 6,5
другие виды доля в %	85 0,1	58 0,01	45 0,003	102 0,01	159 0,01	107 0,01	260 0,03

*Вынесение приговоров со смертной казнью приостановлено в связи с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г., запретившего назначение смертной казни, поскольку обвиняемому в преступлении, за совершение которого ему грозит смертная казнь, должно быть по Конституции Российской Федерации обеспечено право на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей. А поскольку такие суды действовали только в 9 субъектах Федерации, то до их введения на всей территории России наказание в виде смертной казни назначаться в стране не может.

Приведение смертной казни в исполнение в России в 90-е гг. носило единичный характер, так как основной массе заключенных смертная казнь в порядке помилования заменялась лишением свободы до 15, а затем до 25 лет либо пожизненно. В 1992 г. из 56 убийц, осужденных к смертной казни, дела которых прошли через Комиссию по вопросам помилования при Президенте Российской Федерации, 55 были помилованы, в 1993 г. из 153 убийц, рассмотренных комиссией, помилованы 149 чел.³¹, а в 1994 г. – соответственно 137 и 124 чел.³² Эти данные не отражают реалий о числе убийц, осужденных к смертной казни, поскольку не все они ходатайствовали о помиловании³³. Количество приговоров к смертной казни, приведенных в исполнение в России, составило: 1991 г. – 37, 1992 г. – 18, 1993 г. – 123, 1994 г. – 10, 1995 г. – 40, 1996 г. – 53. С 1997 г. в России действует мораторий на приведение в исполнение приговоров к смертной казни, хотя подобные приговоры, как мы видим из таблицы, еще выносились до 1999 г. По состоянию на 1 января 1999 г. в следственных изоляторах России содержалось около тысячи человек, осужденных судами к смертной казни и подавших ходатайства о помиловании. Все эти лица в первом полугодии 1999 г. были помилованы, смертная казнь им заменена лишением свободы сроком на 25 лет либо пожизненным лишением свободы³⁴. В Общей части УК РФ смертная казнь как вид наказания сохраняется (ст. 44, 59). В Особенной части кодекса при альтернативе с пожизненным лишением свободы смертная казнь сохраняется в ст. 105 (убийство), 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа). Федеральным законом от 21 июля 2004 г. в санкции этих статей внесены изменения: на первое место поставлено пожизненное лишение свободы, на второе – смертная казнь.

Иное положение в США. Только федеральное уголовное законодательство США предусматривает 70 составов преступлений, в санкции которых включена смертная казнь. Подавляющее большинство из них представляют собой различные виды убийств или иных преступлений, связанных с причинением смерти человеку. Кроме того, смертная казнь предусмотрена за шпионаж, похищение людей и измену³⁵. А в 38 штатах, в уголовном законодательстве которых существует смертная казнь, перечень преступлений, за совершение которых она может быть применена, очень разный. Там с 1976 по 1993 гг. было казнено всего 290 чел. За 1973–1995 гг. в США были приговорены к смертной казни 5580 чел., казнены 313, умерли по различным причинам 138, смягчен приговор в отношении 2075 чел.³⁶ В 1996 г. в ожидании исполнения приговора о смертной казни находилось около 500 чел. «Очередь смертников» превышает 3 тыс. осужденных. Средний срок ожидания смертной казни по стране в целом – около 9 лет. Поэтому идет ежегодный рост «очереди смертников».

Фактическая отмена смертной казни в России не означает, что общественное мнение на фоне растущей преступности готово к принятию такого решения и что его следует принять немедленно. Социологические опросы россиян свидетельствуют, что 60–80% населения против отмены смертной казни как вида уголовного наказания за совершения убийств с отягчающими обстоятельствами. Подобные дискуссии идут в мире около 2,5 тыс. лет³⁷. Интенсивный рост массовых особо тяжких преступлений в послевоенный период, особенно в последние годы в России, непрерывно актуализирует этот непростой вопрос³⁸.

Мы уже говорили, что отмена смертной казни по отношению к убийцам под демагогическим предлогом, что она якобы не эффективна, не имеет необходимого научного обоснования и я не являюсь сторонником смертной казни. Повторяю: *она нежелательна, но не по научным и практическим соображениям, а по этическим, моральным.*

Подводя итоги дискуссии об отмене смертной казни, можно сделать единственный вывод, что как бы ни был сложен и противоречив этот процесс, его основная тенденция давно определилась. Реальной альтернативой смертной казни является пожизненное или долгосрочное лишение свободы. Однако решение этого вопроса связано не только с правовым, но экономическим и особенно с криминологическим развитием страны и мира.

Анализ только некоторых составляющих борьбы с преступностью свидетельствует о том, что в силу различных объективных, негативных и позитивных причин идет реальный процесс постепенного «отставания» уголовно-правового контроля над преступностью от ее качественно-количественных изменений. Человечество никогда не откажется от уголовного наказания за совершение преступлений, но оно все больше и больше осознает его ограниченные возможности и стратегическую бесперспективность жестоких наказаний и казней в цивилизованном обществе. Поэтому традиционные способы уголовно-правовой борьбы должны дополняться методами криминологического воздействия на среду и личность делинквентов. Это единственный выход, и выход справедливый. Ибо нет пока убедительных доказательств того, что преступниками рождаются или становятся сами по себе. Но есть достаточно свидетельств, что противоправное поведение формируется общественной средой. Поэтому общество обязано не только брать на себя часть вины за совершаемые деяния, но принимать необходимые меры по очеловечиванию, социализации людей. И вот эта цель при традиционном взгляде на преступность, а также пути ее решения на столетие «обгоняют» ее развитие.

Тенденция роста преступности и тенденция «отставания» уголовно-правового контроля над ней увязываются между собой в некий порочный круг, разорвать который можно только на пути гуманистических, профилактических, криминологических стратегий борьбы с преступностью. Этот порочный круг трудно разорвать в рамках традиционной уголовной политики.

Международная озабоченность отменой смертной казни

Мировое сообщество озабочено решением двух главных задач: как снизить темпы роста преступности и как обеспечить гуманное обращение с правонарушителями. Совместимы ли они? Несомненно, они соединимы в цивилизованном демократическом обществе, где глубоко осознаны закономерности в области преступности, ее объективные причины и научно-практическая несостоятельность неправового и жестокого обращения с правонарушителями, где созданы (или создаются) условия для успешной реализации этих гуманистических тенденций. В противном случае рассматриваемая идея может быть скомпрометирована, а ее формальная реализация не достигнет желаемой цели. Таким образом, они совместимы в оптимальном соотношении эффективности, гуманности и реалистичности³⁹.

Временной анализ международных документов свидетельствует о последовательном повороте их

направленности от традиционно уголовно-правовой проблематики, где выработаны необходимые принципы и минимальные правила, к криминологической, где много нерешенных вопросов⁴⁰.

Последние конгрессы изобилуют решением криминологических проблем. На Четвертом конгрессе (Киото, 1970 г.) была принята декларация, в которой говорилось о безотлагательной потребности всемирного сообщества наций улучшить планирование своего экономического и социального развития в целях предупреждения преступности. На Шестом конгрессе (Каракас, 1980 г.) была принята Каракасская декларация, которая провозгласила девять принципов предупреждения преступности. На Седьмом конгрессе (Милан, 1985 г.) принят целый пакет криминологически значимых документов. В миланском плане действий, Руководящих принципах в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка в разделах «Предупреждение преступности и новый международный экономический порядок» и «Национальное развитие и предупреждение преступности» изложены основные подходы к предупредительной работе. На этом же конгрессе была принята резолюция о разработке стандартов для предупреждения преступности среди несовершеннолетних. На Восьмом конгрессе (Гавана, 1990 г.) разработка документов, регламентирующих предупредительную деятельность, заметно расширилась и углубилась. В резолюциях «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития», «Руководящие принципы ООН для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней» и других решаются важные вопросы криминологического контроля над преступностью. Криминологический аспект контроля над преступностью получил дальнейшее развитие на Девятом конгрессе (Каир, 1995 г.). На Десятом конгрессе (Вена, 2000 г.) был принят единственный документ «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI в.», в которой обозначены все мировые криминологические вызовы⁴¹. Одиннадцатый конгресс (Бангкок, 2005 г.) был назван по-новому: «по предупреждению преступности и уголовного правосудию», тогда как прежде они назывались «по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями». Это изменение значимо. Главной темой конгресса было обозначено «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия». На конгрессе никаких документов мирового значения принято не было. Все ограничилось докладами Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» и Генерального секретаря «При большой свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех»⁴². Безопасность заняла свое место наравне со свободой и правами человека.

Это совсем другой подход по сравнению с тем, который высказал 300 лет тому назад один из авторов Декларации независимости и Конституции США Бенджамин Франклин и которым мир руководствовался в начале XX в. Франклин писал: «Пожертвовавший свободой ради безопасности не заслуживает ни свободы, ни безопасности». Эти бескомпромиссные слова были сказаны в годы становления дикого капитализма и образования первой в мире страны мигрантов, любой ценой жаждущих золота и свободы. Однако свободы не может быть в условиях отсут-

ствия безопасности. Свобода в любом случае остается непреходящей ценностью человечества. Но безопасность его в современно более жестоком мире не может оставаться на уровне XVII в., какой она была во времена жизни Бенджамина Франклина.

Итак, мировые, региональные и российские тенденции преступности не дают оснований для ее благоприятного криминологического прогноза в мире, особенно в России. Интенсивный рост преступности – не сама болезнь общества, а лишь симптом его более глубоких социальных недугов. С развитием общества эти социальные недуги не исчезают, а трансформируются и углубляются. Надежды социалистов-утопистов, что с экономическим и политическим развитием общества преступность будет сокращаться, не оправдались. Закономерность такова: чем богаче и развитее страна, тем выше и опаснее в ней преступность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Международный обзор уголовной политики. М., 1990. С. 38; Смертная казнь. Анализ мировых тенденций. Нью-Йорк, 1990. С. 5.
- ² См.: Global Repot on Crime and Justice. Graeme Newman Ed. Published for the Union Nations. New York. Oxford/ 1999. P. 109–111.
- ³ См.: Всероссийская конференция по проблемам отмены смертной казни (Москва, 3–4 июня 1999 г.). М., 2000. С. 33–34.
- ⁴ См.: Михлин А.С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000. С. 29–38.
- ⁵ См.: Скандал в области прав человека: политика и практика в США // Международная амнистия. Бюллетень. 1992. Сентябрь. С. 2.
- ⁶ См.: Там же. С. 36.
- ⁷ См.: Международная амнистия. Бюллетень. 1992. Декабрь. С. 7.
- ⁸ См.: Московские новости. 1992. № 41.
- ⁹ См.: Международный обзор уголовной политики. С. 84.
- ¹⁰ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. V–VI. С. 205–206.
- ¹¹ См.: Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Тула, 2000. С. 6.
- ¹² См., напр.: Смертная казнь: за и против / Сост. О.Ф. Шишов, Т.С. Парфенов. М., 1989.
- ¹³ См.: Когда убивает государство... Смертная казнь против прав человека / Пер. с англ. М., 1989.
- ¹⁴ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. СПб., 2004. С. 427.
- ¹⁵ Секретная директива Президента США позволяет агентам ЦРУ убивать главарей террористов без суда и следствия (см.: Российская газета. 2002. 17 декабря). Подобное недопустимо, но это не просто декларация, а реальная современная американская практика.
- ¹⁶ Российская газета. 2004. 19 мая.
- ¹⁷ Жуковский В.А. Соч. СПб., 1857. Т. XI. С. 117.
- ¹⁸ См.: Демографический ежегодник России. Официальное издание. М., 2002. С. 214.
- ¹⁹ Российская газета. 1995. 28 марта.
- ²⁰ Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900.
- ²¹ См.: Практический комментарий к УК РФ.
- ²² См.: Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1913. С. 115.
- ²³ См.: Корецкий Д., Милоков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. С. 112–114.
- ²⁴ См.: Старков О.В. Криминология. М., 2004. С. 96.
- ²⁵ См.: Голик Ю.В. Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права / Сост. и ред. Ю.В. Голик. СПб., 2004. С. 44–46.
- ²⁶ См.: Российская газета. 2002. 17 декабря.
- ²⁷ Михлин А.С. Высшая мера наказания. С. 157.
- ²⁸ См.: Там же. С. 170–175.
- ²⁹ См.: Право на смертную казнь: Сб. ст. / Под ред. А.В. Молько. М., 2004; Гулиев В.Е. Отмена смертной казни – преступное непротивление злу насилием // Юридический мир. 2002. № 1. С. 5–13.
- ³⁰ См.: Комментарий к УК РСФСР. М., 1984. С. 166, 398.
- ³¹ См.: Российская газета. 1995. 12 июля.
- ³² См.: Там же. 1997. 4 марта.
- ³³ Очень трудно понять и то, почему руководство этой комиссии обычно поручается людям, которые отбывали уголовное наказание, законно или незаконно. Последнее даже хуже, поскольку над незаконно репрессированными людьми довлеет «комплекс незаконно-

сти» деятельности системы уголовной юстиции. Они не могут быть объективны в оценке тяжких деяний опасных преступников. У них вольно или невольно доминирует желание облегчить судьбу осужденного, поскольку жизнь жертв уже не вернуть. Но они не думают о жизни их близких (сирот, вдов, беспомощных родителей) и тех, кто знал о совершенных зверствах. Такие люди профессионально не пригодны для принятия трудных, но взвешенных и справедливых решений.

³⁴ См.: Бородин С.В. Смертная казнь // Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 564–565.

³⁵ См.: Михлин А.С. Высшая мера наказания. С. 33.

³⁶ См.: U.S. Department of Justice. Bureau of Justice Statistics. Washington. 1996.

³⁷ См.: Безескул В.П. Прения о смертной казни 2300 с лишним лет тому назад: Исторические этюды. СПб., 1911. С. 71–72.

³⁸ См., напр.: Бородин С.В. Смертная казнь. С. 570; Право на смертную казнь: Сб. ст. / Под ред. А.В. Моляко. М., 2004. В этом сборнике видные политические и религиозные деятели, ученые и практики – сторонники применения смертной казни к убийцам – высказывают свои суждения по этому вопросу. Редактор этой работы Д.В. Казаков во вступлении пишет: «Введение моратория на смертную казнь – акт безответственный; помимо вредных последствий, так сказать, текущего характера его “идеологическое сопровождение” в перспективе будет способствовать подавлению воли к сопротивлению проявлениям зла в любой форме» (С. 4).

³⁹ Я не исключаю, что в особых чрезвычайных мировых или региональных ситуациях сообщество вынуждено будет перейти выстраданную гуманистическую грань в борьбе с террористической, национально-религиозной, насильственной и военно-агрессивной оголтелой преступностью. Социальная база для нее в той или иной мере формируется уже сегодня. Она предопределяется на основе диких форм современной социальной несправедливости. Человечество пока не нашло достойных форм своего международного и внутреннего социально-правового мироустройства и миросуществования. Борьба между людьми, социальными, национальными, религиозными и политическими образованиями в процессе выживания в условиях растущего дефицита элементарных средств существования не только не уменьшается, но возрастает. Реальная смертная казнь будет приобретать иные формы, иное правовое и неправовое обоснование. Обратимся к поведению США в послед-

ние годы, особенно в Ираке. Ведь там ежечасная и даже ежеминутная смертная казнь существует не только и не столько в формальных правовых формах (повешение Садама Хусейна, кстати, было осуществлено формально по праву, а фактически – в нарушение всех действующих международных норм), но и на основе «фактического права». Аргументы: он давал указание об уничтожении негодных людей. А чем же (с точки зрения субъективной стороны деяния) от него отличаются современные террористы, бандиты и серийные убийцы? Только большей личной жестокостью. Ныне на глазах всего мира идет уничтожение и самоуничтожение древнейшей цивилизации вне всяких правовых форм как со стороны агрессора, так и со стороны самого многонационального и многоконфессионального населения. У каждого «свое право». А как оценить фактическое убийство Слободана Милошевича в «цивилизованной европейской тюрьме»? А какими правовыми нормами руководствуются израильтяне, которые захватили чужие земли и вне всякого права, суда и разбирательства только на основе собственных интересов и предположений бомбят палестинские поселения «квадратно-гнездовым способом», потому что там, по их разумению, могли укрываться незримые террористы? Одновременную гибель ни в чем не повинных детей, стариков и других мирных жителей они расценивают как «нормальную естественную убыль». Палестинцы руководствуются «своим правом» и делают то же самое.

⁴⁰ См.: Нормы и руководящие принципы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия: осуществление и приоритеты для будущей выработки стандартов: Сб. стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. А/CONF.144/Inf. 2, 11 May 1990; Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.

⁴¹ См.: Лунеев В.В. Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. № 9. С. 95–100.

⁴² См.: Голик Ю.В. Одиннадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: Сборник научных трудов под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов 2005. С. 41–47.

Использование способа совершения преступления в качестве дифференцирующего средства в нормах главы 21 УК РФ

Л.Л. КРУГЛИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

В целях дифференциации ответственности наиболее часто в статьях Особенной части УК РФ законодатель использует конкретные квалифицирующие обстоятельства, в том числе относящиеся к способу совершения преступления.

В настоящее время примерно две трети статей, содержащих описание видов преступлений, упоминают об усиливающих или снижающих наказуемость обстоятельствах – квалифицирующих либо, заметно реже, привилегирующих. Наиболее распространенными обстоятельствами такого рода являются совершение преступления группой лиц (той или иной ее разновидности); применение насилия, угрозы применения насилия; использование служебного положения; крупный, особо крупный размер и тяжкие последствия; применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Важное место при этом занимают квалифицирующие признаки, характеризующие способ посягательства, – насилие, угрозы, использование служебного положения, применение оружия, совершение преступления общеопасным способом и т.д. Нормы

гл. 21 УК РФ на этом фоне выделяются тем, что именно признаки способа посягательства (наряду с признаками, характеризующими размер похищенного, уничтоженного и т.д. имущества, материального ущерба) занимают среди квалифицирующих обстоятельств доминирующее место.

Так, насилие и угроза насилия задействованы в нормах этой главы для дифференциации ответственности около десяти раз, совершение преступления с проникновением в жилище, помещение или иное хранилище – четыре раза, использование лицом своего служебного положения и применение оружия, иных предметов в качестве оружия – три раза. Кроме того, законодатель оперирует в ходе дифференциации наказуемости за преступления против собственности рядом других признаков, относящихся к способу преступного поведения, таких как тайный и открытый способы хищения, обман и злоупотребление доверием, общеопасный способ и др. (всего свыше 20 различных способов).

Видимо, такое положение не случайно. Охарактеризованный в самом общем виде способ посягатель-

ства трактуется как «те приемы и методы, которые использовал преступник для совершения преступления»¹ или, согласно несколько иному толкованию, «совокупность приемов и методов»². Однако такое определение понятия уголовно-правового способа представляется крайне общим. Законодатель предпочитает оперировать в процессе описания норм УК РФ конкретными видами способов (методов, приемов).

По этой причине заслуживают упоминания и рассмотрения иные, более конкретные, определения понятия способа преступного поведения в современной теории уголовного права.

Существует мнение, что способ посягательства тесно связан с орудиями, средствами совершения преступления³, представляет собой применение или известный порядок применения средств, то есть средства признаются конститутивным признаком способа совершения преступления⁴. Но более распространен тот взгляд, что средства, лишь взятые в их динамическом аспекте, относятся к способу посягательства, образуя одну из его разновидностей⁵.

Нормы гл. 21 УК РФ дают определенные основания для подобной трактовки способа совершения преступления. Так, дифференцирующим признаком при разбое выступает применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ), а при умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества – поджог, взрыв или иной общеопасный способ (ч. 2 ст. 167 УК РФ). И в том и в другом случае предполагается применение определенного характера средств совершения преступления.

В частности, общеопасный способ посягательства предусматривает обязательное применение общеопасных средств, то есть таких, которые обладают повышенной поражающей силой, способны разом повлечь причинение вреда ряду объектов, предметов. Но одного этого для констатации общеопасного способа недостаточно: нужна соответствующая обстановка применения таких средств. Поэтому если, скажем, огонь как общеопасное средство используется в условиях, когда угроза гибели существует только для одного лица (потерпевшего), нельзя вести речь об общеопасном способе совершения преступления. В этой связи обратим внимание на нечеткость редакции одной из статей, где упоминается разновидность общеопасного способа (ч. 3 ст. 127¹ УК РФ): совершение деяний способом, опасным для жизни и здоровья многих людей. На самом деле такой способ наличествует при создании опасности как для жизни и здоровья, так и только для здоровья. Поэтому вместо соединительного союза «и» уместно было использовать разделительное «или».

Определенные сомнения есть в обоснованности выделения квалифицирующего обстоятельства, названного в ч. 2 ст. 162 УК РФ. Дело в том, что существует довольно жесткий набор требований, предъявляемых к обстоятельствам, претендующим на роль квалифицирующего признака. Одно из таких требований – нехарактерность оцениваемого более опасного варианта преступного поведения для большинства деяний, зафиксированных в основном составе⁶. Иначе говоря, обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для преступлений с основным составом. Однако в действующем УК РФ это правило не всегда выдержано. Например, для разбоя, всегда сопряженного с насильем либо угрозой применения насилия, опасными для жизни или здоровья, типично

применение оружия либо, по крайней мере, других предметов, используемых в качестве оружия. Придавание этому обстоятельству в кодексе значения квалифицирующего признака (ч. 2 ст. 162 УК РФ) сводит к минимуму сферу применения ч. 1 данной статьи, что и наблюдалось в период действия прежнего уголовного законодательства. Поэтому следует поддержать по данному вопросу позицию правотворца УК Республики Беларусь, не включившего рассматриваемый признак в качестве квалифицирующего в состав разбоя (ст. 207 УК РБ).

По тем же соображениям выглядит спорным внесение в ряд статей о хищениях (ст. 158, 161, 162 УК РФ) квалифицирующего признака «с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище». Если незаконное проникновение в жилище (еще один дифференцирующий признак, используемый в данных статьях) всегда влечет нарушение дополнительного объекта – конституционного права на неприкосновенность жилища, и отсюда понятны причины выделения этого признака, то подобно нельзя сказать о проникновении в хранилище: в этом случае отсутствует дополнительный объект. К тому же речь идет об обычном месте нахождения имущества, то есть это норма для имущественных посягательств. Можно привести еще два довода: 1) не во всех обстоятельствах наблюдается резкое повышение уровня общественной опасности содеянного (например, при краже из сарая, гаража), 2) возникают сложности в правоприменительной практике относительно уголовно-правовой оценки содеянного.

Об этом свидетельствует, в частности, следующий пример. Подъехав ночью на машине к теплице сельхозпредприятия, занимавшегося выращиванием ранних овощей, и лишив сторожа сознания, С. и К. погрузили ящики с огурцами: вначале – находившиеся внутри теплицы, затем – вне ее. Руководство предприятия пояснило, что теплица использовалась не только для выращивания продукции, но и для временного хранения последней. Поскольку накануне не все ящики поместились в теплице, часть их была оставлена вне обычного места хранения. С. и К. реализовали единый умысел на хищение сельхозпродукции, и потому возник вопрос о возможности квалификации содеянного по совокупности преступлений. Ведь один эпизод хищения сопровождался проникновением в хранилище, а другой осуществлен путем свободного доступа.

В Уголовном кодексе Российской Федерации имеется немало и других статей, в которых способ фигурирует как использование (применение) средств. Так, достаточно распространенными признаками основного или, чаще, квалифицированного составов преступления выступают использование специальных средств, специальных технических средств, поддельных документов (ст. 127, 138, 286 УК РФ и др.), сопряженность с использованием поддельных документов, изъятием, сокрытием или уничтожением документов (ст. 127¹, 127² УК РФ), представлением заведомо ложных сведений (ст. 176 УК РФ) и т.д.

В качестве средства совершения преступления могут выступать и одушевленные предметы. Касаюсь использования преступником одного из них, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 24 Постановления № 29 указал, что действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия, надлежит квалифицировать с учетом конкретных об-

стоятельств дела по ч. 2 ст. 162 УК РФ. Если выясняется, что опасность для жизни или здоровья человека со стороны животного отсутствовала, возможно признание состава кражи или грабежа.

Вторая мыслимая ситуация – использование в целях хищения малолетних, невменяемых, невиновно действующих и т.п. Заслуживает поддержки следующая позиция, содержащаяся в абз. 2 п. 12 Постановления № 29: в таких случаях при отсутствии других квалифицирующих признаков применению подлежат ч. 1 соответствующих норм о хищении, действия виновного рассматриваются как непосредственное исполнение преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Следует в этой связи напомнить, что в ранее действовавшем постановлении 1966 г. рекомендация пленума была иной: содеянное должно рассматриваться как групповое преступление независимо от того, что остальные участники преступления (помимо виновного) в силу недостижения возраста или по другим предусмотренным законом основаниям не могут быть привлечены к уголовной ответственности⁷. Последнее мнение, которое активно поддерживал ряд юристов⁸, подвергалось в свое время обоснованной критике, в том числе и в наших работах⁹.

Нельзя оставить без внимания и вопрос об уголовно-правовой оценке способа хищения, связанного с дачей одурманивающих веществ. Позиция пленума относительно этого такова: введение в организм потерпевшего против его воли либо путем обмана опасных для жизни или¹⁰ здоровья сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ с целью завладения чужим имуществом должно квалифицироваться как разбой, а при отсутствии такой опасности – как грабеж, соединенный с насилием¹¹. Такой подход далеко не бесспорен. Если одурманивающее средство вводится путем обмана, то можно ли вести речь о нападении как признаке разбоя? Еще более сомнительна ситуация с предполагаемым грабежом: если потерпевший после приема таких веществ временно теряет сознание, то как можно говорить об открытом (совершаемом «на виду» у потерпевшего) хищении? По нашему мнению, при даче одурманивающих веществ содеянное должно квалифицироваться (в случае реального причинения вреда здоровью) по совокупности преступлений: как посягательство на здоровье потерпевшего и последовавшее затем завладение имуществом последнего в форме кражи (при «отключении» на время хищения сознания потерпевшего) или грабежа (при использовании беспомощного состояния потерпевшего). И только в случае, когда потерпевший вопреки его воле вынужден принять одурманивающее средство, осознавая цель подготовки посягательства на его имущество (что понимает и виновный), можно вести речь о нападении, применении насилия для хищения. Иначе отсутствуют особая дерзость деяния, резкое повышение общественной опасности преступного поведения.

Итак, способ совершения преступления, действительно, нередко сопряжен с применением тех или иных средств посягательства. Однако, во-первых, немалое число способов совершения преступления не связано (или может быть не связано) с применением средств, что видно и из содержащихся в УК РФ, в том числе в гл. 21, таких способов, как использование лицом своего служебного положения, обман или злоупотребление доверием, сопряженность с проникновением в помещение, иное хранилище или жилище и т.д. Во-вторых, средство совершения преступления может выступать и в качестве самостоятельного

признака посягательства, например, при подделке документов, штампов, государственных наград (ст. 327 УК РФ), создании банды (ст. 209 УК РФ), организации незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ).

Таким образом, толкование такого способа совершения преступления, как применение определенных средств, явно узко и не может быть воспринято, так как не охватывает всех объективно возможных способов посягательства (например, насилия, обмана или злоупотребления доверием, использования лицом своего служебного положения).

Нередко способ совершения преступления отождествляют с формой деяния, причем одни юристы – в целом с формой¹² либо с одним из элементов, влияющих на форму деяния¹³, другие – только с внешней формой¹⁴. По сути, со структурой (внутренней формой) деяния ассоциируют способ те ученые, которые склонны рассматривать его в качестве того, что характеризует порядок, последовательность осуществления преступного поведения¹⁵.

На наш взгляд, толкование способа совершения преступления как формы посягательства или уголовно наказуемого деяния имеет определенный смысл, ибо способ может выполнять функцию формы преступного поведения. В частности, фактически общепризнано, что формы хищений выделяются в зависимости от способа: различают тайное и открытое хищение; с насилием (угрозой применения насилия), опасным и неопасным для жизни или здоровья; путем обмана или злоупотребления доверием и т.д. Да и законодатель, говоря об ответственности за преступление по ст. 164 УК РФ «независимо от способа хищения», несомненно, имеет в виду формы хищений, предусмотренные ст. 158–162 УК РФ.

Во всяком случае выделение в качестве форм кражи и грабежа соответственно тайности и открытости не вызывает сомнений. Эти формы определяют специфический характер общественной опасности упомянутых видов хищения и в то же время служат критерием разграничения последних. А поскольку речь идет о так называемых смежных составах преступлений, именно в связи с определением тайности-открытости возникает масса ошибок. Не случайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации, обратив внимание на допускаемые по уголовным делам факты неадекватного понимания этих понятий, предостерег суды от «ошибок, связанных с неправильным толкованием понятий тайного и открытого хищений чужого имущества»¹⁶.

К сожалению, разъяснения пленума по этому вопросу не всегда, на наш взгляд, отличаются четкостью.

С одной стороны, пленум правильно отдает приоритет субъективному восприятию обстановки хищения виновным. Так, если похититель полагал, что собственник, иной владелец, посторонние лица в момент совершаемого им хищения имущества отсутствуют, либо не видят, или не осознают противоправного характера происходящего, содеянное, как указывает Пленум, следует считать тайным хищением. Напротив, когда виновный сознает, что присутствующие лица понимают противоправный характер его действий, то, даже если они не принимали мер по пресечению этих действий, хищение необходимо считать совершенным в открытой форме.

С другой стороны, трактовка Пленумом фигуры постороннего представляется сомнительной: не признается таковым лишь близкий родственник виновного, когда похититель «рассчитывает в связи с этим

на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица»¹⁷.

Но правомерно ли ограничивать круг «непосторонних» лиц при хищении лишь близкими родственниками? А если таковым оказывается супруг, сожитель, близкий друг, совместно с похитителем судимое в свое время лицо? Вот один лишь пример из практики. А., проходя по улице поселка, увидел лежащего на дороге пьяного В. Он стал обыскивать карманы одежды В. и в это время почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Оглянувшись и поняв, что это Ф., с которым А. в недавнем прошлом отбывал вместе наказание в одной колонии, А. предложил тому присоединиться к краже. Ф., однако, заявил, что ему не хочется попадать вновь в места заключения и, пожелав А. «успехов в добыче», стал удаляться прочь. Думаясь, Ф. нельзя признать «посторонним», поскольку, как и в случае с близким родственником, виновный рассчитывает на «солидарность», на то, что он не встретит какого-либо противодействия со стороны Ф. Отсюда пленуму следовало, расширив примерный круг «непосторонних» лиц, акцентировать внимание на отсутствии в таких случаях признака дерзости в поведении виновного.

Вызывает возражение и неоднократное указание Пленума на то, что тайность и открытость взаимосвязаны с изъятием чужого имущества. Эти формы могут сопровождать и завладение имуществом, обращение последнего в свою пользу либо в пользу иных лиц. Отсюда, как правильно отмечается в п. 5 Постановления № 29, следует констатировать перерастание тайной формы в более опасную – открытую форму, когда при появлении собственника, посторонних лиц и т.п. виновный продолжает осуществлять незаконное изъятие имущества или его удержание. Если, следовательно, по окончании изъятия имущества действия виновного обнаруживаются, но он в продолжение своих действий предпринимает усилия по обращению имущества в свою пользу, чтобы получить реальную возможность распорядиться похищаемой вещью по своему усмотрению, следует оценивать меры по окончании хищения в соответствии с рекомендациями, сформулированными в п. 5 Постановления № 29.

Заканчивая рассмотрение феномена способа посягательства как возможной внешней формы преступного поведения, обратим внимание на несводимость способа лишь к форме посягательства. В теории уголовного права способ рассматривается как один из элементов объективной стороны преступления, но в таком качестве он входит в содержание преступления, он ближе к содержанию, чем к форме, поскольку содержание понимается как «совокупность элементов, процессов, материальных связей, образующих данное явление»¹⁸. Поэтому-то способ не может быть признан исключительно формой деяния, даже внешней. Тем более что внешняя форма присуща преступному поведению в целом, а не только действию, бездействию. Отсюда недопустимо сведение способа совершения преступления к форме посягательства, равно как и формы – к способу. В этой связи обратим внимание на отдельные неточности в законодательных формулировках. В частности, в ст. 71 УК РСФСР 1960 г. говорилось об ответственности за пропаганду войны, в какой бы форме она ни велась. Ясно, что термин «форма» охватывал в данном случае и возможные способы совершения преступления¹⁹. Но поскольку в действительности понятия способа и формы не совпадают, соотносятся как родовое и видовое, целесообразнее было законодателю вести речь о пропаганде войны, наказуемой независимо от

формы и способа ее ведения. Примечательна в этом смысле конструкция ст. 1 французского Декрета от 21 марта 1939 г., предусмотревшей ответственность лиц, разглашающих, распространяющих, публикующих либо производящих «каким бы то ни было способом и в какой бы то ни было форме военную информацию любого рода».

Ввиду того что одно и то же явление может выступать как содержание одного явления и как форма другого, заслуживает внимания характер связи способа с преступным деянием, тем более что в теории уголовного права бытует выражение «способ действия (бездействия)». Ведь с позиции соотношения формы и содержания не исключено, что способ, являясь элементом преступления, в то же время по отношению к преступному действию (бездействию) выступает в качестве внутренней формы, структуры его либо же в облики внешней формы.

Российское уголовное законодательство свидетельствует о том, что способ, как правило, проявляется через действие или, реже, бездействие, имеет в законе вид преступного поведения. Так, например, способами совершения мошенничества (ст. 158 УК РФ), причинения имущественного ущерба (ст. 165 УК РФ) выступают обман или злоупотребление доверием, способами умышленного уничтожения или повреждения имущества – поджог, взрыв либо иной общеопасный способ (ч. 2 ст. 167 УК РФ), способом разбойного нападения (ст. 162 УК РФ) – применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Большое число преступлений совершается такими способами, как применение насилия или угроза его применения (ст. 161, 162, 163, 166 УК РФ и др.), а в некоторых ситуациях – при наличии негативного признака, скажем, без применения насилия, угроз, использования беспомощного состояния (ст. 135 УК РФ). Во всех этих случаях способ совершения преступления имеет вид действия, а иногда и бездействия²⁰.

Проявляясь через общественно опасное поведение, имея вид преступного деяния, способ посягательства вместе с тем мыслим в законе лишь в пределах этого общественно опасного поведения (за исключением случаев, когда он имеет вид внешней формы – «тайно, открыто») и притом только наряду с другим явлением, составляющим обязательный элемент объективной стороны всякого состава преступления и именуемым в теории преступным действием (бездействием), которое для недопущения смешения его со способом целесообразно именовать основным деянием. Так, мошенничество есть хищение (основное деяние) путем обмана или злоупотребления доверием (альтернативные способы совершения); насильственный грабёж – открытое хищение чужого имущества с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (способы реализации основного деяния); повышению наказуемым является требование передачи чужого имущества (основное деяние), совершенное с применением насилия (способ обеспечения требования).

Но названные два деяния не просто соседствуют в уголовном законе, а и состоят между собой в определенной связи, которую можно выразить формулой: одно деяние (способ) для (ради) другого (основного деяния). При отсутствии такого рода связи наличествуют самостоятельные явления. Ввиду этого насилие (угроза насилия), примененное похитителем для того, чтобы избежать задержания, может рассматриваться как самостоятельный акт поведения (наряду с хищением).

Отсюда общепонятно опасное деяние, взятое изолированно, способом совершения преступления не является. И вряд ли можно вне упомянутой связи («для/ради») утверждать, что, например, насилие либо обман – это способы совершения преступления: до тех пор пока не установлено наличие двух актов поведения, к тому же состоящих в определенной связи, преступное поведение для нас лишь деяние и не более того. Так, нападение в целях хищения чужого имущества (ст. 162 УК РФ) суть не способ, а вид преступного деяния.

Характер связи способа совершения преступления с основным деянием в гл. 21 УК РФ и др. подчеркивается не только в законодательстве с помощью слов «посредством», «путем», «с использованием», «с применением» и т.д., но и в науке, оперирующей нередко обозначением «способ действия, бездействия». В этом сочетании ярко проявляется зависимость способа от основного деяния. Другое дело, что представляется правильным иное обозначение анализируемого признака объективной стороны: не способ действия (бездействия), а способ совершения преступления. Заметим в этой связи, что как способ не охватывает собой преступного поведения индивида в целом, так и основное деяние не включает в себя целиком способ совершения преступления. Представляя собой акт поведения, призванный оказать помощь, содействовать основному деянию, способ посягательства в то же время сохраняет свою относительную самостоятельность. Если способ и основное деяние – части, то они входят в явление, вне которого не могли бы существовать.

Таким целым по отношению к ним выступает преступное поведение. Как и всякое иное явление, образование, оно «в одно и то же время выступает и как нечто разделенное на части, и как органически связанное, целое»²¹. Целое не может быть простой совокупностью входящих в него элементов. Последние должны находиться во взаимодействии, взаимосвязи. Говоря иными словами, в рамках целостной системы основному деянию и способу должна соответствовать структура, внутренняя форма преступного поведения. Устойчивая система связи основного деяния и способа, выраженная формулой «для/ради», и есть внутренняя форма, важный фрагмент структуры преступного поведения, содержание которого составляют два элемента – основное деяние и преступный способ²².

Таким образом, не способ совершения преступления структурирует деяние, преступное поведение, а отношение «для/ради» между составными частями такого поведения.

Являясь факультативным признаком объективной стороны состава преступления (как и все иные ее составляющие, за исключением основного деяния), способ совершения преступления выполняет важные уголовно-правовые функции. Одной из них является функция дифференциации уголовной ответственности и наказания, которую способ преступного поведения может выполнить при наличии всех признаков основного состава преступления.

В этой связи вызывает озабоченность позиция законодателя по вопросу о юридической ответственности за мелкое хищение, под которым понимается хищение чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при стоимости похищенного, не превышающей 1 тыс. руб. В соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ мелкое хищение влечет административную ответственность, однако только при условии отсутствия квалифицирующих признаков соот-

ветствующих видов преступных хищений, в том числе характеризующих способ преступного поведения – с проникновением в хранилище, с использованием служебного положения и т.д. (ч. 2–4 ст. 158, ч. 2 и 3 ст. 159, 160 УК РФ). Возникает парадоксальная ситуация. Во-первых, хотя уголовная ответственность за мелкое хищение УК РФ не предусмотрена, она все же может наступить. Во-вторых, при обнаружении в деле квалифицирующих признаков констатируется наличие квалифицированного состава; но если они затем не находят подтверждения, исчезает вообще основание уголовной ответственности и применяется КоАП РФ. И ни при каких условиях невозможна ответственность за мелкое хищение по ч. 1 упомянутых статей, то есть мыслимы либо административно наказуемое поведение, либо квалифицированный вид преступления, но не деяние с основным составом преступления.

Налицо логическое противоречие, пути устранения которого были намечены в свое время Пленумом Верховного Суда применительно к весьма сходной ситуации. В абзаце 2 п. 17 ныне действующего Постановления № 4 от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» сказано, что наличие усиливающих уголовную наказуемость обстоятельств, «а равно способ исполнения преступления не являются обстоятельствами, которые могут служить основанием для квалификации мелкого хищения как хищения в значительном размере, при отсутствии умысла на такое преступление»²³.

К сожалению, законодатель формулировкой ст. 7.27 КоАП РФ наступает на те же грабли, игнорируя правила конструирования составов административного и уголовно наказуемого правонарушений, осуществления межотраслевой и внутриотраслевой дифференциации ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 2 т. М., 2004. Т. 1. Общая часть. С. 208; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Конспект лекций / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 59; Иванов В.Д. Уголовное законодательство Российской Федерации. Ростов н/Д, 1996. Т. 1. Часть Общая. С. 36 и др.

² Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 178; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 156; Спасенников Б.А. Конспект курса лекций по учебной дисциплине «Уголовное право. Общая часть». Архангельск, 2006. С. 57.

³ В уголовно-правовой литературе наиболее полное освещение вопрос о средствах совершения преступления нашел, пожалуй, в трудах известного русского правоведа Н.С. Таганцева, одного из авторов определения способа посягательства через средства преступного действия. По его мнению, средством преступления могут признаваться тело действующего, его органы, а «затем все находящиеся предметы материального мира и проявляющиеся в нем силы». «Более того, – продолжал автор, – при деятельности составной, сложной мы иногда причисляем к средствам даже последствия известной деятельности, поскольку они служат для дальнейшего осуществления предпринятого» (см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право (лекции). СПб., 1902. Т. 1. Часть Общая. С. 636). Нетрудно видеть, что в данном случае средство тяготеет к философскому пониманию – это то, через что достигается цель деятельности.

⁴ См.: Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления при помощи криминалистических экспертиз и исследований. М., 1970. С. 15–16; Колмаков В.П. Значение для расследования точного установления способов совершения и сокрытия преступлений против жизни // Сборник научных работ по судебной медицине и криминалистике. Харьков, 1956. С. 194; Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 214.

⁵ См., напр.: Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. 32; Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л. Кругликова. С. 179; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 139; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С. 156; Спасенников Б.А. Конспект курса лекций по учебной дисциплине «Уголовное право. Общая часть». С. 57.

⁶ Это требование некоторыми учеными ставится под сомнение (см., напр.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 66).

⁷ См.: Пункт 19 Постановления № 31 Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» // Сборник действующих постановлений пленумов высших судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1999. С. 290.

⁸ Странники такого понимания групповых преступлений исходят из того, что повышенная опасность последних «может лежать не только в плоскости соучастия в преступлении, но и в плоскости объективных признаков исполнения посягательства, способа посягательства» (Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 37–38).

⁹ См., напр.: Кругликов Л.Л. Группа лиц как квалифицирующее обстоятельство // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989; Он же. Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982–1999). Ярославль, 1999; Он же. Совершение преступления группой лиц как квалифицирующее обстоятельство // Право и современность. Караганда, 2001; Он же. Трактровка группы лиц в новейших диссертационных исследованиях // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 142. Казань, 2002; Он же. Группа лиц: связь с соучастием и исполнением преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2004.

¹⁰ Законодатель в УК 1996 г. с полным основанием заменил соединительный союз «и» разделительным «или», поскольку насильно может не обязательно представлять опасность одновременно и для жизни, и для здоровья. Достаточно создания опасности насильем для одного из двух упомянутых объектов. Проведенный нами анализ бюллетеней Верховного Суда Российской Федерации, вышедших в 1997 г. и позднее, и приговоров судов Ярославской области за тот же период показал, что судебные органы по-прежнему оперируют старой терминологией (см. об этом: Кругликов Л.Л. О языке правоприменительных актов уголовно-правового содержания // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Тольятти, 2007).

¹¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 6.

¹² См.: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. М.Н. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. С. 438; Сухарев Е.А. Оптимальное отражение способа совершения преступления в конкретных составах // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Свердловск, 1974. С. 60.

¹³ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 177.

¹⁴ «Способ совершения преступления – это та внешняя форма, в которой выражается преступное деяние» (Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 1997. С. 99).

¹⁵ См.: Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 44; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. С. 139.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Свицерский В.И. Об отражении материалистической диалектикой соотношения элементов и структуры в явлениях // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1960. № 2. С. 70.

¹⁹ «Такая пропаганда может вестись в устной или письменной форме (речь, беседы, листовки, статьи) путем распространения плакатов, рисунков или каким-либо иным путем» (Комментарий УК РСФСР / Под ред. Б.С. Никифорова. М., 1964. С. 169).

²⁰ «Способ, – отмечает Р.Р. Галиакбаров, – признак преступлений, совершаемых путем активных действий» (Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 124). Иную, более правильную, по нашему мнению, позицию занимает А.П. Козлов, допускающий способ и в виде бездействия (см.: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 215).

²¹ Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 281.

²² Союзы «для», «ради» в языке многих стран отражают одновременно целевые и причинные отношения, то есть когда «одно обуславливает появление другого». Так, в латинском языке причинное и целевое значение имеет слово «проптер» (для, ради). В немецком языке то же содержание несет предлог «wegen» («по причине, из-за чего») (см. об этом: Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 258–259).

²³ Сборник действующих постановлений пленумов высших судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. М., 1999. С. 257.

Дискуссионные вопросы понимания законодательной техники (в сфере уголовного правотворчества)

А.В. ИВАНЧИН – доцент кафедры уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат юридических наук, доцент

Понятие и различные аспекты законодательной техники интенсивно исследовались как теоретиками права, так и учеными-отраслевиками. На стыке тысячелетий был опубликован ряд крупных трудов по рассматриваемой теме¹. Вместе с тем анализ данных работ показывает, что и по сей день нет единства во взглядах на законодательную технику, в том числе в сфере уголовного правотворчества.

Прежде всего обращает на себя внимание дуализм трактовки: широкое и узкое понимание техники. Странники широкого подхода пытаются объять анализируемым понятием наряду с техническими операциями по созданию нормативных предписаний иные правотворческие компоненты, чаще всего

– организационно-процедурные правила законоподготовительной деятельности (составление и редактирование законопроектов, согласование их заинтересованными ведомствами, получение необходимых виз и заключений, предварительное обсуждение проектов, в том числе и всенародный референдум)². В содержание законодательной техники включают в этом случае также нормы, закрепляющие основную правотворческую процедуру (законодательную инициативу, порядок внесения и рассмотрения проектов и др.)³, правила и приемы опубликования законов⁴, организационно-методические правила перевода актов с одного языка на другой⁵, требования того, чтобы нормативные акты содержали указание на дату

и место их принятия, а также подпись должностного лица⁶.

Надлежащая организация работы по подготовке проектов нормативных актов, процедура их принятия и подписания играют, безусловно, важную роль в правотворчестве, но непосредственного отношения к выработке нормативных предписаний не имеют. Процедурно-организационные правила лишь регулируют специфические социальные связи, которые возникают при решении собственно технических вопросов – определении стиля, языка, логики и структуры нормативных актов⁷. Л.Л. Кругликов верно подметил, что при столь широкой трактовке законодательная техника «смыкается с понятием правотворчества, нормообразования, с технологией подготовки, обсуждения, принятия и опубликования правовых актов»⁸. Е.В. Ильок нашла даже, что законодательная техника, рассматриваемая в широком смысле слова, тождественна теории правотворчества⁹. Вряд ли можно вести речь о тождестве (поскольку теория правотворчества не исчерпывается процедурными и техническими вопросами), но тенденция включения в содержание данной техники практически всех правотворческих компонентов, характерная для широкого подхода, обозначена, на наш взгляд, верно.

При узком подходе под законодательной техникой подразумевают совокупность средств, приемов, методов, операций и т.п. компонентов, задействуемых в процессе выработки нормативных актов с целью обеспечения их совершенства. Техника связывается здесь со стадией «собственно технического построения норм с присущими ей техническими средствами и приемами»¹⁰. Предвестником такого понимания явилось учение Иеремии Бентама, который исследовал проблемы внешнего оформления права. У Бентама нашлись многочисленные последователи, отождествившие законодательную технику с его «номографией», то есть с вопросами языкового оформления правовых норм и структуризацией нормативных актов¹¹.

Некоторые ученые решили не ограничивать законодательную технику рамками внешнего оформления права и добавили к названным также вопросы выработки структуры права (например, А.А. Ушаков¹², Д.А. Ковачев¹³, С.С. Алексеев¹⁴). Эта позиция представляется правильной, но и она, на наш взгляд, нуждается в развитии. Сторонники узкого понимания законодательной техники отмечают, что она не относится к содержанию права. Еще Р. Иеринг подчеркивал, что вопрос о материальной пригодности права не принадлежит к технике права¹⁵. А.В. Наумов полагает даже, что исключение содержательно-правового аспекта вообще является главным в подходе к определению законодательной техники¹⁶. Нам эти высказывания представляются верными в том смысле, что законодательная техника не участвует в выработке существа правовой нормы. А что касается содержания права, то к нему упомянутая техника, как полагаем, имеет самое прямое отношение.

Аргументируем свою позицию. В создании права обычно выделяют две стороны: содержательную и формальную. Под последней понимают оформление содержания, и именно эта сторона отражается в понятии законодательной техники. Не менее часто, однако, функцию законодательной техники усматривают в оформлении законодательной воли (воли государства). Когда речь заходит о языке закона, также подчеркивается, что он должен адекватно передать содержание правовых норм или, что как будто

одно и то же, адекватно отразить волю законодателя. Зададимся, однако, вопросом: тождественны ли понятия воли законодателя и правового содержания? В ответе на него и заключена, как нам кажется, разгадка сущности законодательной техники. Воля законодателя и содержание права – разные явления. Законодательная воля определяет существо правового решения, представляет собой замысел творца права, который он хочет воплотить в содержании права. И воплощение этого замысла также не лишено технического субстрата, как и процесс внешнего оформления права. Законодательная воля должна быть, в частности, непротиворечиво выражена не только в форме права, но и в его содержании (скажем, в УК должны быть внутренне согласованы санкции). Социальная (в том числе, криминологическая) обоснованность санкций – вопрос существа дела, не относящийся к законодательной технике. А вот их системное построение и согласование между собой – это «дело техники» (используются приемы наложения санкций основного и квалифицированного составов и т.п.). Иными словами, при более внимательном рассмотрении механизма правообразования в нем просматриваются операции по формированию законодательной воли и операции по переводу ее в правовое содержание.

В итоге правовое содержание выступает формой законодательной воли, а она в свою очередь – его содержанием. Мысль о том, что одно и то же явление способно выступать одновременно и содержанием, и формой по отношению к другим явлениям, составляет общее место философского знания¹⁷. Получается следующая логическая цепочка: сначала происходит выработка решения по существу (формируется законодательная воля); затем это решение воплощается в праве (так как право имеет содержание и форму¹⁸, то данное решение выражается с помощью техники не только в форме, но и в содержании). Таким образом, при традиционном подходе к законодательной технике упускаются из виду технические операции по переводу законодательной воли в правовое содержание¹⁹.

Сущностные же аспекты правотворчества, к которым законодательная техника, действительно, не имеет никакого отношения, присущи процессу формирования законодательной воли. В связи с этим мы полностью солидарны с Ф. Жени, который противопоставлял законодательную технику «основным, субстанциальным элементам юриспруденции – элементам моральной и социологической природы»²⁰. К сущностным аспектам правотворчества относятся, к примеру, решения о криминализации и декриминализации деяний, пенализации и депенализации. Эффективность применения правовой нормы, конечно же, зависит от законодательной техники, от того, насколько искусно выработаны содержание и форма данной нормы. Однако главным образом ее эффективность определяется сутью, то есть сущностью, тем, насколько соответствует реалиям законодательная воля. Уголовно-правовые предписания, не обусловленные социально, являются «мертворожденными» (прав был Герберт Спенсер, рекомендуя законодателю «прежде чем вмешиваться в социальные процессы, тщательно их изучить»²¹). Следовательно, вполне мыслимо создание совершенного с точки зрения законодательной техники права, не работающего на практике. Так, многие предписания УК РФ 1996 г. можно до бесконечности «шлифовать», повышая уровень технического совершенства их со-

держания и формы, однако от этого эффективно работать они не начнут. В равной мере мыслимо создание технически совершенного законодательства, не соответствующего понятиям о добре и справедливости, к примеру дозволяющего убийства и грабежи, работорговлю. К таким, сущностным, аспектам законодательная техника безразлична.

Но содержание лишь мысленно можно отделить от формы. В реальности они не существуют друг без друга. «Форма содержательна, содержание оформлено», – гласит известный философский постулат. «В конкретных предметах, – конкретизирует его Ж.Т. Туленов, – содержание и форма существуют в непрерывном единстве»²². Это в полной мере относится и к праву. «Создание права, – правильно писал А.А. Ушаков, – происходит одновременно, в единстве содержания и формы»²³. Форма имеет большое значение (как сказали бы философы, она активна). Вообще для любого творца, по справедливому замечанию Гегеля, «служит плохим оправданием, если говорят, что по своему содержанию его произведения хороши (или даже превосходны), но им недостает надлежащей формы»²⁴.

Форма уголовного права подразделяется на внутреннюю и внешнюю. При создании внутренней формы выделяются отрасли, подотрасли, институты и, наконец, «кирпичики» – нормы и нестандартные уголовно-правовые предписания. Таким образом, создается скелет уголовного права, его структура. Внешняя форма уголовного права прежде всего представлена в его языковой оболочке и структуре уголовного закона (если право выражено в такого рода источнике). Отсюда в правообразовании явно просматривается процесс внешнего оформления права, в ходе которого также используются специфические средства и приемы (термины, примечания, перечневый и ссылочный приемы и т.д.).

Таким образом, понятие законодательной техники в уголовном правотворчестве²⁵ объемлет, на наш взгляд, выработку как внешней формы, так и структуры и содержания уголовного права за исключением его сущности. Еще раз подчеркнем, что сущность права определяется законодательной волей (политикой, экономикой, национальными и географическими особенностями страны и др. обстоятельствами), а потому, хотя и входит в содержание права, к законодательной технике отношения не имеет²⁶.

Изложенное выявляет небесспорность определения законодательной техники, предложенного Н.Ф. Кузнецовой. По ее мнению, указанная техника в уголовном праве означает «систему инкорпорации, кодификации и конструирования уголовно-правовых институтов и норм, обеспечивающую эффективность УК»²⁷. Эта дефиниция является слишком широкой, поскольку, например, кодифицированное уголовное правотворчество состоит в выработке и сущности, и содержания, и формы уголовного права. Законодательная же техника охватывает не все эти процессы. Кроме того, приведенная дефиниция представляется нелогичной, поскольку понятие конструирования институтов и норм с очевидностью пересекается с понятием кодификации. Наконец, эффективность уголовного закона зависит не только и не столько от законодательной техники, сколько от сущности уголовного права (определяемой во многом криминологией). Указанной технике отводится, так сказать, служебная роль – последовательное и точное выражение воли правотворца в уголовном законе.

Трудно согласиться и с подходом К.К. Панько. По его мнению, «законодательная техника – это обусловленная закономерностями развития правовой системы совокупность определенных средств, приемов, правил, используемых в законотворческой деятельности с целью обеспечения высокого качества ее результатов»²⁸. На наш взгляд, и в данном определении дается крайне широкая трактовка, поскольку на качество результатов законотворчества оказывает влияние не только законодательная техника, но и сущность правового решения. Более того, как уже отмечалось, качество правовой нормы обусловлено прежде всего не техникой, а соответствием жизненным реалиям (политическим, социальным, экономическим и пр.).

Итак, по нашему мнению, понятие законодательной техники объемлет инструментарий для создания как внешней формы, так и структуры и содержания права, за исключением его сущности. Для обозначения компонентов внешнего оформления права считаем целесообразным оперировать термином «внешняя законодательная техника»²⁹. Компоненты же механизма образования содержания и структуры права обозначим соответствием термином «внутренняя законодательная техника».

Первичными компонентами законодательной техники являются, по нашему мнению, средства (например, конструкции преступления, освобождения от уголовной ответственности, термины), приемы (приемления, дефиниции, непосредственно-определенный и ссылочный приемы изложения уголовно-правовых предписаний и т.д.) и правила (о недопущении экспрессивности, языковой стандартизованности, композиционности, унифицированности стиля и др.). Правила носят зависимый от средств и приемов характер, они как бы привязаны к ним, поэтому вряд ли правильно ставить данные компоненты в один ряд. Думаем в связи с этим, что технические средства и приемы следует считать основными первичными компонентами в содержании законодательной техники, а правила – производными.

Средства, приемы и правила мы неслучайно называем первичными компонентами. Отдельные из них, будучи связанными между собой, могут образовывать и более крупные единицы в содержании законодательной техники. В данном смысле можно говорить, например, о методиках построения санкции и языкового выражения нормативных предписаний, методике структуризации законодательного текста. Здесь возможна аналогия с содержанием права, элементарными единицами, «кирпичиками» («клетками») которого являются нормативные предписания – стандартные (правовые нормы) и нестандартные (например, правовые предписания о принципах и целях)³⁰. Однако в содержании права можно вычленишь и более весомые компоненты – «нормативно-правовые общности» (правовые институты, субинституты и другие блоки однородных предписаний). Роль «клеточек» в содержании законодательной техники как раз и играют ее средства, приемы и правила, а роль «общностей» – методики.

К внутренней технике относится, к примеру, методика системного построения уголовного права (ее цель – выработка структуры данной отрасли права). Она включает на правах приемов построение по типу уголовно-правовой нормы и группировку создаваемых норм, регулирующих однородные общественные отношения, в институты³¹. Во внутренней технике

можно выделить также методику построения состава преступления и методику построения санкции за совершение данного преступления. Разумеется, это не исчерпывающий перечень компонентов внутренней техники. Внешняя же техника включает, на наш взгляд, три методики: 1) языкового оформления уголовно-правовых предписаний, 2) структуризации уголовного закона и 3) размещения уголовно-правового материала.

Указанные компоненты законодательной техники в уголовном правотворчестве тесно взаимодействуют, образуя единый механизм оформления воли правотворца. При этом их совокупность обладает, по нашему мнению, всеми признаками системного образования. Данная система включает две подсистемы: внутреннюю и внешнюю законодательную технику, которые в свою очередь состоят из первичных компонентов (средств, приемов и правил) и вторичных компонентов (методик).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Керимов Д.А. Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пос. М., 1998; Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2000; Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000; Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст.: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.

² См., напр.: Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. Л., 1965. С. 4; Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962. С. 44–47; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1962. С. 185.

³ Законодательная техника / Под ред. Д.А. Керимова. С. 5.

⁴ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1996. Ч. 2. Теория права. Т. 2. С. 45; Дмитриевцев К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994. С. 23.

⁵ См.: Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). М., 1966. С. 9; Бойко Л.М. Законодательная техника (теория и практика): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 1984. С. 7.

⁶ См.: Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. Теория права. С. 367–368 (автор главы – А.Ф. Черданцев).

⁷ Одним из первых выступил с критикой включения в понятие законодательной техники организационно-процедурных правил В.М. Горшенев (см.: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 246–250).

⁸ Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996. С. 4.

⁹ См.: Илюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 6.

¹⁰ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 138. В этом же ключе рассматривали законодательную технику П.И. Люблинский (см.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Пг., 1917. С. 2) и А.М. Винавер (см.: Винавер А. Законодательная техника // Право и жизнь. 1926. Кн. 2–3. С. 5).

¹¹ См., напр.: Семенов И.А. Законодательная техника советского уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 11; Нашиц А. Правотворчество. С. 144.

¹² См.: Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Т. XIX. Вып. 5 (юридические науки). Пермь, 1961. С. 82–83.

¹³ См.: Ковачев Д.А. О понятии законодательной техники // Ученые записки ВНИИ СЗ. М., 1969. Вып. 18. С. 31–35.

¹⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т. II. С. 273.

¹⁵ См. Иеринг Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905. С. 22.

¹⁶ См.: Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 19.

¹⁷ Проиллюстрируем мысль следующим высказыванием: «Производственные отношения являются содержанием по отношению к надстройке и формой по отношению к производительным силам общества» (Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учеб. М., 2000. С. 472).

¹⁸ Концепция различия содержания права (правовых норм и т.п. компонентов) и его формы (законодательства, положительного права) является одним из «китов» отечественной юриспруденции (см. об этом: Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976; Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 276–279).

¹⁹ Кстати, С.С. Алексеев в 1982 г., акцентируя основное внимание на прямой привязанности техники к внешней форме и структуре права, вскользь упомянул о том, что она относится и к содержанию права (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 273). Это было большим шагом вперед, если учесть, что еще в 1973 г. выдающийся ученый связывал понятие законодательной техники лишь с формой права (см.: Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. С. 139).

²⁰ Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях // Журнал министерства юстиции. 1906. № 8. С. 125.

²¹ Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 134.

²² Туленов Ж.Т. Взаимосвязь категорий диалектики. М., 1986. С. 30.

²³ Ушаков А.А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Ученые записки Перм. гос. ун-та (юрид. науки). Пермь, 1966. С. 136.

²⁴ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1986. Т. I. С. 225. Добавим, что еще древние греки провозгласили основой классического искусства гармонией содержания и формы.

²⁵ Иной термин, напрашивающийся сам собой, – «законодательная техника в уголовном праве» – представляется неточным. Уголовное право – это «продукт» правотворчества, а потому техника, участвующая при его создании, в само право входить не может. Думается, данное обстоятельство и побудило И.А. Семенова отказаться от такого термина, употребленного им в одной из своих статей (см.: Семенов И.А. О понятии законодательной техники в советском уголовном праве // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушителями. Свердловск, 1982). В дальнейшем он оперировал выражениями «законодательная техника уголовного права» и «законодательная техника в уголовном правотворчестве».

²⁶ Кстати, вполне возможно противопоставление законодательной технике как искусству оформления законодательной воли техники формирования этой воли (то есть техники выработки сущности правового решения). Последняя, думается, должна включать правила и критерии криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, приемы прогнозирования, правила проведения научного эксперимента и т.п. вопросы.

²⁷ Кузнецова Н.Ф. О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Московского университета. 2004. № 4. С. 52.

²⁸ Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. С. 97.

²⁹ Следует заметить, что рядом ученых (в частности, Ф. Жени и А.А. Ушаковым) термин «внешняя законодательная техника» употреблялся для обозначения организационно-процедурной стороны правотворчества (см.: Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях. С. 131–132; Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского гос. ун-та. Т. XIX. Вып. 5 (юрид. науки). Пермь, 1961. С. 3). Однако, как мы отметили ранее, эти вопросы, на наш взгляд, не входят в круг законодательно-технических.

³⁰ Мнение о том, что содержание права не исчерпывается нормами права, а включает также нестандартные (нетипичные) предписания, одним из первых высказал В.М. Горшенев (см.: Горшенев В.М. Норма права и иные нормативные обобщения в структуре советского права // Проблемы эффективности правового регулирования. Куйбышев, 1977. С. 4; Он же. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 115). Данный взгляд весьма убедителен, поскольку нормой права принято именовать правило поведения, обладающее к тому же определенной структурой. Однако некоторые правовые предписания таких свойств (например, содержащиеся в ст. 2 УК РФ положения о его задачах), так как они не носят предостаточно-обязывающего характера и не имеют присущей норме права структуры.

³¹ С.С. Алексеев системным построением именовал тот элемент, который мы именуем построением по типу правовой нормы (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. С. 274). Однако система правовой отрасли помимо норм включает и институты (по самым скромным представлениям). Поэтому более верно, на наш взгляд, термин «системное построение» обозначать процесс образования всей системы правовой отрасли.

О дифференциации уголовной ответственности и ее соотношении со смежными правовыми явлениями

Е.А. ТИМОФЕЕВА – преподаватель кафедры истории государства и права России филиала Московской государственной юридической академии в г. Вологде, кандидат юридических наук

Дифференциация уголовной ответственности – это градация уголовной ответственности с учетом определенного рода обстоятельств и с помощью правовых средств Общей и Особенной частей Уголовного кодекса самим законодателем в уголовном законе. В результате ее устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от характера и типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности совершившего преступление.

В теории уголовного права принято выделение следующих видов дифференциации ответственности: а) юридическая; б) межотраслевая; в) отраслевая (в уголовном праве; уголовной ответственности); г) уголовно-правовой институт; д) в пределах группы норм; е) в пределах отдельной нормы. Это классификация видов дифференциации ответственности «по вертикали». Применительно к юридической ответственности можно говорить о дифференциации в законодательстве (федерального уровня, субъектов федерации), а также в нормативных актах органов местного самоуправления.

Внутри отрасли права допустимо вести речь о дифференциации: 1) оснований уголовной ответственности; 2) формы (вида) ответственности; 3) объема уголовной ответственности и уголовного наказания. По месту ее осуществления можно выделить дифференциацию в Общей и Особенной части УК РФ. Наконец, в зависимости от предметного содержания следует вести речь о дифференциации 1) ответственности и 2) наказания¹.

Дифференциация наказания – есть установление в уголовном законе пределов конкретных видов и размеров наказания за определенный вид преступления в зависимости от типовых характера и степени общественной опасности преступления и его субъекта, а также с учетом квалифицирующих и привилегированных признаков. При этом, полагаем, нижним (минимальным) пределом его дифференциации является институт освобождения от наказания; верхним (максимальным) – тот же, что предусмотрен для уголовной ответственности.

Индивидуализация уголовной ответственности представляет собой деятельность по воплощению воли законодателя, в том числе и выраженной посредством осуществленной дифференциации ответственности. Индивидуализация уголовной ответственности – это принцип, заключающийся в необходимости достижения максимального соответствия между конкретизированной степенью общественной опасности преступления, конкретизированной общественной опасностью личности виновного и формой и объемом меры уголовно-правового характера, применяемой со стороны государства к лицу за совершение преступления, для наиболее эффективного достижения целей уголовной ответственности². Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности тесно взаимосвязаны: первая из них выступает в качестве необходимого условия (предпосылки) второй; в конкретном уголовном деле

первая опосредуется через вторую.

Процессом, противоположным дифференциации ответственности, выступает ее унификация. По мнению Л.Е. Смирновой, посвятившей унификации специальное научное исследование, унификация – это осуществляемый правотворческими органами процесс, направленный на обеспечение единообразного правового регулирования сходных (однородных) либо совпадающих (тождественных) общественных отношений в ходе создания или совершенствования нормативно-правовых предписаний или их элементов³. Унификация в уголовном праве – это процесс, направленный на обеспечение единообразного правового регулирования сходных либо совпадающих общественных отношений в области преступного и наказуемого, осуществляемый законодателем в ходе создания или совершенствования уголовно-правовых норм, их элементов и иных структурных составляющих отрасли уголовного права⁴. Основанием же унификации в праве является сходство или совпадение общественных отношений⁵. Таким образом, надо полагать, что в ряде случаев унификация устраняет чрезмерную дифференциацию; вместе с тем и она не должна осуществляться безгранично.

Сравнивая понятия «дифференциация уголовной ответственности» и «унификация уголовной ответственности», можно выделить основные сходные и различные их признаки.

Так, как уже было установлено ранее, сфера применения дифференциации уголовной ответственности – нормотворчество, субъект применения – законодатель. Унификация уголовной ответственности охватывает лишь законотворческий процесс, поскольку в области правоприменения происходит, на наш взгляд, исключительно ее индивидуализация. Отсюда субъектом использования унификации также является законодатель.

Из огромного количества обстоятельств, влияющих на размер уголовной ответственности, дифференциация ответственности учитывает только обстоятельства, существенно влияющие на изменение общественной опасности преступления; тогда как унификация из этого же количества выделяет сходные (однородные) либо совпадающие (тождественные) существенные обстоятельства. При этом следует отметить, что оба этих процесса учет менее серьезно влияющих на ответственность факторов отдают на усмотрение суда.

Кроме этого, унификация уголовной ответственности, как и ее дифференциация, осуществляется законодателем при помощи определенных правовых приемов⁶, и ее результат – влияние на меру воздействия, применяемую к виновному лицу (санкцию).

Резюмируя изложенное, можно сказать, что унификация уголовной ответственности – это приведение ее к единообразию с учетом определенного рода обстоятельств и с помощью правовых приемов самим законодателем в уголовном законе, в результате чего устанавливаются одинаковые пределы наказуемости (санкции).

Более того, как было установлено ранее, унификация может рассматриваться и в качестве одного из приемов законодательной техники – способа совершенствования содержания и формы права, сведения их к чему-либо единому, весьма сходному или совпадающему.

Отрадно, что понятие унификации определяют не только ученые-представители уголовного права, но и представители иных отраслей права. Так, некоторые исследователи, рассматривая вопросы гражданского права, определяют унификацию как процесс регулирования в пределах одного правового института и распространение действия норм, ранее предназначенных для регулирования определенного круга отношений, на сходные отношения⁷; как объединение, укрупнение нормативных актов⁸. По мнению М.И. Бару, представителя трудового права, унификация – устранение различий в регулировании определенных отношений⁹. Тем не менее в свете сказанного выше данные определения все же представляются неоправданно узкими.

Таким образом, дифференциация и унификация уголовной ответственности оказывают значительное влияние на форму и содержание права, обеспечивают справедливый подход к правовому регулированию общественных отношений, приводят к созданию более совершенного законодательства, тогда как индивидуализация обеспечивает законное правоприменение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности. Ярославль, 2003. С. 84–85; Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002.

² См.: Хорошилов С.А. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности за налоговые преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 8.

³ См.: Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 7, 14; Она же. Направления унификации в уголовном праве // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России. Ярославль, 2005. С. 148–155; Она же. Особенности унификации в Общей части уголовного права // Юридические записки молодых ученых и аспирантов ЯрГУ. Ярославль, 2003. Вып. 2. С. 76–77; Она же. Об унификации в уголовном праве // Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника в уголовном праве. Ярославль, 2003. С. 65–72; Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Опыт унификации уголовного права на уровне межгосударственных отношений // Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2007. Вып. 2. С. 3–16.

⁴ См.: Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 5.

⁵ См.: Там же. С. 7.

⁶ См.: Там же. С. 21 и далее.

⁷ Толстой Ю.К., Поленина С.В. Основы гражданского законодательства и гражданские кодексы. М., 1968. С. 82–83.

⁸ Казьмин И.Ф., Пиголкин А.С., Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. С. 34 и далее.

⁹ Бару М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 45.

Особенности дифференциации условий отбывания наказания в воспитательных колониях

А.Л. САНТАШОВ – начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Социально-правовая природа института изменения условий отбывания наказания (прогрессивная система). Современный этап развития Российского государства характеризуется особым вниманием к соблюдению прав человека. Это касается и уголовно-исполнительного законодательства. Вместе с тем практика деятельности исправительных учреждений свидетельствует о необходимости дифференциации условий отбывания наказания для различных категорий осужденных¹.

Речь здесь следует вести, с одной стороны, о смягчении условий отбывания наказания, сокращении сроков пребывания в исправительных учреждениях для осужденных за менее опасные преступления, а с другой – о создании жестких условий для тех, кто виновен в тяжких и особо тяжких преступлениях, а также для нежелающих становиться на путь исправления, злостных нарушителей режима, не поддающихся исправлению².

Наиболее отчетливо курс на гуманизацию условий отбывания наказания в отношении несовершеннолетних осужденных проявился в последние годы³. Особое внимание стало уделяться возможности изменения условий содержания осужденных в рамках

одного учреждения в зависимости от достигнутых результатов исправления и специфики отдельных групп (категорий)⁴.

Систему организации режима в исправительных учреждениях (в том числе и в ВК), которая предусматривает изменение условий содержания осужденных в зависимости от результатов исправительного воздействия, принято именовать прогрессивной⁵. Она является одной из основных форм реализации института дифференциации исполнения наказания. При этом, как справедливо отмечает О.И. Бажанов, определение прогрессивной системы только как особого порядка отбывания наказания в виде лишения свободы необоснованно сужает ее цели⁶. Наиболее приемлемой нам представляется позиция Ю.М. Ткачевского, который пишет: «Прогрессивной системой исполнения уголовных наказаний является установленный законом порядок изменения условий исполнения уголовных наказаний, улучшающий или ухудшающий правовой статус осужденного в зависимости от его поведения, отношения к отбываемому наказанию»⁷.

Вполне понятно, что с течением времени представления о прогрессивной системе, формах и видах

ее реализации существенно менялись. Совершенно справедливо констатирует Ю.М. Ткачевский, что сам этот термин условен⁸, хотя в последнее время предпринимаются попытки его подкорректировать. Так, А.Е. Шевченко использует в своей работе понятие «прогрессивно-регрессивная система»⁹. По его мнению, в случае хорошего поведения осужденного и соответственно улучшения условий отбывания наказания имеет место прогрессивный элемент и, наоборот, при плохом поведении и ухудшении условий – регрессивный.

Вместе с тем некоторые авторы скептически относятся к такого рода терминологическому нововведению. Оно, на их взгляд, не полностью отражает сущность прогрессивной системы. При ее применении ключевым является то обстоятельство, что осужденный постоянно ощущает перспективу изменения своего положения как в сторону улучшения, так и в сторону ухудшения. Таким образом, с точки зрения карательно-воспитательного воздействия возможность увеличения объема кары тоже прогрессивный элемент¹⁰.

Противоречие здесь только кажущееся. В данном случае следует согласиться с А.Е. Шевченко, так как оба элемента следует рассматривать в диалектическом единстве как два способа выражения реакции общества на изменение поведения осужденного.

Особое значение в раскрытии сущности прогрессивной системы имеют ее признаки (свойства), к числу которых относятся следующие:

- наглядность применения (личный опыт и пример осужденных демонстрируют связь положительного или негативного поведения субъекта, его отношения к режимным правилам исполняемого наказания с изменениями правового положения в лучшую или худшую сторону);
- обоснованность (справедливость) применения;
- равенство возможностей (все осужденные имеют равные возможности для улучшения условий содержания);
- значительность и ощутимость изменений режима исполнения наказания в связи с переходом на ту или иную ступень прогрессивной системы;
- неоднократность применения;
- реализация путем применения поощрительных и охранительных норм уголовного и уголовно-исполнительного права.

Несмотря на то, что прогрессивная система как способ отбывания наказания известна и применяется различными государствами более полутора веков и ей посвящены многочисленные теоретические разработки, у нее есть как убежденные сторонники (Г.А. Аванесов, Н.А. Беляев, О.И. Бажанов, Ю.М. Ткачевский и др.), так и противники¹¹. Встречаются также в литературе и разночтения по поводу ее сущности.

Так, например, Н.А. Стручков обоснованно выступил против отождествления прогрессивной системы с полным исполнением наказания. Он исходил из того, что прогрессивная система – всего лишь часть процесса исполнения наказания, его дифференциация¹². По мнению Ю.М. Ткачевского, прогрессивная система является одной из частей (элементов) режима исполнения наказания и реализуется путем изменения в ту или иную сторону карательного воздействия¹³. Действительно, кара осужденного осуществляется только через режимные правила исполнения любого наказания. Следовательно, предписания прогрессивной системы являются не только частью карательно-воспитательного процесса, но и частью режима исполнения наказания.

Особенности изменения условий отбывания наказания в ВК. Как известно, наиболее широким является диапазон изменения условий содержания осужденных в местах лишения свободы, что придает гибкость осуществлению дифференцированного исполнения наказания. Так, в соответствии со ст. 132 УИК РФ в ВК устанавливаются обычные, облегченные, льготные и строгие условия отбывания наказания.

Разрешая вопрос о дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в ВК, отметим, что в соответствии с определенным законодателем характером изменения правового статуса воспитанника она выглядит следующим образом:

Дифференциация условий отбывания наказания в виде лишения свободы в ВК

Условия отбывания лишения свободы в ВК	Размер денежных средств, разрешаемый для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости (в месяц) *	Количество свиданий, разрешаемых воспитанникам в течение года		Место проживания
		краткосрочных	длительных	
Строгие	3 МРОТ	6	-	Изолированные жилые помещения, запираемые в свободное от учебы или работы время
Обычные	5 МРОТ	8	4	Общежития
Облегченные	7 МРОТ	12	4**	Общежития
Льготные	Без ограничения	Без ограничения	6	Общежития***

* Речь идет о средствах, имеющихся на лицевых счетах осужденных, помимо средств, указанных в ч. 2 ст. 88 УИК РФ.

** По решению администрации ВК длительные свидания воспитанников, содержащихся в облегченных условиях отбывания наказания, могут проходить за пределами ВК (ч. 2 ст. 133 УИК РФ).

*** Осужденным, отбывающим наказание в льготных условиях, по постановлению начальника ВК может быть разрешено проживание в общежитии за пределами ВК без охраны, но под надзором администрации ВК. В этом случае им также разрешается пользоваться деньгами и носить гражданскую одежду (ч. 4 ст. 133 УИК РФ).

Как видно из приведенной выше таблицы, основными параметрами, по которым проводится различие условий отбывания наказания в ВК, являются:

- 1) размер денежных средств, разрешаемый для расходования на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости;
- 2) количество свиданий, разрешаемых воспитанникам в течение года;
- 3) место проживания.

При этом переход на ту или иную ступень прогрессивной системы должен сопровождаться значительными изменениями в исполнении наказания. Лишь при соблюдении этого требования осужденный реально ощутит преимущества добросовестного отношения к отбыванию наказания и негативные последствия злостного неисполнения режимных правил, недисциплинированности. Незначительные изменения условий содержания не оказывают стимулирующего или устрашающего характера. К «мелочи» незачем стремиться, «мелочь» не устроит. На это обстоятельство обращали внимание многие ученые¹⁴.

В этой связи заслуживает внимания мнение практических работников, которые неудовлетворительно

оценивают регламентацию в УИК РФ особенностей исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних. На вопрос нашей анкеты: «Является ли достаточным изменение условий отбывания наказания в ВК?» – 79% опрошенных ответили отрицательно и только 21% – положительно.

Если мы говорим о системном подходе к установлению различных условий отбывания наказания, то количественные характеристики их параметров должны устанавливаться не произвольно, а в соответствии с каким-то алгоритмом. Например, определяя размер денежных средств, разрешаемых для расходования воспитанникам на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости в месяц, законодатель устанавливает: 3 МРОТ – для осужденных, находящихся в строгих условиях отбывания наказания, 5 МРОТ – в обычных, 7 МРОТ – в облегченных и без ограничения – в льготных. Нетрудно заметить, что размер денежных средств увеличивается или уменьшается с переводом на новый вид условий (за исключением льготных) на 2 МРОТ.

По-иному дело обстоит с регламентацией краткосрочных свиданий. Если осужденным, отбывающим наказание в строгих условиях, разрешается 6 свиданий, а в обычных – 8, то в облегченных – уже 12 и без ограничения – в льготных. Тем самым нарушается кратность в установлении их количества.

Еще более ущербным видится определение законодателем количества длительных свиданий. Так, для осужденных, находящихся на строгих условиях отбывания наказания, данные свидания вообще запрещены, на обычных и облегченных условиях их количество равняется 4, а на льготных – 6.

Наконец, принимая во внимание место проживания воспитанников, следует указать на то, что различие здесь существует лишь между строгими и всеми остальными видами условий отбывания наказания в ВК, поскольку только в первом случае осужденные проживают в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от работы или учебы время, а в иных случаях (обычные, облегченные, льготные условия) – в общежитиях, расположенных на территории ВК.

По замыслу законодателя при ВК должен был появиться и другой вид общежитий – расположенных за ее пределами, без охраны, но под надзором администрации колонии. Здесь могли бы проходить длительные свидания осужденных, содержащихся в облегченных условиях, а также проживать воспитанники, отбывающие наказание в льготных условиях. Последним дополнительно разрешалось бы пользоваться деньгами и носить гражданскую одежду, что на территории самой колонии категорически запрещено. Однако, как указывается в литературе, из-за недостаточного финансирования данные общежития до сих пор не построены¹⁵. На вопрос нашей анкеты: «Имеется ли за пределами жилой зоны Вашего учреждения общежитие для проживания осужденных, переведенных на льготные условия отбывания наказания?» – 100% опрошенных ответили отрицательно. Таким образом, реализация соответствующих положений ч. 2, 3 и 4 ст. 133 УИК РФ во многом заблокирована, а проведенная законодателем дифференциация, к сожалению, теряет свою практическую значимость.

Небезынтересен и тот факт, что воспитанники в большинстве случаев не используют свое право на краткосрочные свидания в полном объеме¹⁶, не говоря уже о снятии большинства ограничений для осужденных, находящихся в льготных условиях. Зачастую подросток просто не может реализовать свои права из-за отсутствия необходимых денежных средств,

тяжелого материального положения в семье; многие из воспитанников (до 20%) являются сиротами или лишенными родительского попечения¹⁷.

Сложив воедино установленные законодателем различия в условиях отбывания наказания в ВК, мы приходим к следующим выводам:

1) проведенная законодателем дифференциация в ряде аспектов выглядит непоследовательной;

2) правовой статус воспитанников не претерпевает существенных изменений, особенно при переводе осужденного из обычных условий отбывания наказания в облегченные.

Изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону можно, прежде всего, путем корректировки количества свиданий воспитанников. Так, например, необходимо провести кратную дифференциацию количества длительных свиданий: 4 – для осужденных, содержащихся на обычных условиях отбывания наказания, 2 – на строгих условиях, 6 – на облегченных условиях и 8 – на льготных.

Вместе с тем требуется установить кратность в определении количества краткосрочных свиданий: 8 – для осужденных, содержащихся на обычных условиях отбывания наказания, 6 – на строгих условиях, 10 – на облегченных. В отношении осужденных, содержащихся в льготных условиях, следует сохранить решение законодателя о предоставлении им права пользоваться краткосрочными свиданиями без ограничения их количества.

Предложенный выше подход находит поддержку и среди респондентов. На вопрос нашей анкеты: «Считаете ли Вы целесообразным установить кратное изменение количества свиданий, разрешаемых осужденным в ВК в течение года, при изменении условий отбывания наказания?» – 82% опрошенных ответили положительно и 12% высказались против.

Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы в ВК. В юридической литературе уголовно-исполнительную дифференциацию наказания принято подразделять на два вида: общую и дополнительную. Общая дифференциация устанавливает различный объем карательных элементов, входящих в содержание режима, условий отбывания наказания. Дополнительная дифференциация наказания заключается в установлении различных объемов карательных элементов, позволяющих проводить корректировку условий отбывания наказания, правового положения осужденных при помощи мер поощрения и взыскания¹⁸.

Для повышения позитивного стимулирования, по нашему мнению, целесообразно закрепить в УИК используемые на практике дополнительные формы поощрения для несовершеннолетних.

На вопрос нашей анкеты: «Как Вы относитесь к дополнению перечня мер поощрения, применяемых в отношении осужденных, содержащихся в ВК?» – 79% респондентов ответили положительно (тогда как 21% затруднился с ответом), указав следующие меры: направление письма близким родственникам о примерном поведении осужденного; предоставление один раз в год бесплатного длительного свидания с близким родственником при совместном проживании в гостинице ВК; предоставление одного бесплатного телефонного разговора в течение года; предоставление материальных льгот осужденным, успешно обучающимся в учебных заведениях.

Наряду с этим в связи с изменением социально-экономических условий в стране и норм расходования денежных средств на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости целе-

сообразно увеличить размер суммы до одного МРОТ вместо 1/4 МРОТ на такой вид поощрения, как разрешение дополнительно расходовать деньги на покупку указанных выше продуктов и предметов первой необходимости (п. «ж» ч. 1 ст. 113).

В основу применения к осужденным мер взыскания уголовно-исполнительным законодательством положены принципы гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, рационального использования мер принуждения и средств исправления осужденных.

Водворение в дисциплинарный изолятор относится к наиболее суровым дисциплинарным взысканиям, применяемым к нарушителям установленного порядка отбывания наказания в ВК. Осужденным, водворенным в дисциплинарный изолятор, запрещаются длительные свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми и курение. Они имеют право на ежедневную прогулку продолжительностью два часа.

Следует отметить, что истории развития исправительных учреждений были известны случаи условного наложения взысканий на осужденных¹⁹. То есть за совершенный проступок на осужденного накладывалось взыскание, например, в виде водворения в штрафной изолятор, но в исполнение оно не приводилось, если в течение определенного периода не было допущено нового нарушения.

Интересным является пример временно приостановленного взыскания на срок шесть месяцев, примененного в исправительных учреждениях Англии. Согласно английской тюремной дисциплинарной системе начальник учреждения может приостановить любое взыскание, кроме предупреждения, на срок до шести месяцев таким образом, чтобы оно не могло вступить в силу, если осужденный не совершит другого дисциплинарного нарушения в период приостановки первого взыскания. Взыскание исполняется немедленно или последовательно, если наложено взыскание за последующее нарушение²⁰.

Как нам представляется, эта мера близка к отсрочке исполнения наказания. В этой связи следует согласиться с мнением В.С. Епанешникова и С.Л. Бабаяна о том, что введение условного наложения дисциплинарного взыскания и разумное его использование с учетом индивидуальных особенностей личности осужденного, несомненно, будет способствовать повышению эффективности дисциплинарной практики, снижению объема строгих видов взысканий в системе мер воздействия, поскольку осужденному будет предоставлена возможность серьезно задуматься над своим поведением и попытаться изменить его в лучшую сторону²¹.

Подтвердили эффективность условно вынесенной меры взыскания в виде водворения осужденного в дисциплинарный изолятор 68% представителей администрации ВК, участвовавших в опросе, против высказались 16%, воздержались 16%.

В ходе анкетирования на вопрос: «По истечении какого срока условно вынесенная мера взыскания может быть погашена?» – большинство респондентов (66%) ответили, что приемлемым является срок «от одного до трех месяцев».

В связи с этим оптимально было бы включить данную меру в перечень мер взысканий, применяемых к осужденным к лишению свободы в ВК (ст. 136 УИК РФ), с указанием периода ее действия от одного до трех месяцев.

Оставление в ВК осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия. Поскольку режимные правила ИК для взрослых преступников в значительной мере строже, чем соответствующие режимные правила в ВК, оставление в последних лиц, достигших восемнадцатилетнего возраста, до достижения возраста девятнадцати лет²² в случае их примерного поведения является одним из элементов прогрессивной системы²³.

В исследованиях психологов отмечается пагубность влияния взрослых осужденных на впервые поступивших в ИК общего режима осужденных молодежного возраста. Так, В.Г. Деев указывает на то, что «приспособленцы (осужденные молодежного возраста, имеющие неустойчивую направленность личности, – А.С.) осознанно подстраиваются под обстановку в колонии; неустойчивые нередко вовлекаются в сложные взаимоотношения между отрицательно и положительно направленными осужденными, теряют уверенность и собственные силы, а затем попадают в число отверженных»²⁴.

В связи с этим в литературе приводились суждения о том, что лиц, достигших возраста совершеннолетия, следует переводить не в ИК общего режима, а в колонию-поселение²⁵ или же оставлять при ВК²⁶, что позволит оградить их от отрицательного воздействия других осужденных. Кроме того, предлагалось распространить данное положение на лиц, хотя и достигших 21 года, но не отбывших полностью срок наказания в ВК²⁷.

Небезынтересен, на наш взгляд, и опыт реализации данного элемента прогрессивной системы в уголовно-исполнительном законодательстве зарубежных государств.

Так, в соответствии со ст. 132 УИК Республики Беларусь осужденные к лишению свободы, достигшие 18 лет, как правило, продолжают отбывать наказание в ВК до достижения ими возраста 21 года. В исключительных случаях срок пребывания в ВК осужденным, достигшим указанного возраста, может быть продлен каждый раз еще до одного года по мотивированному постановлению начальника ВК, согласованному с комиссией по делам несовершеннолетних и санкционированному прокурором.

Фактически данное положение законодательства позволяет оставлять в ВК осужденных, достигших возраста совершеннолетия, до окончания срока наказания²⁸.

Рассматривая прогрессивную систему исполнения лишения свободы и ее отражение в законодательстве Республики Казахстан, А.Б. Скаков обосновательно указывает на негативные последствия перевода осужденных в исправительное учреждение иного вида режима, при котором происходит нарушение единого процесса воспитательного воздействия, осуществляемого в рамках одного психолого-педагогического и социального коллектива. Администрация исправительного учреждения, в которое переведен осужденный, будет вынуждена заново начинать изучение его личности, а осужденному придется адаптироваться к условиям нового места отбывания наказания, устанавливать контакты с членами нового коллектива. Избежать этих последствий позволяет создание в одном исправительном учреждении изолированных участков с различными видами режима²⁹.

Новое уголовно-исполнительное законодательство Украины также предусматривает оставление осужденных, достигших восемнадцатилетнего возраста, в ВК до окончания срока наказания, но не более

чем до достижения ими 22 лет (ст. 148 УИК Украины 2003 г.).

По результатам проведенных Вологодским институтом права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний исследований³⁰ предлагалось внедрение в отечественную пенитенциарную систему модели учреждения для несовершеннолетних, включающего в себя помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора, ВК и изолированного участка ИК общего режима³¹. Прогнозировались следующие результаты функционирования данной экспериментальной ВК:

- предотвращение криминального влияния взрослых преступников на несовершеннолетних и молодых осужденных с момента водворения в следственный изолятор и до окончания срока лишения свободы без возрастных ограничений;
- создание непрерывной, последовательной и единой системы психолого-педагогической коррекции личности молодого преступника;
- сохранение и восстановление социально полезных связей;
- снижение рецидивной преступности;
- обеспечение тесного взаимодействия министерств и ведомств, общественных организаций в воспитательной работе с молодыми правонарушителями; координация усилий в вопросах бытового и трудового устройства, социальной защиты после освобождения;
- подготовка осужденного к освобождению с устойчивой установкой на правопослушное поведение в результате внедрения программы воспитательной работы³².

Следует отметить, что определенные меры в данном направлении уже были предприняты законодателем по инициативе Минюста России³³. Так, Федеральным законом № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса РФ и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ»³⁴ была изменена редакция ст. 140 УИК РФ, в соответствии с которой разрешается создание изолированных участков ВК, функционирующих как ИК общего режима, куда могут переводиться для дальнейшего отбывания наказания из ВК отрицательно характеризующиеся осужденные к лишению свободы, достигшие возраста 18 лет.

Вместе с тем согласно ч. 3 ст. 140 УИК РФ все осужденные, достигшие возраста 19 лет, переводятся для дальнейшего отбывания наказания из ВК либо из изолированного участка ВК, функционирующего как ИК общего режима, в ИК общего режима.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

Изучение вопроса о дифференциации исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних дает возможность утверждать, что в целом действующие нормы уголовно-исполнительного права предусматривают различные варианты изменения условий отбывания наказания в ВК. Вместе с тем мы критически оцениваем ситуацию, когда различные основания дифференциации исполнения наказания влекут за собой одни и те же правовые последствия, в связи с чем предлагаются определенные меры по устранению подобного рода коллизий.

Ряд законодательных решений нуждается в корректировке, поскольку возможности по изменению условий содержания далеко не исчерпаны. Представляется необходимым расширение перечня мер поощрения и взыскания для решения вопросов, за-

трагивающих права и законные интересы несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы.

Наконец, в целях обеспечения более плавного исполнения лишения свободы в ВК следует признать верным решение законодателя об оставлении в них положительно характеризующихся лиц, достигших совершеннолетия в период отбывания наказания, до окончания срока, но не более чем до достижения ими возраста девятнадцати лет. Однако с учетом дифференциации исполнения наказания отрицательно характеризующиеся осужденные, достигшие в период отбывания наказания в ВК возраста восемнадцати лет, должны переводиться для дальнейшего его отбывания в изолированный участок ВК, функционирующий как ИК общего режима, при его наличии или в ИК общего режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Михлин А.С. Уголовно-исполнительное законодательство на современном этапе // Роль органов юстиции в правовом государстве. М., 2002. С. 210.

² См.: Кашуба Ю.А. Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. С. 10.

³ См.: Никитенко И.В. Гуманизация исполнения и отбывания наказания в воспитательной колонии (организационно-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 17.

⁴ См.: Данилин Е.М., Поздняков В.И., Саблина Л.С. Организационные и психолого-педагогические проблемы исполнения наказания в отношении несовершеннолетних осужденных: Учеб. пособие. М., 1994. С. 17–18.

⁵ Следует отметить, что в широком смысле прогрессивная система исполнения уголовных наказаний включает в себя следующие элементы: изменение условий отбывания наказания в границах одного и того же исправительного учреждения; изменение вида исправительного учреждения; замену одного уголовного наказания другим в процессе их исполнения; осуждение за совершение преступления в процессе исполнения наказания. См. подр.: Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 85–128.

⁶ См.: Бажанов О.И. Прогрессивная система исполнения наказания. Минск, 1981. С. 69–70.

⁷ Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. С. 132.

⁸ См.: Там же. С. 3–4.

⁹ См.: Шевченко А.Е. Прогрессивно-регрессивная система исполнения уголовных наказаний: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002.

¹⁰ См.: Скаков А.Б. Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан. Алматы, 2004. С. 7.

¹¹ См., напр.: Наташев А.Е. Непримируемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961. С. 249; Фелелов В.А. Принцип дифференциации исполнения наказания – узаконение нецивилизованных правил отбывания наказания // Человек: преступление и наказание. Рязань, 1992. С. 48–52.

¹² Справедливости ради следует отметить, что данный автор считал категорически невозможным использование в исправительно-трудовом праве термина «прогрессивная система» и предлагал рассматривать институт изменения условий содержания осужденных. Вместе с тем он является одним из первых советских ученых, которые ввели в теорию исправительно-трудового права термин «дифференциация» (см.: Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Особенной части. С. 93–94; Он же. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 177).

¹³ См.: Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. С. 133.

¹⁴ См., напр.: Цветинович А.Л. Проблемы повышения эффективности законодательства об уголовных наказаниях // Вопросы эффективности правосудия по уголовным делам. Калининград, 1980. С. 74; Соловьев Ю.Д. Проблемы совершенствования поощрительных норм советского исправительно-трудового права // Совершенствование законодательных основ исполнения уголовных наказаний. М., 1988. С. 42; Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. С. 136.

¹⁵ См.: Громов М.А., Остапчук Л.В. Особенности реформирования деятельности воспитательных колоний // Вопросы теории и практики управления в условиях реформирования УИС. Рязань,

2001. С. 94–96; Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.И. Зубкова. М., 2004. С. 348.

¹⁶ К примеру, в Вологодской воспитательной колонии число краткосрочных свиданий воспитанников в течение года обычно не превышает 6–8. Данные получены методом включенного наблюдения при изучении документации младшего инспектора ВК по выдаче посылок, передач и бандеролей, проведению длительных и краткосрочных свиданий.

¹⁷ См.: Уголовно-исполнительная система России: Статистический сборник (1993–2003). М., 2003. С. 15.

¹⁸ См., напр.: Бриллиантов А.В. Дифференциация наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. С. 43. Сходную позицию по данному вопросу занял и Ю.М. Ткачевский, рассматривая меры поощрения и взыскания в качестве элементов прогрессивной системы, которые смягчают или ужесточают исполнение наказаний (см.: Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. С. 98–100).

¹⁹ Так, в 1960-х гг. в исправительно-трудовых учреждениях на Украине широкое применение нашло условное наложение взысканий, которое при известных обстоятельствах давало даже больший воспитательный эффект, чем приведение взыскания в исполнение. (См.: Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 48–49)

²⁰ См.: Пономарев С.Н., Маруков А.Ф., Геранин В.В. Тюремная система Англии и современное обаящество. Рязань, 2002. С. 64–65.

²¹ См.: Епанешников В.С. Юридическая ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 228; Бабаян С.Л. Правовое регулирование применения мер поощрения и взыскания в воспитательном воздействии на осужденных к лишению свободы. С. 195.

²² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 2008 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6216.

²³ См.: Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. С. 135.

²⁴ Деев В.Г. Социально-психологическая характеристика осужденных молодежного возраста и особенности их перевоспитания в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1982. С. 80.

²⁵ См.: Цибульская Г.З. Правовое регулирование воспитательного воздействия на несовершеннолетних осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 8.

²⁶ См.: Перцова Л.В. Исполнение наказания в воспитательных колониях на современном этапе развития пенитенциарной системы // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М., 2000. С. 64.

²⁷ См., напр.: Иванов В.Д. Уголовно-исполнительное право России: Учеб. Ростов н/Д, 2002. С. 256.

²⁸ См. подр.: Саркисова Э.А. Уголовное право. Общая часть: Учеб. пособие. Минск, 2005. С. 534–543; Уголовно-исполнительное право Республики Беларусь: Практи. пособие / Под общ. ред. В.Б. Шабанова. Минск, 2001. С. 155–158; Шарков А.В. Уголовно-исполнительное право: Учеб. пособие. Минск, 2002. С. 139–142.

²⁹ См.: Скаков А.Б. Прогрессивная система исполнения лишения свободы и ее отражение в новом законодательстве Республики Казахстан: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. С. 8, 26–30.

³⁰ Имеются в виду прежде всего научные исследования «Повышение эффективности взаимодействия исправительных учреждений с субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (2000–2004 гг.), «Разработка психолого-педагогических и организационно-правовых основ деятельности учреждения, состоящего из помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора, воспитательной колонии и изолированного участка исправительной колонии общего режима для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» (2003–2005 гг.).

³¹ См.: Предложения о внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Вологда, 2003. С. 3–6. Схожее предложение несколько позднее было высказано Р.С. Ахметшиным в его диссертационном исследовании (См.: Ахметшин Р.С. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте (на материалах Удмуртской Республики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2004. С. 10).

³² См.: Лукашов В.Н. Концептуальный подход к созданию исправительно-воспитательного комплекса, функционирующего в режиме следственного изолятора, воспитательной колонии и изолированного участка исправительной колонии общего режима для несовершеннолетних и молодых правонарушителей // Разработка модели учреждения, состоящего из помещения, функционирующего в режиме следственного изолятора, воспитательной колонии и изолированного участка исправительной колонии общего режима. Вологда, 2003. С. 15.

³³ Предложения по совершенствованию соответствующих законодательных предписаний готовились преимущественно отделом воспитательных колоний Управления воспитательной работы с осужденными Главного управления исполнения наказаний Минюста России и основывались на пожеланиях практических работников воспитательных колоний (см. об этом: Перцова Л.В. Основные направления и перспективы развития института исполнения наказания в отношении несовершеннолетних осужденных // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. М., 2000. С. 180–185).

³⁴ См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

Влияние длительной изоляции от общества на обеспечение режима отбывания наказания в местах лишения свободы

А.М. СМОРНОВ – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВПЭ ФСИН России;

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовного-исполнительного права ВПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

Режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы (ч. 1 ст. 82 УИК РФ). Данный порядок является обязательным атрибутом реализации любого уголовного наказания.

Всесторонне урегулированный и хорошо организованный порядок отбывания наказания в современных условиях способствует более эффективно-му достижению целей наказания, соблюдению прав,

свобод и законных интересов субъектов уголовно-исполнительных правоотношений, обеспечению законности и правопорядка в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания¹.

Бесспорно, эффективная реализация любой деятельности возможна только в случае уяснения ее сущности и содержания. Точки зрения ученых на понимание режима расходятся. Одни подразумевают под ним порядок деятельности мест лишения свободы (например, Н.А. Беляев), другие – порядок содержания осужденных (например, М.Я. Гинзбург),

третьи – порядок исполнения и отбывания наказания (например, А.И. Марцев, И.А. Сперанский и др.)². Современные исследователи сущности и содержания режима отбывания наказания опираются на его законодательную регламентацию³.

Режим в системе средств воздействия на осужденных к лишению свободы занимает очень важное место, поскольку, с одной стороны, является одним из законодательно закрепленных средств исправления, стоящих на вершине их иерархии (ч. 2 ст. 9 УИК РФ), а с другой – условием успешной реализации иных средств исправления.

Особую значимость для пенитенциарной науки в настоящее время приобрели вопросы отбывания лишения свободы лицами, приговоренными к длительным срокам изоляции от общества, как наиболее социально опасной и запущенной в педагогическом плане категорией осужденных, поскольку осуждены они за совершение тяжких и особо тяжких преступлений или же совершение преступлений при рецидиве. В связи с этим в настоящей работе мы уделим внимание исследованию современных возможностей режимных правоограничений для обеспечения исправительного процесса в случае реализации длительных сроков лишения свободы.

С одной стороны, обязательные правоограничения, которые накладывает на осужденных исследуемой группы режим исправительных колоний (далее – ИК), имеет большое положительное социальное и социально-психологическое значение для их исправления. Лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, показали обществу, что они не могут самостоятельно развиваться в социальном пространстве и времени, уважать права и свободы законопослушных граждан, нарушают правила общежития. Поэтому помещение данных осужденных в учреждение, в котором в отношении лиц, в нем находящихся, действуют определенные правила и условия, способствует подготовке осужденного к жизни в обществе, нормальному существованию которого невозможно без соблюдения установленных правил поведения⁴.

Однако, с другой стороны, осужденные на длительные сроки лишения свободы – это прежде всего лица, неоднократно судимые и ранее отбывавшие наказания в местах лишения свободы, а также прямую или косвенно связанные с криминальным миром, знающие его обычаи и традиции. Поэтому режимные правоограничения и изоляция от общества на практике не всегда могут оказывать на них свое воспитательно-профилактическое воздействие⁵.

Изучение научной литературы и практики реализации наказания в виде лишения свободы позволяет сделать вывод о наличии как положительных, так и отрицательных для процесса исправления личности и закрепления его результатов в случае продолжительной изоляции от общества особенностей режима в ИК.

Негативное влияние режима отбывания наказания, по мнению отдельных ученых, значительно проявляется в отношении осужденных исследуемой группы. Это связано с неоправданно длительными сроками и излишним ужесточением порядка и условий отбывания наказания, что в конечном итоге никак не способствует достижению целей исполнения лишения свободы⁶.

В этой связи Л.В. Яковлева считает, что о положительном влиянии порядка и условий отбывания наказания на осужденных можно говорить в тех случаях, когда срок пребывания в местах лишения свободы не превышает восьми лет. За это время осужденный

может переосмыслить и переоценить совершенное им деяние, продумать, как будет дальше жить после освобождения. У осужденных, которые вынуждены находиться в местах лишения свободы свыше восьми-десяти лет, отсутствуют близкие перспективы освобождения, поэтому планирование свободной жизни также откладывается на будущее. Такие обстоятельства вызывают у осужденных озлобленность, недовольство окружающими и приводят к нарушениям требований режима, что неминуемо сказывается на общей оценке их поведения⁷.

Данные переписи говорят, что количество осужденных, положительно относящихся к режимным требованиям, динамично возрастает до 5–8 лет изоляции, в дальнейшем доля таких лиц заметно сокращается. На протяжении всего срока лишения свободы под воздействием негативных сторон порядка и условий отбывания наказания сокращается количество лиц, нейтрально относящихся к ним, и возрастает количество отрицательно настроенных осужденных и злостных нарушителей режима⁸.

Рост числа подобных осужденных является одной из основных причин возникновения групповых неповиновений осужденных, массовых беспорядков как способа влияния осужденных на однообразную организацию их жизнедеятельности⁹.

Согласно исследованиям отдельных авторов современные процессы демократизации управления УИС, гуманизации мест лишения свободы и, как следствие, нестабильность режимных требований создают атмосферу вседозволенности и негативно влияют на безопасность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России¹⁰.

По нашим наблюдениям, среди осужденных исследуемой группы только 78%, находясь в ИК, осознали утрату свободы и испытали на себе карательную и воспитательную функции режима. 17% осужденных индифферентно относятся к требованиям порядка исполнения и отбывания наказания, они были готовы к ним и смогли адаптироваться в процессе отбывания наказания. Только 5% в момент помещения в ИК, а также за все время отбывания наказания ощущали резкое ограничение в правах и законных интересах.

В динамике данный процесс выглядел следующим образом. В первые годы нахождения в изоляции практически все осужденные переживают недостаток свободы и чувствуют установленные правоограничения. В дальнейшем фактор адаптации к условиям изоляции приводит к тому, что часть осужденных привыкает и приспосабливается к жизни в ИК. В этих обстоятельствах снижается функциональное влияние режима и условий отбывания наказания. Более ускоренно процесс протекает после 5–8 лет нахождения в ИК.

Таким образом, можно говорить о том, что длительная изоляция от общества в определенной степени снижает функциональные возможности режима отбывания наказания в ИК. Все это свидетельствует о целесообразности проведения научных исследований в данном направлении.

Возможными путями решения обозначенной проблемы могут стать:

- повышение требований к осужденным со стороны администрации ИК в целях неукоснительного соблюдения правил внутреннего распорядка и условий отбывания наказания;
- преобладание в воспитательной работе с осужденными, систематически нарушающими требования режима, методов убеждения и принуждения с конструктивной дисциплинарной практикой;

– рассмотрение возможности усиления контроля и надзора за лицами, находящимися на территории ИК без права передвижения без конвоя и сопровождения более пяти лет, в случае негативных результатов индивидуальных психологических исследований, говорящих о возможности потери самоконтроля, развития агрессивности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. / Отв. ред. А.С. Михлин. М., 2007. С. 229.

² См.: Васильев А.И., Маслихин А.В., Фелелов В.А. Режим в исправительно-трудовых учреждениях. Рязань, 1978. С. 3–8.

³ См.: Громов М.А. Обеспечение порядка и безопасности в исправительных учреждениях. Рязань, 2000. С. 6–7.

⁴ См. подр.: Сундуков Ф.Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности. Казань, 1980. С. 12–14.

⁵ См. подр.: Коломытцев Н.А. Особо опасные рецидивисты в колониях и тюрьмах: Учеб. пособие. Рязань, 1994. С. 43–56; Колеватов П.И. Организация режима, обеспечение изоляции осужденных, условий и безопасности отбывания наказания в исправительных учреждениях УИС // УИС: право, экономика, управление. 2005. № 5. С. 35–40; Антонян Е.А. Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы // Там же. № 2. С. 11–15.

⁶ См.: Личность преступника и применение наказания / Под. ред. Б.С. Волкова и В.П. Малкова. Казань, 1980. С. 180–181.

⁷ См.: Яковлева Л.В. Режим в исправительных учреждениях. Дисциплинарная практика, условия отбывания наказания // Характеристика осужденных к лишению свободы. М., 2001. С. 121.

⁸ См.: Характеристика осужденных к лишению свободы. М., 2001. С. 121–125.

⁹ См.: Громов В.Г. Предупреждение и пресечение массовых беспорядков в исправительно-трудовых колониях (организационный, правовой и тактический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 15.

¹⁰ См.: Ширшов С.Р., Казак Б.Б., Савихин А.М. Функционирование отделов безопасности исправительных колоний (организационно-правовые аспекты). Псков, 2006. С. 4–5.

К проблеме законодательного закрепления прав, обязанностей и законных интересов лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы

А.М. ПОТАПОВ – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Необходимость гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики государства привела к тому, что на протяжении последних лет из исправительных учреждений ежегодно освобождается свыше 80 тыс. человек¹. Указанная тенденция имеет место и сегодня, что соответствует основным потребностям правоприменительной практики. Однако данный процесс имеет и обратную сторону. Так, более 30% освобождаемых в постпенитенциарный период сталкиваются с существенными проблемами в социально-бытовой сфере, а отсутствие действенного механизма социального контроля за ними влияет на уровень рецидивной преступности в стране, который остается стабильно высоким.

В сложившейся обстановке регулирование правового статуса лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, показало свою неэффективность. Такие недостатки, как нечеткость нормативного регулирования, закрепление принципиальных вопросов не только законом, но и подзаконными, а зачастую ведомственными нормативными актами, наличие пробелов в законодательстве, безусловно, оказывают влияние на указанные выше негативные процессы. Обращает на себя внимание низкая эффективность реализации освобожденными своих прав и законных интересов, особенно в социально-экономической сфере, что вызвано отсутствием действенного механизма их защиты, системы юридических гарантий. Это негативно сказывается на смежных правовых институтах, призванных решать задачи профилактики рецидивной преступности, осуществления постпенитенциарного контроля, оказания помощи после освобождения и т.п.

Сказанное свидетельствует о необходимости детального исследования вопросов, связанных с законодательным закреплением элементов правового

статуса лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы.

В теории права субъективные права личности принято рассматривать в зависимости от принадлежности их к определенному виду правового статуса². Традиционно выделяется три вида правового статуса: общий, специальный, индивидуальный. Права, которые принадлежат каждому гражданину как члену общества, составляют общий правовой статус личности.

К специальному статусу, а таковым является и правовой статус лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, относят права, которые конкретизируют содержание общего статуса личности, наполняя его дополнительным содержанием.

В данном случае возникает внутреннее противоречие, так как в отраслевом законодательстве специальных прав для лиц, отбывших наказание, не предусмотрено. Это обстоятельство законодатель объясняет тем, что юридический факт освобождения от отбывания наказания приводит к восстановлению прав, которых освобожденный был лишен в процессе отбывания наказания, а следовательно, создается возможность не конкретизировать их на уровне специального статуса, то есть исключить из его содержания.

На наш взгляд, такое положение вещей нельзя признать удовлетворительным. Так, отсутствие необходимых социально-правовых гарантий у освобожденных противоречит основным задачам уголовно-исполнительного законодательства, особенно успешной социальной адаптации на свободе.

Анализ специальных обязанностей освобожденных в качестве элемента их правового статуса также представляет для нас определенный интерес, который обусловлен тем, что в отношении лиц, отбывших

наказание, реализуется иной, отличный от осужденных, тип правового регулирования. Так, в отношении лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, будет реализовываться общедозволительный тип правового регулирования, устанавливающий перечень запретов и ограничений, выступающих правовыми последствиями отбывания наказания, за пределами которого освобожденный вправе действовать по своему усмотрению.

Таким образом, основное содержание специального статуса лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, будут определять специальные обязанности, что отражено в ст. 179 УИК РФ, где отмечается, что лица, отбывшие наказание, несут обязанности и пользуются правами, которые установлены для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными федеральным законом для лиц, имеющих судимость. В данном случае институт судимости закрепляет специальные обязанности на законодательном уровне и обуславливает их деление на последствия уголовно-правового, уголовно-исполнительного и общеправового характера³. При этом только уголовно-правовые и уголовно-исполнительные последствия имеют определенную систему. Что касается общеправовых последствий, то их системы в отечественном законодательстве не предусмотрены. В то же время они в наибольшей степени затрагивают правовой статус лиц, отбывших наказание, что, безусловно, создает дополнительные трудности в реализации освобожденными своих возможностей. Кроме того, большое количество общеправовых последствий судимости, закрепленных в подзаконных актах, дублируют федеральное законодательство, а иногда и противоречат ему.

Анализ отраслевого законодательства показывает, что в содержание специального статуса освобожденных могут включаться различного рода потребности, не охватываемые содержанием установленных законом прав, но подлежащие защите со стороны государства. Они являются своего рода «предправами», этапом на пути формирования новых субъективных прав и свобод⁴. Речь в данном случае идет о законных интересах, значимость которых в механизме юридического гарантирования специального статуса лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, существенно возрастает. Однако законодатель не закрепляет законные интересы в качестве элементов правового статуса освобожденных, что вызывает вопросы.

Таким образом, рассмотрев основные проблемы законодательного закрепления прав, обязанностей и законных интересов лиц, отбывших наказание, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, анализ указанных элементов свидетельствует, что они, отличаясь определенной специфичностью черт и элементов, а также особыми формами и порядком осуществления, не находят достаточного отражения в отечественном законодательстве.

Во-вторых, следует указать на крайне низкую эффективность правоприменительной практики по реализации освобожденными своих прав, обязанностей и законных интересов, особенно в социально-экономической сфере, что свидетельствует о комплексном характере вопросов, связанных с правовым статусом лиц, отбывших наказание, на современном этапе.

В-третьих, отсутствие необходимых юридических гарантий обеспечения основных элементов правового статуса освобожденных оказывает отрицательное влияние и на смежные правовые институты, призванные решать задачи профилактики рецидивной преступности, а также оказания социальной помощи после освобождения.

Исходя из этого в целях решения проблем, связанных с законодательным закреплением прав, обязанностей и законных интересов освобожденных, необходимо предпринять следующие шаги.

Во-первых, ускорить процесс разработки и принятия нормативно-правовых актов, регламентирующих субъективные права освобожденных, о которых идет речь в ст. 180, 182 УИК РФ.

Во-вторых, в целях приведения в систему имеющихся ограничений общеправового характера закрепить последние в пределах «рамочного» законодательства, определяющего общий круг правоограничений. Представляется, что таким нормативным актом должен быть Федеральный закон РФ «О правовом положении лиц, отбывших уголовное наказание». Полагаем, что перечисление общеправовых последствий судимости в ведомственных нормативных актах и инструкциях не соответствует действующему законодательству. Роль этих документов заключается только в реализации положений закона, устанавливающего те или иные правоограничения.

В-третьих, принимая во внимание то, что законные интересы являются неотъемлемой частью правового положения лиц, отбывших наказание, указать на это обстоятельство в ст. 179 УИК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Лица, отбывшие наказание, несут обязанности, а также пользуются правами и законными интересами, установленными для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными федеральным законом для лиц, имеющих судимость».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Преступность и правонарушения (1999–2003): Статистический сборник. М., 2004. С. 158.

² См.: Уголовно-исполнительное право: Учеб. : В 2 т. М.-Рязань, 2006. Т. 1. С. 349.

³ См.: Зельдов С.И. О понятии судимости // Известия вузов. Правоведение. 1972. № 1. С. 61; Голина В.В. Понятие отбытого наказания при погашении судимости. М., 1979. С. 84; Степаненко М.В. Понятие и правовая природа судимости // Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. М., 1981. С. 34; Шмаров И.В. Преодоление отрицательных последствий отбывания уголовного наказания // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 84–88.

⁴ См.: Уголовно-исполнительное право. Т. 1. С. 349.

Констатация произошедших в России перемен, их результаты и перспективы¹

И.И. ВЕРЕМЕЕНКО – заведующий кафедрой административного и финансового права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Произошедшие в стране перемены коснулись главным образом политических систем (переход от однопартийной системы к многопартийной); экономики (превращение государственной экономики в экономику, основанную на частном предпринимательстве и различных формах собственности); конституционного строя (организация власти по принципу ее разделения на отдельные ветви со взаимно сбалансированными полномочиями, препятствующими узурпации власти одной из ее ветвей); Конституции (в качестве приоритетной ценности в ней были закреплены основные права и свободы граждан); правовой системы (принятие законов, соответствующих новой политической и экономической системе, новой Конституции); общественного строя (создание зрелого, адекватного новым экономическим и политическим реалиям гражданского общества – объединений, организаций и ассоциаций граждан, независимых и огражденных законом от вмешательства государства).

Задачей настоящей статьи не является изучение степени осуществления указанных перемен, поэтому ограничимся лишь констатацией очевидного факта: формально по всем указанным направлениям, кроме последнего, они, эти перемены, произошли, хотя и с серьезными просчетами, нарушениями прав граждан и т.п. Что же касается создания адекватного новым экономическим и политическим реалиям гражданского общества, то здесь имеются серьезные проблемы.

Таким образом, с точки зрения формальных перемен, обеспечивших переход от Советского государства к государству демократическому, все, казалось бы, сделано в России. Резонен в этой связи вопрос: стало ли российское государство действительно правовым, социальным и демократическим? К сожалению, дать положительный ответ на этот вопрос не представляется возможным. И проблема заключается не только в том, что экономические, политические и правовые реформы проведены в России, как и в других постсоветских государствах, с серьезными нарушениями прав граждан, ошибками и просчетами, которые сейчас признаются всеми, в том числе некоторыми авторами реформ. Дело здесь, на наш взгляд, в том, что имевшие место преобразования являются по существу лишь платформой, необходимым и обязательным условием для дальнейшей демократизации.

Следующим шагом демократизации российского государства, как и других постсоветских государств, должна стать административная реформа. Эта реформа, безусловно, не должна сводиться только к совершенствованию органов исполнительной власти и исполнительных органов местного самоуправления, сокращению количества министерств и ведомств, их укрупнению и разукрупнению, увеличению или уменьшению их штатной численности, изменению их структуры, которое обычно представляет собой за-

мену управлений на департаменты и даже не влечет чистки чиновничьего аппарата от коррумпированных работников и тому подобных мероприятий.

Реформа органов исполнительной власти должна привести к качественным изменениям. Это важно потому, что, во-первых, эти органы являются субъектами, непосредственно управляющими страной.

Во-вторых, в их составе находятся так называемые силовые структуры, все правоохранительные органы, все контрольные органы, добивающиеся исполнения законов всеми субъектами права.

В-третьих, именно эти органы (в российском случае – агентства) оказывают гражданам, учреждениям и организациям государственные услуги.

В-четвертых, и это самое главное, на эти органы возложена задача осуществлять подзаконное конкретизирующее регулирование, от качества и соответствия Конституции и другим законам которого зависит реализация целей, заложенных в законодательстве.

Наконец, в-пятых, эти органы принимают конкретные решения (индивидуальные акты) как позитивно, так и негативно характера, воплощающие требования законов в жизнь.

За последние 10–17 лет таких реформ органов исполнительной власти было проведено свыше 15, то есть по реформе, а то и больше в год, что для понимающего управленца означает не улучшение работы управленческого аппарата, а его паралич. Если проследить и проанализировать основные направления реформ управленческого аппарата в России, то окажется, что ни одно из них не выдерживает критики. Идея сокращения количества министерств и ведомств сама по себе ничего не решает, если не сократить число выполняемых этими органами функций, а функции эти определяются у нас главными реформаторами, которыми, к сожалению, по действующей у нас практике выступают сами реформируемые. Об их объективности, разумеется, говорить не приходится. Строго говоря, проще простого подвести функции под заданное количество министерств и ведомств. Во-первых, на момент планирования структуры функции можно изложить в самом общем виде как задачи, которые в нужный момент (а такой момент для реформатора и реформируемых присутствует постоянно, ибо всегда просматривается желание «порадеть родному человечку» – сохранить его при должности!), можно развернуть в необходимое количество конкретных, и не совсем конкретных, и совсем даже неконкретных функций. Следовательно, первое правило реформы управленческого аппарата (суть органов исполнительной власти и исполнительных органов местного самоуправления) заключается в том, что нельзя поручать ее чиновникам, тем более чиновникам реформируемых органов.

Во-вторых, когда мы говорим, что количество предполагаемых министерств и ведомств, например 16 или 17, взято с потолка, мы отдаем себе отчет в

том, что у реформаторов имеются с их точки зрения «железные» аргументы, например аналогичное количество министерств и ведомств имеется в США, Германии, Франции и т.д. Но в зарубежных странах, кстати, количество федеральных (центральных) органов исполнительной власти различно, к тому же Россия не Америка, Германия, Франция и т.п. ни по количеству населения, ни по его национальному составу, ни по государственному устройству, ни по экономическому потенциалу, ни по климатическим и географическим условиям, ни по транспортным коммуникациям, коммуникациям связи и т.д. Список отличий, при этом отличий, существенно влияющих на эффективность управленческих систем, можно продолжить. А поэтому ориентиры на практику западных стран вряд ли здесь так уж уместны, и приводимые аргументы не стоит рассматривать как железные. Продолжающаяся в направлении увеличения количества федеральных органов административная реформа тому свидетельство.

В-третьих, укрупнение органов исполнительной власти, если оно проводится ради сокращения количества этих органов, как правило, тоже ничего не дает, и уж тем более недопустимо объединение под эгидой одного и того же министерства структур по оказанию услуг и структур, контролирующих данную деятельность или осуществляющих надзор за ней. Это непреложное правило управления, которое часто игнорировалось в управленческой практике СССР, игнорируется и сейчас. В таких случаях всегда на первый план выходит ведомственный интерес, «честь мундира» и т.п.

Сокращение численности управленческого аппарата – сама по себе идея хорошая, но слабо реализуемая. К тому же мировой опыт свидетельствует о постоянном росте «белых воротничков», в том числе и управленческих кадров. Как известно, ожидаемого снижения численности управленческого аппарата в связи с разгосударствлением предприятий, учреждений и организаций, ограничением вмешательства государства и его органов в их деятельность, сокращением управленческих функций органов исполнительной власти в хозяйственной и социально-культурной сферах не произошло. Как отмечают многие эксперты, идет обратный процесс дальнейшего увеличения численности чиновников в органах исполнительной власти. Что же касается чистки государственного аппарата от коррумпированных чиновников, то, судя по последней административной реформе, эта задача только декларируется.

Таким образом, реформы органов исполнительной власти не дали и не могли дать необходимых результатов. Этот вывод в равной мере относится и к осуществленному укреплению вертикали власти, которое было направлено в первую очередь опять же на совершенствование исполнительных органов, иными словами, субъектов управления. Создание еще одного (окружного) уровня органов исполнительной власти лишь укрепило положение федеральных властей, усилило в определенной степени контроль за действиями властей на уровне субъектов федерации, позволило тем в некоторых случаях добиться исполнения велений федеральной власти. Все проводимые реформации касались в основном лишь структуры и системы органов исполнительной власти. Между тем переход в разряд государств, основанных на правлении закона, предполагает не только неукоснительное соблюдение конституционных норм и норм других законов, но и существенные изменения всего управления, при этом такие, которые должны в свою очередь при-

вести к изменению государственного режима, смене структуры государственной власти, главным образом – к пересмотру средств и способов властвования.

Обычно в политической и юридической науке выделяют два принципиально различных политических режима: демократический и антидемократический (тоталитарный). Демократический предполагает достаточно широкий круг реально обеспеченных прав и свобод человека, защищенность личности от произвола и беззакония (вряд ли в современных условиях России можно однозначно говорить об этом) и, наконец, осуществление деятельности государства только на основе и в рамках закона, что тоже не всегда у нас соответствует действительности. Характеристику демократического режима можно было бы дополнить такими признаками, как открытость государственного управления, его подотчетность, подконтрольность внешним независимым структурам, сбалансированность прав и обязанностей сторон (административных органов и их должностных лиц и граждан), урегулированные на уровне закона процедуры осуществления управленческих действий, детальная наполняемость содержания прав и обязанностей сторон, соответствующие демократическим принципам взаимоотношения публичной власти и граждан и т.п. Все указанные и другие существенные свойства демократического режима, к сожалению, еще не нашли своего воплощения в праве России, особенно и главным образом в праве административном.

В сфере деятельности органов исполнительной власти, как уже отмечалось, больше всего допускаются нарушения прав и свобод граждан². Это связано с тем, что именно органы исполнительной власти и исполнительные органы местного самоуправления, реализуя законы, непосредственно взаимодействуют с гражданами, их различными объединениями как коммерческого, так и некоммерческого характера. Они обязаны оказывать гражданам различные услуги, помощь и содействие в реализации прав и свобод, строго контролировать соблюдение прав и свобод, а при необходимости принимать необходимые меры по защите прав, свобод и законных интересов граждан, обеспечению законности, охране собственности, общественного порядка, борьбе с преступностью.

Решают ли в полной мере органы исполнительной власти России сейчас эти задачи? Ответ очевиден. В чем же причина? На наш взгляд, она заключается в том, что и управленческие структуры, и принципы, и содержание, и механизм их деятельности, средства защиты прав и свобод граждан, и возникающие при этом отношения, и регулирующее весь этот комплекс административное право остались по существу прежними. Иными словами, граждане России, равно как и многих других постсоветских государств, имеют дело все с той же советской административно-командной системой.

Что было характерно для той административно-командной системы?

1. Диктатура (политическая, идеологическая и организационная) Коммунистической партии и всеобъемлющий контроль последней за всеми государственными и общественными институтами, а также гражданами и их объединениями.

2. Отсутствие какой-либо критики намечаемых к осуществлению Коммунистической партией мероприятий, которые должны были быть реализованы органами исполнительной власти – в то время органами государственного управления; никаких отступ-

лений от заданной линии. Административно-командная система работала в строго заданных границах.

3. Оценка эффективности работы правительства и других органов государственного управления оценивалась по степени достижения тех целей, которые были выдвинуты Коммунистической партией, даже если оказывалось, что эти цели были выбраны неправильно, были ошибочными.

4. Игнорирование закона, руководство в ряде случаев исключительно ложно понятой целесообразностью. Как следствие, вину за провалы в экономике и политике, сфере соблюдения прав граждан, за недостижение поставленных партией целей всегда несла не партия, а отдельные министры, руководители соответствующих ведомств. В этих условиях вопрос, кому служила исполнительная власть, на кого она ориентировалась, от кого зависело благополучие ее чиновников, даже не возникал. Естественно, эта власть служила Коммунистической партии, ее политике, ее идеологии.

Объективности ради отметим, что система наряду с указанными и другими серьезными недостатками имела и ряд преимуществ, которые позволили добиться несомненных успехов и достижений в экономике, политике, культуре, образовании, решении национальных вопросов, других сферах. Во-первых, это привлекательная для населения страны (почти христианская) идеология, в рамках которой работала административно-командная система. Во-вторых, административная система позволяла объединить все население страны, направить все ресурсы на решение действительно важных задач (создание промышленного потенциала, оборона страны и др.). В-третьих, при всех недостатках, провалах, просчетах и даже преступлениях, допущенных властью, связанных как с объективными, так и с субъективными факторами, страна на протяжении многих десятилетий динамично развивалась, а жизнь населения хотя и медленно, но улучшалась.

Что же изменилось за последние 10–15 лет? К сожалению, перемены в административно-командной системе не столь значительны, чтобы заметно изменить ее сущность. Конституция Российской Федерации закрепила политический плюрализм и идеологическое многообразие. На смену Коммунистической партии пришли спешно созданные без четко выраженной идеологии различные партии, блоки, объединения. Многие из них не имели своего электората, разветвленной сети местных организаций, поэтому их деятельность ограничивалась главным образом территорией Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других крупных городов и сводилась преимущественно к критике вновь образованной Коммунистической партии России, которая сохранила свои партийные организации и имела в первые годы реформ приверженцев по всей стране. В конце концов время и односторонняя направленность привели к расслоению и размежеванию сторонников КПРФ и одновременно к гибели наиболее заметных правых партий («Яблоко» и СПС). В результате на плаву осталась монополично господствующая в Государственной Думе партия «Единая Россия», идеологическая программа которой сводится по существу к поддержке действующего Президента и соответственно формируемой им исполнительной власти.

Таким образом, действенного парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти в России в настоящее время практически нет. А между

тем в западных государствах он является одним из важнейших институтов, при этом институтов абсолютно независимых от исполнительной власти. Этот контроль осуществляется в самых различных формах. Во-первых, он ведется через рабочие органы, формируемые парламентом, его комитеты и комиссии. Во-вторых, парламент создает и специальный орган – Счетную палату, основной задачей которой является контроль за формированием бюджета, целевым использованием бюджетных средств и исполнением бюджета. К сожалению, этот орган не занял еще подобающего ему места в системе контроля деятельности органов исполнительной власти. Должная критика действий Правительства и всей вертикали исполнительной власти отсутствует. Проверки Счетной палатой Государственной Думы бюджета страны (его формирования и исполнения) остаются слабо результативными. Достаточно вспомнить заявление бывшего Президента России Б.Н. Ельцина о куда-то исчезнувших 20 млн долларов, о коробке из-под ксерокса А.Б. Чубайса и т.д.

Работа исполнительной власти, как и прежде, оценивается по степени достижения целей, поставленных уже не партией, а одним лицом – Президентом, он же определяет судьбу Правительства и отдельных руководителей министерств и ведомств.

В этих, казалось бы, новых условиях все те же вопросы: кому служит исполнительная власть? на кого она ориентируется? от кого зависит благополучие чиновников? – становятся излишними. Укрепление вертикали власти (создание окружных структур исполнительной власти, расширение полномочий Президента в отношении глав исполнительной и законодательной властей субъектов Российской Федерации), безусловно, принесло свои положительные результаты в части приведения нормативного материала субъектов в соответствие с нормативным материалом Российской Федерации. Вместе с тем оно усилило зависимость властей субъектов, особенно властей исполнительных, от центральной исполнительной власти. И речь идет даже не о зависимости этих властей от Президента и его администрации: это в условиях современной России скорее вынужденная необходимость, а потому больше благо, чем вред. Вопрос стоит об отношениях чиновничества на различных уровнях исполнительной власти. Уход из административно-командной системы такого контролирующего органа, каким была Коммунистическая партия, по существу, лишил нижестоящих чиновников защиты от вышестоящих. Грамотные и аргументированные обращения и жалобы государственных служащих на произвол вышестоящих чиновников в партийные органы в советский период нередко приносили необходимые результаты в силу того, что и партия вынуждена была работать в рамках ей же созданной идеологии, исповедуемых и защищаемых ценностей. Закон «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» в редакции от 14 декабря 1995 г. применительно к государственным служащим мало что решил. Во-первых, потому что процесс обжалования весьма затяжной, учитывая загрузку судов. Во-вторых, потому что и суды до настоящего времени действительно независимыми еще не стали.

В-третьих, у вышестоящего чиновника в современных российских условиях всегда найдется «рояль в кустах», то есть компромат на любого жалобщика, так что рано или поздно жалобщика уберут со служ-

бы. А что это означает? А означает это потерю хорошей работы с приличной заработной платой, реальными возможностями решать проблемы своих детей и близких и, что очень важно, утрату всевозможных льгот, на волне борьбы с которыми и всплыл бывший Президент России Б.Н. Ельцин, во времена правления которого эти льготы приобрели гипертрофированный характер. Равным образом в современных условиях доведена практически до абсолюта зависимость нижестоящего чиновника от вышестоящего. На этом сегодня во многом и держится дисциплина в государственном аппарате, что является обратной стороной процесса укрепления вертикали власти. Таким образом, как оказалось, крайне недостаточно организовать власть по принципу ее разделения, продекларировать политическое и идеологическое многообразие, даже создать несколько партий. Необходимо менять механизм властвования, механизм разработки, принятия, исполнения управленческих решений и контроля за их исполнением, то есть реконструировать в этой части административную систему. Следует по-новому выстроить отношения исполнительной власти и органов местного самоуправления с гражданами и их объединениями. Эти отношения – тот барометр, который определяет демократизм системы. Их анализ во многом дает представление о том, какие качественные изменения происходят в новой управляющей системе.

Для административно-командной системы СССР было характерно отсутствие внешнего, а самое главное, независимого контроля за деятельностью органов исполнительной власти. Безусловно, определенную роль в этом процессе играла прокуратура, осуществляющая надзор за законностью в деятельности органов государственного управления, но пределы реализации ею данной функции опять же определялись Коммунистической партией. И сейчас, в новых экономических и политических условиях, органы прокуратуры осуществляют те же функции надзора за соблюдением законности органами исполнительной власти, но этот надзор при всем желании трудно признать независимым, учитывая порядок назначения Генерального и подчиненных ему прокуроров. Кандидатуру Генерального прокурора представляет Президент России, а назначает его Совет Федерации Федерального Собрания. О политическом весе Совета Федерации с учетом изменений порядка его формирования говорить не приходится. Даже в то время, когда Совет Федерации формировался из первых должностных лиц (глав исполнительной и законодательной властей) субъектов Федерации, бывший Президент России и его администрация нашли с их точки зрения «законное» решение (и. о. Генерального прокурора) и назначили удобного им человека, которого потом пришлось все-таки посадить. Что же касается остальных прокуроров, то их назначает Генеральный прокурор (в субъектах Федерации по согласованию с их властями, в остальных случаях – самостоятельно).

Получивший в западных демократиях широкое распространение такой институт внешнего контроля, как уполномоченный по правам человека, к сожалению, еще не оказывает должного влияния на органы исполнительной власти в части соблюдения ими прав и свобод человека и гражданина. Объективности ради необходимо отметить, что эффективность этого института даже во многих демократических государствах не очень высока. По признанию, например,

англичан «маленькие дозы» парламентского Уполномоченного по правам человека не имели особого эффекта, поскольку «пациент был практически здоров». Видимо, с достаточной степенью вероятности можно предположить, пользуясь терминологией англичан, что хотя «наш пациент» тяжело болен, «маленькие дозы» (имеются в виду весьма урезанные права уполномоченного по правам человека в России) вряд ли серьезно помогут исправить сложившееся положение. Вообще же этот институт сравнительно эффективно работает лишь в скандинавских странах – месте его зарождения. С учетом исторического прошлого нашей страны можно было бы наряду с созданием широкого и повсеместного судебного контроля и далее совершенствовать прокурорский надзор за законностью в деятельности органов исполнительной власти.

Таким образом, проведенные реформы мало затронули действовавшую в советское время административно-командную систему. Что же необходимо сделать для ее реформирования?

Во-первых, ввести управление исполнительной власти в рамки закона. Во-вторых, сделать ее подотчетной не только Президенту, но и народу. В-третьих, открыть управление (деятельность органов исполнительной власти) для внешнего и независимого контроля. В сущности, сейчас, несмотря на требования Конституции и принятых в ее развитие законодательных актов о свободе информации, возможности каждого иметь к ней доступ, свободно искать, получать, передавать, производить и распространять сведения любым законным образом, деятельность органов исполнительной власти и их должностных лиц во многом закрыта. В-четвертых, радикальным образом следует перестроить отношения, складывающиеся между исполнительной властью, ее органами, должностными лицами и гражданами, изменить баланс прав и обязанностей сторон, исправить имеющиеся здесь перекосы. В сущности, речь идет о реализации конституционного требования о приоритете прав и свобод человека и обязанности государства соблюдать и защищать эти права (ст. 2 Конституции). Собственно, даже место этой статьи в Конституции Российской Федерации говорит о ее значимости для построения демократического государства. Все проводимые государством мероприятия должны оцениваться только с одной позиции: как они повлияют на соблюдение прав, свобод и интересов граждан? Таким образом, еще раз повторим: чтобы изменить сложившееся положение дел, необходимо коренным образом изменить управленческие отношения, в первую очередь отношения между государственными органами, их должностными лицами и гражданами. Необходимо дать гражданам реальные права в отношении администрации, гарантии защиты от ее произвола. Указанные отношения, их характер, имеющийся баланс прав и обязанностей сторон, процедуры и порядок разрешения возникающих споров и конфликтов и наличие независимых внешних арбитров, административных судов по их разрешению, как показывает опыт западных демократий, определяют сущность и характер сложившейся административной системы, ее возможную трансформацию из административно-командной в демократическую.

Как известно, деятельность органов исполнительной власти и исполнительных органов местного самоуправления и их взаимоотношения с гражданами и организациями регулируются административным

правом. Следовательно, для демократизации административной системы необходимо существенным образом менять административное право, а оно пока остается во многом прежним, советским. Очевидно, что административное право России должно строиться на тех же принципах, на которых зиждется административное право демократических государств. Авторы исследования «Административная юстиция в новых европейских демократиях» справедливо отмечают: «С переходом к демократической, основанной на господстве права, системе требования к административному праву меняются. Сама идея, что управление и административная деятельность должны осуществляться в рамках закона, что официальным лицам доверена власть и они подотчетны за пользование ею, открывает путь для иного типа административного права. Судебный надзор за административной деятельностью с целью обеспечения законности ставится фундаментальным принципом». И далее: «административное право больше не является вопросом, который национальные правительства решают как хотят. Сейчас оно приобрело определенный универсальный характер с утвердившимися принципами, доктринами и учреждениями... и должно соответствовать определенным стандартам»³. Естественно, что универсализация административного права не исключает, а напротив, предполагает также возрождение практики и учреждений, присущих каждой стране⁴.

Резюмируя изложенное, следует сделать вывод о том, что в процессе реформы страна должна уйти от административно-командной системы и создать демократическую административную систему, которая повлечет не только реформу администрации (органов управления), органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, но и реформу самого механизма администрирования, властвования, принятия и исполнения решений, отношений, возникающих в этом процессе, а также порядка и организации внешнего контроля за деятельностью исполнительной власти. Это означает, по существу, смену всей административной системы. Почему здесь уместно использовать термин «система»? А потому, что система – это не только наличие определенных элементов, но и взаимоотношения, связи между ними. Таким образом, административная система государства представляет собой собственно исполнительную власть и механизм ее властвования, то есть совокупность самых различных элементов и связей между ними, регулируемых административным правом, обеспечивающих непосредственное управление делами общества и государства, воплощение требований Конституции, конституционных и текущих законов в реальную жизнь.

Решение указанных задач предполагает радикальное совершенствование административно-правового регулирования, которое, на наш взгляд, должно осуществляться по следующим основным направлениям.

1. К сожалению, в настоящее время во всех положениях о министерствах, где говорится о разработке государственной политики как основной задаче ведомства, понятие это не раскрывается. Если же проанализировать осуществленные, особенно в период правления Б.Н. Ельцина, экономические преобразования, то их результаты свидетельствуют скорее об антигосударственной политике, что вольно или невольно признается сегодня всеми. Обворованы, обанкрочены и проданы за бесценок большинство

успешно работавших промышленных предприятий, разрушено сельскохозяйственное производство, страна оказалась в продовольственной зависимости от экспорта зарубежной продукции. Введение дорогостоящих платных услуг в сфере здравоохранения, образования оставило без медицинской помощи подавляющее большинство граждан России, равно как и лишило их возможности получить хорошее образование. Все это ставит под угрозу реализацию инновационных и других программ в любой сфере. Перечень непродуманных разрушительных мер, осуществляемых властями, можно было бы продолжить, и он будет продолжен, если содержание государственной политики не будет публично и научно обосновано и конкретизировано на всех уровнях законодательной власти и применительно к каждому государственному органу. В противном случае мы будем реализовывать не государственную, а чиновничью политику, что сейчас с успехом и делаем. Таким образом, задача административистов состоит в нормативной конкретизации содержания понятия «государственная политика» применительно ко всем органам исполнительной власти.

2. Особо следует остановиться на следующем положении ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». К сожалению, это утверждение никак не раскрыто и не конкретизировано в действующем законодательстве. В сущности оно осталось всего лишь декларацией. А между тем даже само место этой статьи в Конституции РФ говорит о ее значимости и, безусловно, о необходимости конкретизации, развития содержащегося в ней положения в действующем российском законодательстве, особенно в административно-правовых актах. Полагаю, что это вторая неотложная задача административистов как в научном плане, так и в нормотворческом. Необходимо указанное декларативное положение перевести в конкретные права граждан и, самое главное, корреспондирующие обязанности государственных органов и должностных лиц. Если применительно к административно-юрисдикционной деятельности это худо-бедно сделано, то в обычной повседневной работе органов государства, особенно органов исполнительной власти и их должностных лиц, ничего должным образом с учетом конституционного требования о приоритете прав и свобод граждан не совершается. Задачи и функции органов исполнительной власти и их должностных лиц (начиная с правительства и заканчивая должностными лицами управлений и отделов министерств, служб, агентств) изложены в действующих нормативных актах так же, как и в советское время, то есть в интересах либо государства, либо конкретного ведомства. В этих многочисленных актах (законах, регламентах, положениях, инструкциях) о приоритете прав и свобод граждан даже не упоминается. Фактически же эти задачи и функции органов, права и обязанности должностных лиц подчинены интересам чиновничества, о чем уже шла речь. Сейчас даже высокопоставленные чиновники признаются, что все они работают не на результат государства, а на свой личный результат. Таким образом, все задачи, функции, права и обязанности государственных органов и должностных лиц должны быть радикально пересмотрены, сформулированы с учетом приоритета прав граждан и наиболее благо-

приятных способов их удовлетворения. И такого рода редакции должны быть предложены именно административистами.

3. Это в равной мере относится и к пресловутому принципу деятельности органов исполнительной власти (законности), который не получил конкретного и детального закрепления в нормативном материале. Мы лишь беспрестанно повторяем термин «законность» (кстати, в законе о государственной гражданской службе этот принцип отсутствует, хотя в рамочном законе о государственной службе он имеется). Получается точно по восточной поговорке: сколько ни говори «халва» – во рту слаще не станет. Содержание данного принципа должно быть раскрыто и конкретизировано по всем направлениям деятельности органов исполнительной власти и их должностных лиц, в том числе и в увязке принципа законности с принципом справедливости, принципом приоритета прав и свобод граждан, принципом минимальных временных и материальных затрат при реализации прав и свобод граждан, принципом помощи гражданам в любом их законном начинании, принципом, исключающим злоупотребление правом, и т.д. На наш взгляд, это еще одна актуальная задача административно-правового регулирования в современных российских условиях.

4. Следующую задачу административно-правового регулирования составляет уже набившая оскомину проблема разработки и принятия закона об административных процедурах. Всем известно, что вопрос взаимоотношений должностных лиц органов исполнительной власти и граждан в современной России (впрочем, не только современной) является наиболее острым, во многом здесь кроются причины коррупции, взяточничества, различного рода «откатов», злоупотреблений и т.п. Несмотря на то, что об этой проблеме не писал только ленивый и в целом вполне приемлемый проект закона об административных процедурах давно лежит в Государственной Думе, его принятие, полагаю, умышленно затягивается. Тема эта достаточно хорошо проработана в административно-правовой литературе. Считаю необходимым в этой связи обратить внимание читателей лишь на одну трудноразрешимую, на первый взгляд, проблему – проблему неравенства граждан и государственных служащих в административно-правовых отношениях. Да, действительно, это неравенство существует, ибо только государственное должностное лицо может решить тот или иной вопрос, поставленный гражданином. Иначе и быть не может, а посему мы не можем уравнивать в административно-правовых отношениях этих двух субъектов. Выход видится нам только в одном. Следует уравнивать возможности защиты гражданина в этих отношениях с возможностями чиновника творить произвол, даже не уравнивать, а дать определенную фору гражданам.

Для этого надо четко и детально расписать права чиновника по каждой операции, его ответственность за ненадлежащее исполнение любой обязанности вплоть до немедленного увольнения с государственной службы (это может быть более серьезной санкцией для чиновника в современной России, где любая власть напрямую ассоциируется с возможностями незаконного получения вознаграждения). Естественно, должны быть четко предусмотрены и возможности защиты граждан.

В этой процедуре принятые решения по жалобе гражданина должны быть максимально быстрыми и

эффективными. Задайте вопрос: много ли чиновников было уволено за последние сплошь коррупционные годы? Ответ очевиден. Это не борьба с коррупцией и не результат.

5. На сегодняшний день российское административное законодательство представляет собой, говоря словами Н.Е. Салтыкова-Щедрина, «законодательную лапшу»: оно не систематизировано, содержит множество пробелов, противоречий, откровенных нелепизм. Только один пример. В Бюджетном кодексе Российской Федерации имеется 18 составов административных правонарушений, ответственность за совершение которых должна быть предусмотрена в КоАП РФ. Однако в КоАП РФ в настоящее время защищены лишь три состава, 15 повисли в воздухе. Многие нестыковки имеются в Таможенном и Налоговом кодексах.

Вообще идея создать единый КоАП оказалась надуманной. Крайне неэффективными являются действующее экологическое законодательство, бюджетное законодательство, законодательство в сфере производства товаров и услуг для населения, о чем шла речь, и т.д., так как предусмотренные ими санкции ни в коей мере не возмещают причиненный ущерб, по существу, провоцируют эти нарушения, ибо допущение последних представляется более выгодным для предпринимателей, чем соблюдение соответствующих требований.

Такое впечатление, что и административно-правовая наука, и законодатель все еще живут в советское время и используют советские меры борьбы с правонарушениями, в то время как предпринимателями правит один закон – получение максимальной прибыли любым путем. Даже многие представители административно-правовой науки панацеей от всех бед считают штрафные санкции, в то время когда важнее не наказать правонарушителя, а добиться реального выполнения обязанности, возместив обществу причиненный ущерб. В целом, как показывает анализ, в КоАП РФ по-прежнему используются санкции, далеко не адекватные совершенным административным правонарушениям.

6. Требуя детального административно-правового регулирования новые формы и методы деятельности органов исполнительной власти (лицензирование, квотирование, регистрация, аттестация и т.п.) и целый ряд других вопросов, но об этом в следующей статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Продолжение статьи «Концепция предмета советского административного права и необходимость ее коррекции», опубликованной в журнале «Вестник института: преступление, наказание, исправление» (2008, № 2).

² Советские административисты рассматривали управление в широком смысле слова, то есть управление всеми делами общества и государства, осуществляемое всеми государственными органами, и управление в узком смысле слова, то есть государственное управление, осуществляемое органами государственного управления, сегодня – органами исполнительной власти.

³ См.: Административная юстиция в новых европейских демократиях. Практические исследования в сфере административного права и процесса в Болгарии, Эстонии, Венгрии, Польше и Украине. Киев, 1993. С. 22–23.

⁴ См.: Там же.

Международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних и ювенальная юстиция в России

Л.И. БЕЛЯЕВА – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Сегодня российские журналы и газеты пестрят заголовками материалов по модной ныне теме – «ювенальная юстиция». И вот уже речь идет о новой отрасли права (ювенальное право)¹, модели ювенальной юстиции², ювенологии³. При этом все, что связано с ювенальной юстицией, рассматривается как нечто новое, ранее не известное отечественному законодательству и практике правоприменения. Любопытно узнать, так ли это?

Обсуждая любую проблему, необходимо, как известно, «договориться о терминах». Это положение относится и к ювенальной юстиции. Как показывает анализ публикаций, выступлений на тему ювенальной юстиции, единообразного подхода к толкованию термина «ювенальная юстиция» пока нет. Поэтому каждый, кто затрагивает данную проблему, исходит из собственного понимания сути и считает главенствующими именно те шаги и направления деятельности, связанные с введением ювенальной юстиции, которые соответствуют именно его взгляду. Естественно, что в такой ситуации довольно трудно выработать конкретные меры или рекомендации по развитию данного направления уголовной политики.

Очевидно, что определение единых подходов к исходным положениям является чрезвычайно важным. Представляется, что в нашем вопросе может быть полезным обратиться к международным документам, затрагивающим эту проблему. Анализ Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних, а также Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, Конвенции о правах ребенка⁴ показывает, что термина «ювенальная юстиция» в них не содержится, но идет речь о правосудии несовершеннолетних, что в переводе и есть ювенальная юстиция. Ряд авторов считают, что ювенальная юстиция – это суд по делам несовершеннолетних, который составляет суть и основу ювенальной юстиции. Представляется, что это не так. Обратимся к документу, посвященному именно вопросам правосудия в отношении несовершеннолетних, – Пекинским правилам⁵. Как следует из п. 1.4, правосудие в отношении несовершеннолетних (то есть ювенальная юстиция) – это составная часть системы обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, защиты молодежи и поддержания порядка в обществе.

В Правилах определяется, что они применяются к несовершеннолетним правонарушителям, но не только. Круг лиц, на которых Правила распространяются, значительно шире, на что имеется специальное указание. Из него следует, что ряд положений, изложенных в документе, применяются также к несовершеннолетним, допускающим плохое поведение в школе, семье, пропуски занятий (прогулы), появление в нетрезвом состоянии в общественных местах и пр. Рекомендуется распространять действие установленных Правилами принципов на всех несовершеннолетних, в отношении которых применяются меры по социальному обеспечению и опеке, то есть и на тех, кто перед судом не предстает, но нуждается в помощи и поддержке. В ряде случаев речь может

идти о защите прав детей и их самих от различных посягательств. Вполне понятно, что не все из проблем, касающихся указанных детей, могут и должны стать предметом интереса собственно суда.

В п. 6 Правил отмечается, что правосудие в отношении несовершеннолетних имеет разные уровни, к числу которых отнесены расследование, рассмотрение дела в суде, вынесение судебного решения и его выполнение, осуществление контроля за выполнением судебных решений. Очевидно, что все не может быть сведено лишь к деятельности суда.

Следует обратить внимание на положение п. 10 Правил, в котором речь идет о том, что правосудие в отношении несовершеннолетних начинается с первоначального контакта, в котором сторонами выступают несовершеннолетний правонарушитель и органы по обеспечению правопорядка, являющиеся, следовательно, составной частью, элементом указанного правосудия.

Правила устанавливают, что при рассмотрении любых дел главным являются интересы несовершеннолетнего: развитие его личности, благополучие, ограждение от негативных последствий правоприменения. Именно поэтому рекомендуется по возможности избегать официального разбора дела судебными органами в любом их виде. При согласии несовершеннолетнего или его родителей (опекуна) предпочтительно при прекращении дела передавать его в общественные или иные службы для осуществления педагогических мероприятий. Таким образом, Правила закрепляют положение о том, что правосудие в отношении несовершеннолетних осуществляется не только собственно судами. И основным здесь, как вытекает из п. 11, является не суд по делам несовершеннолетних, а общественные формирования и иные службы (в том числе официальные), ориентированные на работу с несовершеннолетними.

Более того, Правила исходя из интересов несовершеннолетнего императивно предоставляют право прекращения соответствующих дел без проведения официального слушания: а) полиции, б) прокуратуре, в) другим (без определения их) органам (п. 11.20). Причем это право может быть реализовано как одним, так и несколькими органами. Иными словами, Правила в систему правосудия несовершеннолетних включают и полицию, и прокуратуру, и другие органы, правомочные рассматривать дела о несовершеннолетних без официального слушания. Очевидно, что данное положение не позволяет сводить ювенальную юстицию только к собственно суду, хотя бы и ювенальному.

В связи с тем, что в некоторых случаях несовершеннолетний за правонарушение помещается под стражу, хотя лучше все-таки этого избегать, в документе рекомендуется не только отдельное от взрослых, предпочтительнее в специальных учреждениях или отделениях, но и соответствующее по условиям возраста, интересам развития личности и обеспечения прав содержание. Здесь во главу угла ставится защита несовершеннолетнего от криминального влияния взрослых и приобщения к дальнейшему противоправному поведению⁶, то есть речь идет о предупреждении.

В Правилах подчеркивается, что содержание под стражей до суда – крайняя мера на короткий срок. Необходимо искать возможность применения альтернативных мер, например постоянного надзора, активной воспитательной работы, помещения в семью или воспитательное заведение или дом. Здесь перспективы отечественного правоприменения пока невелики. По-видимому, следует, учитывая рекомендации международного сообщества, включить в правоприменительную практику активные педагогические меры, для чего необходимо закрепить это положение законодательно.

Очевидно, что Правила не сводят понятие правосудия несовершеннолетних к деятельности одного суда, хотя ему уделяется значительное внимание. В документе указывается, что рассмотрение дела несовершеннолетнего ведется компетентным органом власти, который и вынесет решение, при этом определение данного органа не дается. Как следует из п. 14.1, под компетентным органом власти подразумеваются суд, трибунал, совет, комиссия и т.п., а также лица, которые руководят указанными структурами. Это может быть один судья или несколько членов, профессиональные судьи или не являющиеся таковыми, комиссии или другие официальные органы общин либо учреждения судебного характера, занимающиеся разрешением конфликта. Причем Правила рекомендуют сокращать объем судебного рассмотрения дел о несовершеннолетних и усиливать деятельность несудебных учреждений. Здесь уместно сказать, что исходя из положений Правил и отечественного опыта следует совершенствовать деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Именно деятельность комиссий, связанная с рассмотрением дел о несовершеннолетних, позволяет реализовать предписания международных стандартов о расширении сферы несудебного разбирательства по делам указанной категории. В настоящее время правовую основу деятельности комиссии составляют Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних (1967 г.), остающееся без существенных изменений до настоящего времени; Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2006 г. № 272 «О правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав»; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; законы и подзаконные акты субъектов Российской Федерации.

Существующая правовая база не отражает в полном объеме тех социально-политических изменений, которые произошли в обществе. Кроме того, в субъектах Российской Федерации реализуются разные подходы к правовому регулированию и организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН). В связи с этим требуется реформирование нормативно-правовой и организационной базы КДН, для чего необходимо пересмотреть и унифицировать правовые и организационные формы их создания и функционирования на разных уровнях – федеральном, региональном и муниципальном.

Имеет место неопределенность организационно-правовых основ создания и функционирования комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по КоАП РФ, который называет КДН только в числе органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях (п. 2 ч. 1 ст. 22.1).

В части решения вопросов о применении к несовершеннолетнему мер воздействия происходит дублирование деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и определенной части деятельности судов, с одной стороны, а с дру-

гой – несовершеннолетние, совершившие правонарушения даже в одном городе, оказываются в неравных условиях. В одном случае вопрос о применении мер воздействия будет рассматривать суд, а в другом – «с учетом конкретных обстоятельств дела и данных о лице, совершившем административное правонарушение в возрасте от 16 до 18 лет, комиссии по делам несовершеннолетних с применением к нему меры воздействия» (ст. 2.3 КоАП РФ).

При этом не определено, что это за обстоятельства и данные, к тому же суд, решая вопрос о применении мер воздействия, исходит из тех же положений. По-видимому, здесь следует принять во внимание рекомендации Пекинских правил о расширении сферы участия в рассмотрении дел о несовершеннолетних именно несудебных органов, каковыми комиссии и являются.

В субъектах Российской Федерации по-разному решаются вопросы о характере и содержании нормативных правовых актов, регулирующих деятельность КДН. В связи с этим целесообразно вопросы формирования нормативной правовой основы организации и деятельности региональных и муниципальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав отнести к компетенции представительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Существующее название комиссий не в полной мере отражает суть их назначения. Присутствующее в названии слово «защита» ориентирует на то, что комиссии призваны предпринимать соответствующие шаги и действия в тех случаях, когда имеет место факт нарушения прав ребенка или ущемления его интересов. Представляется, что это сужает сферу действия комиссий, назначение которых более масштабное и состоит в охране прав несовершеннолетних. В такой трактовке место и роль комиссий меняются существенно.

В международных стандартах подчеркивается, что для принятия правильного решения компетентному органу, рассматривающему дела о несовершеннолетних, необходима полная и всесторонняя информация о самом несовершеннолетнем, его окружении, воспитании и др. Поэтому в правиле 16 указывается на потребность в специальных социальных службах или сотрудниках для сбора и подготовки необходимой информации, которые также являются составной частью правосудия несовершеннолетних.

В документе подчеркивается, что компетентному органу по делу о несовершеннолетнем правонарушителе предпочтительнее принять решение, не связанное с заключением в исправительное учреждение. Но если этого не удастся, то необходимо избегать негативных последствий, связанных с изоляцией от общества, и осуществлять для этого специальные мероприятия организационного и педагогического характера. Это положение заставляет обратить внимание на то, что УК РФ предусматривает для несовершеннолетних такое наказание, как арест. По своему содержанию арест не соответствует психологическим особенностям личности несовершеннолетнего, к тому же он и не применяется. В свое время известный специалист в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних Д.А. Дриль подчеркивал, что судопроизводство в отношении несовершеннолетних, наказание их не должны формировать в сознании подростка восприятие себя само как настоящего преступника⁷.

Арест как вид наказания лишен какого бы то ни было педагогического смысла. Он, безусловно, никакой альтернативой лишению свободы не является, поскольку сам суть лишение свободы. Арест по смыслу и назначению – самый жесткий вид наказания, характер которого никак не может способствовать исправле-

нию несовершеннолетнего. Сам факт строгой изоляции для несовершеннолетнего губителен. В международных документах настойчиво проводится мысль о важности и необходимости создания воспитывающей среды, которая помогала бы несовершеннолетнему в исправлении. В связи с этим арест как вид наказания для несовершеннолетних неприемлем.

В Правилах подчеркивается важность заботы об ограждении несовершеннолетнего от уголовного влияния и криминального заражения со стороны компетентного органа, обеспечивающего правосудие несовершеннолетних и участвующего. С этой целью рекомендуется сокращать объем применения к несовершеннолетним лишения свободы. Предпочтительными являются меры, альтернативные лишению свободы. Нельзя сказать, что действующее законодательство не соответствует международным стандартам.

В ст. 88 УК РФ приводится перечень видов наказаний несовершеннолетних. Здесь же раскрывается их содержание за исключением лишения права заниматься определенной деятельностью. Законодатель не определился в том, о какой именно деятельности несовершеннолетнего может идти речь. Очевидно, имеется в виду деятельность, требующая определенной подготовки, то есть профессиональная. Неясность воли законодателя ведет к тому, что данное наказание практически не применяется. Кроме того, возникают сомнения относительно того, насколько социально и педагогически оправдано такое лишение.

Один из педагогических постулатов гласит, что труд является мощным средством воспитания, социализации человека и не может поэтому выступать в качестве наказания. В связи с этим под вопросом оказывается педагогичность такого вида наказания, как обязательные работы. Доводы относительно того, что за рубежом они активно применяются, не представляются достаточно убедительными.

Известно, что любые реформы и усовершенствования не могут осуществляться без учета имеющегося опыта. Это относится и к совершенствованию системы мер, альтернативных лишению свободы. Здесь стоит обратиться к опыту применения отсрочки исполнения приговора, что для несовершеннолетних имеет особое значение. В свое время она довольно широко практиковалась у нас. Многие специалисты, ученые и практики пришли к выводу о том, что эта мера не оказывает должного воздействия на несовершеннолетнего, поскольку он не может понять истинного ее значения. Мы полагаем, что отсрочка исполнения приговора не сыграла ожидаемой роли лишь по одной причине: она не имела необходимого и должного организационно-правового и методического обеспечения. За поведением несовершеннолетних, имеющих отсрочку исполнения приговора, не осуществлялся нужный педагогический контроль, и, что самое главное, с ними не велась соответствующая содержательная воспитательная работа. В результате подростки воспринимали отсрочку просто как везение, выразившееся в уходе от ответственности, или прощение правонарушающего поведения.

Представляется, что отсрочка исполнения приговора может оказывать позитивное влияние при условии, что она будет должным образом организована в соответствии с целями уголовной ответственности. Это довольно серьезная альтернатива не только лишению свободы, но и другим видам наказания.

Еще одна альтернатива лишению свободы – условное осуждение. Эта мера применяется довольно широко. Известно, что в настоящее время в воспитательных колониях содержится значительная часть несовершеннолетних, к которым ранее применялось

условное осуждение, не давшее желаемых результатов. Вопрос о целесообразности этой меры является закономерным. Здесь необходимо подчеркнуть, что условное осуждение следует рассматривать не как факт, а как педагогический процесс. В настоящее время этот процесс не осуществляется. Условное осуждение несовершеннолетнего связано для него с постановкой на учет, но постоянной, систематической работы с ним, его окружением не ведется. В связи с этим представляется, что условное осуждение также нуждается в четкой регламентации и более тщательной организации. По нашему мнению, в настоящее время недостаточно полно используются воспитательные возможности среды обитания подростков: учебных коллективов, общественных объединений, в которых они участвуют или которые их окружают, коллективов предприятий, в том числе и частных, спортивных школ, кружков и т.д. Очевидно, что для усиления воспитательного потенциала окружения подростков необходима последовательная и целенаправленная работа.

Пекинские правила рекомендуют применять к несовершеннолетним широкий диапазон альтернативных мер во избежание заключения и относят к ним: постановление об опеке, руководстве и надзоре; probation; постановление о работе на благо общины; финансовые наказания, компенсацию и реституцию; постановление о принятии промежуточных и других мер; постановление об участии в групповой психотерапии и других подобных мероприятиях; постановления, касающиеся передачи на воспитание, места проживания или других воспитательных мер. Этот перечень является открытым, что свидетельствует об одобрении и реализации и иных мер (п. 18.1). Комитет ООН по правам ребенка подчеркивает необходимость шире использовать альтернативы лишению свободы и выделять для этого необходимые ресурсы⁸.

Необходимость расширения круга мер, альтернативных не только лишению свободы, но и наказанию очевидна⁹. Однако следует принимать во внимание то, что требуется не просто внесение соответствующих дополнений и изменений в законодательство, но и активизация педагогического процесса в отношении детей-правонарушителей¹⁰.

В исследуемых документах обращается внимание на важность разработки соответствующих процедур, способствующих социализации несовершеннолетних при применении мер, альтернативных наказанию, при условном освобождении от отбывания наказания и после отбывания такового¹¹. В настоящее время в этом направлении сделаны определенные шаги. Однако стройной воспитательной системы пока не получилось в связи как с пробелами и упущениями в законодательстве, так и с недостаточно развитой практикой¹². Реализация рекомендаций международных стандартов в области применения системы альтернативных мер в отношении несовершеннолетних позволит, на наш взгляд, развить эту систему.

Международные документы содержат рекомендации по активному применению мер, альтернативных наказанию. Справедливо будет отметить, что в действующем уголовном законе такие меры предусмотрены (ст. 90–92 УК РФ). Как следует из ч. 4 ст. 90 УК РФ, принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, уголовной ответственностью не являются. Это означает, что и место им не в главе об уголовной ответственности несовершеннолетних.

Законодатель в ст. 91 УК РФ раскрывает юридическое содержание принудительных мер воспитательного воздействия, но не дает определения того, что такое по сути своей эти меры. Важным и интересным является вопрос о том, каковы цели применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Анализ ст. 90 УК РФ позволяет прийти к выводу о том, что принудительные меры воспитательного воздействия преследуют цель исправления несовершеннолетнего, но ведь и наказание преследует ту же цель. В чем же различие?

К числу принудительных мер воспитательного воздействия законодатель относит помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа с целью исправления несовершеннолетнего (ст. 92 УК РФ). Здесь, по нашему мнению, отсутствует логика: в одном случае принудительная мера применяется с определенной целью, а в другом – без таковой.

Как следует из анализа соответствующих статей УК РФ, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение и осуждение к лишению свободы преследуют одну и ту же цель. Если это так, то лишение свободы – излишняя репрессия.

Думаю, что цели применения принудительных мер, цели наказания и цели уголовной ответственности близки, но различны. Цели применения принудительных мер вытекают из самого названия – это меры воспитательного воздействия. Они состоят в воспитании несовершеннолетнего, то есть не в исправлении его, не в перевоспитании, а в восполнении путем интенсивного педагогического воздействия тех пробелов, которые в воспитании образовались (развитие самоуважения, воспитание чувства ответственности, формирование взглядов, которые способствуют развитию позитивных качеств личности, устойчивости к негативному влиянию, включению в общественную жизнь и пр.).

Этому комплексу соответствует цель предохранения несовершеннолетнего от неблагоприятного влияния среды, обозначенная в международных стандартах.

Стоит обратить внимание на ст. 90 УК РФ, в которой приводится список принудительных мер. Полагаем, что этот перечень излишне скромный.

Как отмечается в упомянутых международных документах, интересы ребенка требуют активного использования мер, альтернативных не только наказанию, но и уголовной ответственности. Альтернативным здесь является применение к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ст. 90 УК РФ, в числе которых и передача под надзор специализированного государственного органа. Однако законодатель до сих пор не определил этот орган. В настоящее время по сложившейся традиции и в соответствии с ведомственным нормативным актом МВД России эти вопросы находятся в ведении подразделений по делам несовершеннолетних. Не ясно, однако, соответствует ли это воле законодателя, достаточны ли возможности указанных подразделений? Для нашей темы существенным является вопрос о понимании сути и содержании надзора, упомянутого в указанной статье.

Не вполне ясным представляется механизм реализации некоторых принудительных мер воспитательного воздействия. Так, например, из закона не следует, какой именно орган может и должен контролировать осуществляемый родителями или лицами, их заменяющими, надзор и делать соответствующие выводы, составлять заключения и ходатайства. Это же относится к ограничению досуга и установлению особых требований к поведению несовершеннолетнего. Как следует из ст. 90, 92 УК РФ, применение к несовершеннолетним альтернативных мер возможно уже на самой ранней стадии процесса, когда решается вопрос о замене уголовной ответственности. При этом, как известно, несовершеннолетний исключается

из системы уголовного правосудия, что само по себе является положительным. Но необходимо подчеркнуть, что сам факт исключения несовершеннолетнего из дальнейшего уголовно-процессуального участия – еще не решение проблемы. Здесь важно, чтобы подросток не оставался без внимания социума. Именно поэтому в зарубежных странах судьям предоставляется право отдать дело социальным службам: сотруднику службы защиты, социальному работнику, специалисту, ведущему реабилитационные программы, и др. Суд при этом не остается в стороне, но он лишь осуществляет надзор за результатами проводимой работы до выполнения подростком всех условий и обязательств.

Как следует из ч. 2 ст. 87 УК РФ, уголовная ответственность несовершеннолетних может быть двух видов: без назначения наказания и с назначением такового. Очевидно, что уголовная ответственность – более широкое понятие, нежели наказание. Законодатель не дает общего понятия уголовной ответственности, как не определяет и целей общего порядка. При этом устанавливаются цели наказания, которые являются лишь частью уголовной ответственности. Такое положение создает впечатление (скорее, иллюзию), что уголовная ответственность применяется без целей, а просто потому, что не назначено наказание. Но это не так. Поэтому вопрос об определении целей уголовной ответственности, в частности, несовершеннолетних является чрезвычайно актуальным. Это связано и с тем, что под влиянием демократических преобразований, гуманистических устремлений, отечественного и зарубежного опыта в общественном сознании формируется убеждение в необходимости сужения сферы применения к несовершеннолетним не только лишения свободы, но и наказания как такового и расширения практики использования альтернативных ему мер¹³. Таким образом, складывается ситуация, когда наказание имеет цели, а уголовная ответственность без его применения как бы бесцельна. Думаем, что здесь необходимо определиться. Наши соображения на этот счет таковы.

Поскольку преступление является разновидностью правонарушения, то оно (преступление) всегда связано с нарушением чьего-то права. Следовательно, целью уголовной ответственности и будет являться восстановление (и защита) нарушенного права. Такой подход позволяет, по нашему мнению, усилить позиции потерпевшего и вызывает потребность в восстановительном правосудии¹⁴.

Привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетнего, совершившего преступление, способствует разрешению (или ослаблению) конфликта, возникшего между виновным и потерпевшим, что способствует восстановлению и укреплению правопорядка. В этом также состоит, на наш взгляд, цель уголовной ответственности.

Известно, что несовершеннолетние являются наиболее уязвимой категорией лиц, вовлекаемых в систему правосудия. Привлечение к уголовной ответственности не может и не должно быть связано с нарушением прав несовершеннолетних, негативным влиянием на них. Для решения этих проблем имеются специальные процедуры, способствующие защите несовершеннолетних от влияния негативных факторов. Такая защита, в нашем понимании, также является целью уголовной ответственности.

Совершению преступлений несовершеннолетними способствуют негативные качества их личности, развивающиеся в силу неправильно организованного воспитания (жестокость, тяга к употреблению спиртных напитков, алчность и др.). Очевидно, что уголовная ответственность устанавливается для исправления и перевоспитания несовершеннолетних. Представляется, что исправление несовершенно-

летнего возможно и без назначения наказания путем применения мер, альтернативных ему.

Что касается перевоспитания, то это цель уголовной ответственности, связанная с назначением наказания. Существует точка зрения, согласно которой перевоспитать человека нельзя, поскольку это предполагает коренные изменения личности, чего наказанием достичь невозможно. Может быть, применительно к взрослому это утверждение и верно. Но едва ли оно справедливо в отношении несовершеннолетнего. Так, отказавшись от цели перевоспитания несовершеннолетнего, состоявшего, например, в организованной преступной группе (со своими правилами и нормами поведения, стереотипами и иерархией), можно лишь на время отлучить его от привычного образа жизни. Без перевоспитания изменение поведения невозможно.

Исправление и перевоспитание несовершеннолетнего осуществляются для того, чтобы он мог вернуться к активной социально значимой и полезной жизни. Но противоправное поведение, как водится, вызвано во многом разрушением социально полезных связей, типичных для определенного возраста: семейных, учебных, досуговых и пр. В интересах несовершеннолетнего, развития его личности необходимо восстановление этих связей, то есть ресоциализация ребенка, возвращение его к активной социальной жизни. И меры, альтернативные наказанию, и само наказание не могут применяться в каких-то других интересах. Таким образом, целью уголовной ответственности является ресоциализация несовершеннолетнего, что прямо вытекает из международных документов, в которых подчеркивается, что применение мер, альтернативных наказанию, назначение наказания со всеми соответствующими процедурами ориентированы на социальную реинтеграцию подростка и тем самым на предупреждение преступлений.

Исходя из сказанного можно было бы установить, что цели уголовной ответственности несовершеннолетних состоят в восстановлении нарушенного права потерпевшего и охране правопорядка; обеспечении гарантий соблюдения и защиты прав совершившего преступление несовершеннолетнего; его исправлении и перевоспитании; социальной реинтеграции (ресоциализации) и предупреждении совершения им преступлений.

Поскольку наказание есть вид уголовной ответственности, то оно имеет в целом те же устремления. Однако, обладая определенными особенностями, оно преследует и специфические цели. Так, целью наказания несовершеннолетнего является кара виновного. При этом не следует ассоциировать понятие кары с мучениями, пытками, физическими страданиями, стремлением «свести счеты» и пр. Кара соединяет в себе строгость оценки поведения, совокупность лишений (законных) и ограничений, наличие регламентов и запретов, внутренних (неизбежных) страданий, вызванных ограничениями, и пр. Все это в совокупности имеет своим назначением побуждение к осмыслению осужденным своего допреступного и преступного поведения.

Целью наказания является перевоспитание несовершеннолетнего. Понятно, что перевоспитать человека, пусть и несовершеннолетнего, помимо его воли нельзя. Перевоспитание возможно только через самовоспитание. Иными словами, здесь перевоспитание рассматривается как результат педагогического воздействия, направленного на побуждение несовершеннолетнего к самовоспитанию.

Таким образом, конечной целью уголовной ответственности несовершеннолетних является их ресоциализация, возвращение в активную жизнь без пра-

вонарушений. Для этого уголовная ответственность независимо от вида должна иметь насыщенное педагогическое содержание. Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства, ослабляющие педагогический потенциал уголовной ответственности:

- 1) недостаточность альтернатив наказанию несовершеннолетних;
- 2) недостаточность альтернатив лишению свободы в системе наказаний.

Представляется, что раздел V УК РФ «Уголовная ответственность несовершеннолетних» нуждается в серьезной доработке. При этом при определении видов наказания несовершеннолетних, мер, альтернативных наказанию, целесообразно руководствоваться их педагогическими перспективами. Именно усиление педагогического потенциала уголовного закона может способствовать активизации его превентивного воздействия.

Представляется, что гл. 20 УК РФ «Уголовная ответственность несовершеннолетних» должна начинаться с определения понятия. Здесь, безусловно, необходимо выработать соответствующие научные подходы и рекомендации. Следовало бы, на наш взгляд:

- а) дать понятие уголовной ответственности несовершеннолетних;
- б) закрепить положение о видах уголовной ответственности несовершеннолетних;
- в) определить цели уголовной ответственности несовершеннолетних;
- г) выделить цели наказания несовершеннолетних;
- д) расширить перечень мер, альтернативных наказанию;
- е) усовершенствовать систему наказаний, применяемых к несовершеннолетним, дополнив ее видами наказаний, не связанных с лишением свободы;
- ж) определить суть и сформулировать цели принудительных мер воспитательного воздействия;
- з) расширить перечень мер воспитательного воздействия.

Как следует из международных документов, к несовершеннолетним следует применять положение об освобождении условно от полного отбывания наказания, если позволяют обстоятельства. В этом случае подростку необходимо оказывать помощь в социальной адаптации со стороны специальных органов и учреждений. Рекомендуются создавать разнообразные учреждения и службы, которые могут способствовать реинтеграции несовершеннолетних в жизнь общества, а также активно привлекать к этому и само общество.

Это положение является очень важным, поскольку освободившийся от отбывания наказания часто не может (не умеет) организовать свою жизнь¹⁵.

Здесь полезно учесть, что международные документы, касающиеся предупреждения правонарушений, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, особое внимание обращают на роль общественности в этой деятельности. Соответствующие положения закреплены в п. 25 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; п. 32–39 Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних; п. 59 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы.

Из всего сказанного следует, что правосудие в отношении несовершеннолетних, или ювенальная юстиция, – это не просто ювенальный суд, как иногда говорят некоторые исследователи¹⁶, а система органов, учреждений, должностных лиц и общественных формирований, занимающихся делами несовершеннолетних в целях обеспечения и защиты их прав и

предупреждения правонарушающего поведения.

Как показывает современный опыт создания ювенальных судов в России, их практическая деятельность немислима в одиночестве. Только работа системы органов, учреждений, должностных лиц и общественных объединений дает положительные результаты¹⁷.

Возникает вполне объяснимый вопрос: какие органы и учреждения могут или должны быть включены в такую систему? На наш взгляд, ничего изобретать и придумывать не требуется. Уже есть и действует Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁸. Так, в ст. 4 дан перечень органов и учреждений системы профилактики. Это и есть система органов ювенальной юстиции. Правда, в ст. 4 она представлена как бы в усеченном виде, так как здесь явно недостает таких органов и учреждений, как прокуратура, суд, воспитательные колонии и средства массовой информации, а также общественные формирования, без которых невозможны ни существование, ни деятельность ювенальной юстиции.

Органы, учреждения, должностные и общественные образования не могут действовать произвольно. Их решения, мероприятия должны основываться на соответствующих нормах права. Причем Правилами рекомендуется принятие законов и положений, которые относятся непосредственно к несовершеннолетним правонарушителям, учреждениям и органам, выполняющим функцию правосудия, а также общественным объединениям, участвующим в нем и ему способствующим. У нас имеется несколько законов, а также других нормативных актов по указанным вопросам. И хотя они нуждаются в совершенствовании, отметим, что законодательство, посвященное несовершеннолетним, правилам и порядку защиты их прав, разбирательствам, связанным с правонарушениями, мерам воздействия на правонарушителей, является еще одним элементом ювенальной юстиции.

В Правилах подчеркивается, что для правосудия несовершеннолетних особое значение имеет порядок и принципы его осуществления, которые формируются на основе социально-педагогического подхода. Оценку поведения, поступка несовершеннолетнего следует осуществлять с учетом возрастных особенностей, а любые принимаемые меры не должны причинять вреда интересам его развития и взросления. Реакция на действия правонарушителей должна основываться на учете не только тяжести правонарушения, но и особенностей личности. Здесь необходимо принимать во внимание положение несовершеннолетнего в семье, заинтересованность взрослых, занятия учебной или трудовой и т.д. Ювенальную юстицию как процесс социализации и разбирательства по вопросам, касающимся несовершеннолетних, отличает высокий уровень педагогизации. И это очень важно.

В Правилах подчеркивается важность соблюдения конфиденциальности при рассмотрении дел о несовершеннолетнем во избежание нанесения ущерба его репутации. Компетентным органам, обеспечивающим правосудие несовершеннолетних и участвующим в нем, предписывается заботиться об ограждении несовершеннолетнего от уголовного влияния и криминального заражения. Обращается внимание на необходимость разработки соответствующих процедур, способствующих социализации несовершеннолетних при применении мер, альтернативных наказанию, при условном освобождении от отбывания наказания и после отбывания такового. Очевидно, что отличительным признаком ювенальной юстиции

являются приоритет интересов развития личности несовершеннолетнего и его социализация.

Из сказанного следует, что ювенальная юстиция представляет собой систему, которая включает в себя несколько элементов: законодательство о несовершеннолетних; систему органов и учреждений государственного и негосударственного характера, имеющих своим назначением охрану и защиту прав несовершеннолетних; систему органов и учреждений, призванных особым образом реагировать на правонарушения несовершеннолетних и обеспечивать их социальную реинтеграцию.

Во многих выступлениях настойчиво звучит мысль о создании ювенальной юстиции и учреждении ювенальных судов. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующее: речь идет не просто о создании специализированных судов по делам несовершеннолетних. К тому же надо отдавать себе отчет в том, что они далеко не во всех местностях могут быть учреждены. Это связано с количеством рассматриваемых дел, численностью самих несовершеннолетних в данной местности и многими проблемами организационного, кадрового и другого характера. Бесспорно, в масштабах крупных городов учреждение таких судов возможно.

Но главное все же не в этом. Само по себе учреждение специализированных судов проблем предупреждения преступности несовершеннолетних решить не может. Система ювенальной юстиции – это не собственно суд, а система, именно система. Она включает в себя несколько составляющих:

- а) совокупность педагогически обоснованных правовых норм о несовершеннолетних;
- б) совокупность (систему) органов и учреждений, обеспечивающих, охраняющих и защищающих интересы несовершеннолетних;
- в) наличие профессионально подготовленных специалистов;
- г) совокупность идей, ориентированных на безусловный приоритет интересов ребенка и господствующих в обществе.

Все это и есть система ювенальной юстиции. Ювенальный суд – лишь один из ее элементов, необходимый, важный, но элемент. Дух времени, интересы несовершеннолетних требуют изменения порядка и системы работы с ними. Система ювенальной юстиции, по смыслу и духу, обеспечивая охрану, защиту прав и интересов несовершеннолетних, призвана устранять причины и условия, способствующие совершению правонарушений, то есть предупреждать их. В этом и заключается смысл системы ювенальной юстиции.

Рассматривая вопрос о системе ювенальной юстиции не стоит пренебрегать отечественным опытом. Многие помнят и знают, что в доперестроечные времена осуществлялась специализация оперативных работников милиции, следователей, судей, прокуроров области работы с несовершеннолетними правонарушителями. Судьи и прокуроры были межрайонными в ряде местностей, что давало возможность рассмотрения дел о несовершеннолетних подготовленными специалистами. Осуществляется такая специализация и теперь. К слову сказать, международные документы, ориентирующие на специализацию, появились в последнем двадцатилетии прошлого века, а в отечественной практике она известна с 40-х гг.

Будет справедливым отдать должное нашим предшественникам, которые сделали первые шаги по созданию системы правосудия несовершеннолетних. Тогда, в начале их пути, термин «ювенальная юстиция» не был в ходу. Но на содержание деятельности это не влияло. Она, по сути, составляла то, что сегодня этим термином называется. В начале XX в. в Рос-

сии были созданы несудебные органы, рассматривающие дела о несовершеннолетних, – комиссии по делам несовершеннолетних, специальные учреждения для несовершеннолетних различных категорий; был установлен особый порядок судопроизводства в отношении несовершеннолетних¹⁹; регламентирована уголовная ответственность несовершеннолетних; предусмотрено участие общественности в предупредительной работе, судопроизводстве, социальной реабилитации несовершеннолетних; сформирована система предупреждения правонарушений несовершеннолетних и соответствующая политика в этой области; осуществлена специализация в деятельности и подготовке сотрудников и пр. Досадно, если в погоне за модными терминами, все это будет предано забвению. По-видимому, было бы правильным говорить сегодня не о создании ювенальной юстиции как чего-то нового, неведомого и привнесенного извне, а о ее воссоздании, совершенствовании и развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Борисова Н. Ювенальное право. М., 2000; Смельцов К.И. К вопросу о формировании новой отрасли права // Юрист. 2004. № 12. С. 57–58.

² См.: Ткачев В. В Ростовской области создается региональная модель ювенальной юстиции // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 25–27.

³ См.: Слуцкий Е.Г. Основы ювенологии и ювенальной политики. СПб., 2000.

⁴ См.: Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998.

⁵ См.: Там же.

⁶ Это положение закреплено и в Конвенции о правах ребенка.

⁷ См.: Дриль Д. Исправительное воспитание и закон 2 июня 1897 г. // Журнал Министерства юстиции. 1898. Кн. VI.

⁸ См.: Доклад ООН CRC/с/15/АДД. 110. П. 39.

⁹ См.: Симанов И. Развитие системы альтернативных наказаний // Преступление и наказание. 2007. № 9. С. 26–28.

¹⁰ См.: Боброва С. Осторожно – тюрьма // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 6–7.

¹¹ См.: Николаева Ж., Супрун Я. Спасти условно осужденного подростка // Там же. С. 8–12.

¹² См.: Байсаров Х.А. Сорок минут на перевоспитание? // Там же. С. 2–5.

¹³ См., напр.: Альтернативные санкции в российской уголовной юстиции: Материалы междунар. конф. М., 2003.

¹⁴ См.: Восстановительное правосудие в России. Технология взаимодействия общества и государства. М., 2001.

¹⁵ См.: Краснов Ю. Совершенствование учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях ФСИН России и участие в нем института гражданского общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 7. С. 9.

¹⁶ См., напр.: Верина А. «Кабинетное» правосудие во Франции // Преступление и наказание. 2003. № 7. С. 26–27.

¹⁷ См.: Хижняк В. Ювенальная юстиция в России // Преступление и наказание. 2007. № 3. С. 9–10; Краснов Ю. Совершенствование учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях и участие в нем институтов гражданского общества // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 7. С. 3–11.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

¹⁹ См.: УПК РСФСР 1960 г. Раздел VII «Производство по делам несовершеннолетних».

Особенности возбуждения уголовного дела

частного обвинения по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации

Т.В. ШАТАЛОВА – соискатель Академии правосудия при Верховном Суде Российской Федерации

В соответствии с действующим законодательством мировые судьи в Российской Федерации являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Их компетенция исчерпывающе определена в специальной статье Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации».

В соответствии с ее нормативными предписаниями в первой инстанции мировой судья уполномочен рассматривать дела: о выдаче судебного приказа; расторжении брака (если между супругами отсутствует спор о детях); разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей; иные возникающие из семейно-правовых отношений дела (за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), установлении отцовства, лишении родительских прав, усыновлении или удочерении ребенка); дела по имущественным спорам (за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей); об определении порядка пользования имуществом; административных правонарушениях, отнесенные к его компетенции Кодексом Российской Федерации об административных

правонарушениях и законами субъектов Российской Федерации².

Мировые судьи единолично рассматривают в первой инстанции уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, подсудные им в соответствии с ч. 1 ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что максимальный срок наказания, предусмотренного уголовным законом Российской Федерации за совершенное преступление, не единственный критерий для определения подсудности мирового судьи.

Формируя подсудность уголовных дел, законодатель не мог не учитывать фактор сложности установления фактических обстоятельств по преступлениям отдельных разновидностей. Как следствие, к подсудности мирового судьи в настоящее время отнесены далеко не все уголовные дела о преступлениях, наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы. Тем не менее на производство по уголовным делам, подсудным мировому судье, в полной мере распространены все общие условия судебного разбирательства. Исключение сделано лишь для уголовных дел частного обвинения, производство по которым обладает некоторыми специфическими особенностями, оговоренными в статьях

гл. 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³. Часть из них определяет специфику возбуждения уголовного дела частного обвинения⁴, которая касается уголовных дел о преступлениях, предусмотренных лишь четырьмя статьями Уголовного кодекса Российской Федерации. В их числе ч. 1 ст. 115 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»⁵, ч. 1 ст. 116 «Побои»⁶, ч. 1 ст. 129 «Клевета»⁷, ст. 130 «Оскорбление»⁸.

Этот перечень предусмотрен ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Устанавливая его, законодатель исходил из того, что рассматриваемые в рамках уголовных дел частного обвинения виды преступлений относятся к числу тех, которые не представляют значительной общественной опасности. Их раскрытие, как правило, не вызывает трудностей в следственной и судебной практике, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять в порядке частного обвинения уголовное преследование лица, совершившего в отношении его соответствующее преступление. В подобных случаях он в состоянии самостоятельно обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как сам факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях процессуальные стадии досудебного производства.

Уголовные дела частного обвинения возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи заявления мировому судье потерпевшим или его законным представителем⁹. Закон допускает их возбуждение следователем, а также дознавателем с согласия прокурора и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Это является характерным для случаев совершения преступления лицом, данные о котором отсутствуют. Здесь следователь обязан приступить к производству предварительного следствия, а дознаватель – дознания.

Анализ законодательного регулирования деятельности мирового судьи в уголовном судопроизводстве позволяет прийти к выводу, что возбуждение уголовного дела частного обвинения, как правило, происходит путем подачи соответствующего заявления в суд. Неслучайно к содержанию последнего закон предъявляет довольно жесткие требования. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в нем обязательно должны быть отражены следующие сведения:

- наименование суда, в который подается заявление;
- описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения; просьба, адресованная суду, о принятии уголовного дела к производству;
- данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность;
- данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;
- список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;
- подпись лица, подавшего заявление.

Составленный таким образом документ подается в суд с копиями по числу лиц, в отношении которых возбуждается уголовное дело частного обвинения. Заявитель обязательно предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации. Об этом в заявлении делается соответ-

ствующая отметка, которая удостоверяется подписью заявителя.

Получив заявление, мировой судья обязан разъяснить заявителю его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление.

С момента принятия судом заявления к производству лицо, его подавшее, становится частным обвинителем. Ему должны быть разъяснены права, предусмотренные ст. 42 и 43 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹⁰. Об этом должен быть составлен протокол, который подписывается судьей и лицом, подавшим заявление.

Если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора. По существующему порядку вступление в уголовное дело прокурора не лишает стороны права на примирение.

Таким образом, особенностью возбуждения уголовного дела частного обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. Их существенная характеристика убеждает в том, что публичный характер уголовного права и складывающихся на его основе отношений не исключает, что при установлении общественной опасности и преступности деяния, посягающего на права и законные интересы конкретного лица, а значит, при решении вопроса о возбуждении уголовного преследования следует учитывать как существенность нарушения прав и законных интересов для самого потерпевшего, так и оценку им самим тяжести причиненного ему вреда и адекватности подлежащих применению к виновному мер правового воздействия. В одном из недавно принятых Конституционным судом Российской Федерации решений на этот счет правильно подчеркивается, что, определяя в рамках своих дискретных полномочий, применительно к каким предусмотренным уголовным законом деяниям и в какой степени при решении вопроса о возбуждении и последующем осуществлении уголовного преследования подлежат учету позиция лица, в отношении которого такое деяние совершено, федеральный законодатель не должен, однако, придавать этой позиции решающее значение относительно деяний, которые хотя и совершаются в отношении конкретных лиц, но по своему характеру не могут не причинить вред обществу в целом, а также правам и интересам других граждан и юридических лиц¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мировой судья рассматривает также дела по вновь открывшимся обстоятельствам в отношении решений, принятых им в первой инстанции и вступивших в силу (см.: Федеральный закон Российской Федерации от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации». Ст. 3. Ч. 2).

² См.: УПК РФ. Ст. 318–323.

³ См.: Там же. Ст. 318.

⁴ В этой норме уголовного закона Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

⁵ В этой норме уголовного закона Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности.

⁶ В этой норме уголовного закона Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

⁷ В этой норме уголовного закона Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, а также за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

⁸ В случае смерти потерпевшего такие уголовные дела возбуждаются путем подачи заявления его близким родственником.

⁹ В ст. 42 и 43 УПК РФ определены полномочия потерпевшего и частного обвинителя.

¹⁰ См.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27.06.2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 4 ст. 20, ч. 6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, ч. 1–2 ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска». П. 2.

Взаимодействие социальных служб исправительных учреждений как одно из приоритетных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы

М.Г. ДЕТКОВ – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Е.О. ЛУКЬЯНЧУК – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Предупреждение совершения лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, и бывшими осужденными новых преступлений – сложнейшая социальная задача. Для обеспечения успешного ее решения крайне важна концентрация усилий органов государственной власти, правоохранительных органов, органов местного самоуправления, общественных и правозащитных организаций и других субъектов реализации мер государственного принуждения. Важное значение в процессе исполнения приговора суда в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, за которые назначено наказание в виде лишения свободы, отводится деятельности социальных служб исправительных учреждений. Последние содействуют созданию условий для исправления осужденных, привитию им социально полезных навыков, а также социальной адаптации после освобождения. Эффективность многих направлений профессиональной деятельности социальных служб определяется уровнем взаимодействия отдельных сотрудников службы с иными должностными лицами, компетентными в деле исполнения уголовных наказаний.

Организация взаимодействия сотрудников служб социальной защиты осужденных с иными участниками исправительно-воспитательного процесса по вопросам предупреждения преступлений вызывает ряд вопросов, осмысление которых имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Поэтому обращение к этой проблеме следует признать актуальным для отечественной системы исполнения наказаний. В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь некоторые аспекты.

Для уяснения содержания взаимодействия социальных работников исправительных учреждений с иными участниками деятельности представляется необходимым обратить внимание на определение понятия взаимодействия.

Полагаем, что суть взаимодействия, в частности по предупреждению преступлений осужденных, заключается в согласованной по целям, задачам, времени, месту проведения системе профессиональных действий, реализуемых с участниками исполнения наказания в виде лишения свободы при проведении социального сопровождения в исправительных учре-

ждениях.

Вопросам организации взаимодействия служб социальной защиты осужденных в учреждениях с представителями государственных органов, общественных организаций и объединений и т.д. посвящены отдельные нормы подзаконных документов. Так, в целях эффективного решения поставленных законодательством задач социальные работники взаимодействуют с другими отделами и службами учреждения: режимным, оперативным, финансовым отделами, отделом специального учета, психологической службой, школой, профессиональным училищем, учебными мастерскими, иными службами, а также «родственниками осужденных, общественными организациями, объединениями, службами занятости и социальной защиты населения, государственными органами»¹.

Повседневная деятельность социальных работников учреждений изначально предполагает взаимодействие с сотрудниками отделов воспитательной работы с осужденными. Оно организуется в целях проведения воспитательных мероприятий с различными категориями осужденных, в частности с осужденными, отрицательно характеризующимися, содержащимися в штрафных изоляторах, строгих условиях содержания, а также занятых по социально-правовой, культурно-просветительской подготовке осужденных. Ведется прием осужденных по личным вопросам, анализируется содержание поступающих предложений, заявлений, жалоб, принимаются меры по их разрешению². Начальник отряда реализует профилактические мероприятия по предупреждению и своевременному решению конфликтных ситуаций между осужденными, а также проводит работу с трудновоспитуемыми и склонными к противоправному поведению лицами. Такие мероприятия также могут осуществляться с участием социального работника, поскольку его деятельность подчинена цели исправления осужденных.

Социальный работник и начальник отряда совместно с сотрудниками центра трудовой адаптации содействуют осужденным в получении и совершенствовании их профессиональных и трудовых навыков, способствующих устройству после освобождения. Начальник отряда обеспечивает полезную

осужденных в свободное от работы (учебы) время путем проведения социально-правовых, культурно-массовых, спортивных и других мероприятий. Он организует работу осужденных по благоустройству жилых и производственных помещений, территории учреждения на общественных началах (без оплаты труда).

В соответствии с действующим Положением об отряде осужденных³ начальник отряда оказывает помощь осужденным в восстановлении и укреплении социальных связей.

Особо отметить значение совместной работы социальных служб и родных, близких осужденных, которые могут быть привлечены к исправительному процессу в учреждении. Такое участие в процессе может стать полезным, когда существует реальная возможность позитивного влияния родственных (иных) связей осужденных на их отношение к совершению преступления, сроку наказания, поведению в учреждении, требованиям установленного порядка отбывания наказания, нормам права и морали. Предметом взаимодействия может служить укрепление связей с семьей в противовес негативному влиянию физической изоляции. Закон определяет формы поддержания связей осужденного с близкими: предоставление краткосрочных и длительных свиданий, телефонных переговоров, отправление и получение посылок, передач, бандеролей, переписка, предоставление отпуска, в том числе с выездом за пределы учреждения, участие в гражданско-правовых сделках лично или через представителя (ст. 57, 97, 104 УИК РФ).

Предупреждению преступлений осужденных способствует совместная деятельность социальных работников и психологов учреждения. Последние оказывают помощь в адаптации к условиям изоляции, социальной среде, требованиям режима; разрабатывают рекомендации, способствующие индивидуализации исполнения наказания с учетом особенностей личности осужденного; выявляют осужденных, относящихся к группе риска (имеющих психические отклонения, склонных к агрессии, аутоагрессии), совместно с сотрудниками других отделов и служб колонии разрабатывают рекомендации по их исправлению; содействуют подготовке к освобождению, ресоциализации осужденных и т.д.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ гарантирует каждому осужденному защиту и охрану прав, свобод, законных интересов (ч. 1 ст. 10). В этих целях сотрудниками учреждения, в частности начальником отряда, социальным работником, юрисконсультом, постоянно ведется разъяснительная работа с осужденными, предоставляется возможность обращения с предложениями, заявлениями, жалобами в порядке ст. 15 Уголовно-исполнительного кодекса РФ. В необходимых случаях осужденный за счет собственных средств может воспользоваться дополнительными услугами юриста (ч. 8 ст. 12 УИК РФ), обратиться за помощью в правозащитную организацию.

Правовую основу для сотрудничества учреждений и органов, исполняющих наказания, с иными участниками исправительного процесса составляют законодательные, ведомственные, межведомственные нормативно-правовые акты. Формы сотрудничества учреждения с государственными органами власти, общественными организациями, объединениями и другими заинтересованными лицами весьма разнообразны и зависят от целей, задач, значения в процессе исполнения наказания. Формами выступают культурно-массовые, физкультурно-оздоровительные, просветительские и иные мероприятия, способствующие исправлению осужденных, а также

дальнейшей ресоциализации после освобождения. Совместная деятельность позволяет обобщать положительный опыт социального сопровождения осужденных и предупреждения совершения ими преступлений, находить пути решения насущных проблем деятельности служб, привлекать внимание руководства Федеральной службы исполнения наказаний и общественности.

Актуальным является сотрудничество исправительных учреждений с попечительскими советами, функционирующими в системе исполнения уголовных наказаний. Начиная с 2000 г. в системе попечительства о местах лишения свободы действует Попечительский совет уголовно-исполнительной системы, имеющий общероссийский статус и образующий высший уровень в структуре аналогичных общественных организаций. В территориальных органах управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, создаются попечительские советы регионального масштаба, в основном выполняющие координирующие функции в отношении советов на местах. Основная цель деятельности попечительских советов при исправительных учреждениях – содействие администрации в исправлении и ресоциализации осужденных⁴.

В 2007 г. был образован Общественный совет по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы для привлечения общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защиты прав и законных интересов сотрудников, работников и ветеранов уголовно-исполнительной системы, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах, осужденных.

Таким образом, сущность совместной деятельности социальных служб исправительных учреждений и иных участников исполнения наказания в виде лишения свободы в сфере предупреждения преступлений заключается в реализации системы мер, направленных на исправление осужденных, их социальную адаптацию и ресоциализацию. Среди основных мер назовем:

- проведение воспитательных мероприятий, способствующих исправлению осужденных и восстановлению их социального статуса;
- содействие приобретению осужденными образования, специальности;
- восстановление, поддержание и укрепление социально полезных связей осужденных;
- социально-правовая защита осужденных и оказание им помощи в материальном, пенсионном, ином обеспечении;
- решение вопросов бытового и трудового устройства осужденных после освобождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приказ Минюста России от 30.12.2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы». П. 10 // Бюллетень Минюста РФ. 2006. № 3.

² См.: Приказ Минюста РФ от 03.11.2005 г. № 205 (ред. от 03.03.2008 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений». Раздел XIII // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47; 2008. № 16.

³ См.: Приказ Минюста России от 30.12.2005 г. № 259 (ред. от 06.06.2006 г.) «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний». П. 18 // Российская газета. 2006. 2 марта (№ 42); 29 июня (№ 138).

⁴ См. подр.: Социальная работа в уголовно-исполнительной системе: Учеб. пособие. Рязань, 2006. С. 84–85.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Особенности использования труда осужденных в учреждениях исполнения наказаний

О. Г. ГОНЧАРЕНКО – начальник цикла Черниговского юридического колледжа Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний, кандидат экономических наук

Основа существования любого общества есть труд, без которого невозможно производство материальных и духовных благ. Труд – важнейший общественный фактор всестороннего развития человека, который формирует личность, развивает ее способности, воспитывает волю и характер. Трудовая деятельность лежит в основе становления моральных норм, формирования духовных качеств людей. Труд должен быть не только обязанностью, но и потребностью, привычкой человека. «Вы можете принудить человека работать сколько угодно, – писал А.С. Макаренко, – но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и духовно, если он не будет принимать участие в общественной и политической жизни, этот труд будет просто процессом, который не дает положительного результата». Все воспитание человека должно быть основано на понимании того, что труд развивает личность, оказывает содействие проявлению духовных и физических сил. Любую трудовую деятельность независимо от того, в какой форме и в каких социально-экономических условиях она осуществляется, необходимо рассматривать как процесс, в котором человек своей деятельностью влияет на внешний мир, изменяет свою личную природу. Лишь в процессе труда у него вырабатываются такие черты, как коллективизм, дисциплинированность, трудолюбие, чувство товарищеской взаимопомощи и ответственности.

С учетом общих положений о роли труда в развитии общества и формировании человеческого сознания исправительно-трудовая политика основывается на том, что труд является одним из ведущих средств исправления и перевоспитания осужденных.

Основной смысл труда осужденных состоит в изменении их духовного и социального состояния, искоренении в них криминальных взглядов и привычек, формировании таких качеств, как трудолюбие, добросовестное отношение к труду, дисциплинированность, желание вести честный образ жизни, уважение к государству и личной собственности других людей.

Труд осужденных отличается от труда обычных граждан тем, что главной его целью является исправление и перевоспитание, а следовательно, он характеризуется рядом специфических черт.

Труд осужденных осуществляется в условиях лишения свободы не по собственному желанию, а по распоряжению администрации учреждения исполнения наказаний. Осужденные не имеют права выбора профессии, не могут свободно перемещаться с одного места работы на другое. Отсутствует также

прием и увольнение с работы.

Осужденные не имеют трудовых книжек, их труд в исправительных учреждениях не зачисляется в общий трудовой стаж, они лишены права на отпуск, имеют один выходной день в неделю, на них распространяется дисциплинарная ответственность, предусмотренная правилами внутреннего распорядка учреждения выполнения наказаний.

На личные счета осужденных начисляется лишь 50% от заработанных ими средств, остальные 50% идут на содержание исправительных учреждений. Осужденным не выплачивается пособие по временной нетрудоспособности.

Осужденные не имеют права пользоваться предметами роскоши, им запрещено иметь при себе деньги, ценные вещи, они носят форму установленного образца.

Осужденные претерпевают ряд ограничений режимного характера: проживают в общих помещениях, не имеют права свободного перемещения, обязаны выполнять требования распорядка дня.

К обычным гражданам применяются меры дисциплинарного взыскания, такие как замечание, выговор, лишение премии, перевод на нижестоящую должность. К осужденным, нарушающим установленный режим и уклоняющимся от труда, могут применяться такие меры дисциплинарного воздействия, как лишение права на получение посылки или передачи, запрет покупки продуктов питания на определенный срок, лишение свидания, помещение в штрафной изолятор или карцер на срок до 15 суток, перевод в помещение камерного типа и другие.

Перечисленные особенности условий труда осужденных позволяют сделать вывод, что их труд в какой-то мере включает и элементы карающего характера. В период исполнения наказания необходим дифференцированный подход к разным группам осужденных, вставших на путь исправления, и тех, которые умышленно нарушают режим и уклоняются от общественно полезного труда.

В исправительных учреждениях отбывают наказание и осужденные с ограниченной трудоспособностью, инвалиды, больные туберкулезом. Организация труда этих категорий нуждается в дальнейшем нормативном регулировании, поскольку администрация учреждений исполнения наказаний испытывает трудности с обеспечением их работой и отражает их в отчетности как неработающих.

На трудовую занятость осужденных существенным образом влияют и социально-психологические фак-

торы. Состояние изоляции способствует развитию у людей психических нарушений, особенно эмоциональных (волнение, страх, тревога, апатия, астения), что проявляется в повышенной раздраженности и снижении трудоспособности. «Концентрированным» проявлением такого психического состояния является фрустрация.

Фактор лишения свободы влияет также и на производительность труда, трудовую активность осужденных в физиологическом, социально-экономическом, психологическом аспектах.

Социально-психологический аспект лишения свободы заключается в отрыве осужденного от семьи, коллектива, родных, знакомых, друзей и близких. По мнению осужденных, это один из тягчайших элементов наказания. Попадая в новую среду, осужденные должны адаптироваться к новому социальному окружению и взаимоотношениям, где существует паразитизм, насилие, круговая порука, жестокость, недоверие. Озлобленность и конфликтность приводят к формированию в местах лишения свободы неформальных малых групп, которые ведут между собой борьбу за лидерство. Конкурирующие взаимоотношения обуславливают существование неписаного кодекса поведения, которому должны подчиняться осужденные. Неформальные нормы требуют отрицательного отношения к администрации, провозглашают запрет на обращение к ней за помощью, жалобы и т.п. За нарушение чаще всего предполагается физическая расправа.

Действия неформальных норм поведения распространяется и на отношения в сфере трудовой занятости осужденных. В местах лишения свободы довольно часто происходит перераспределение трудового вознаграждения в зависимости от положения осужденных в неформальной группе. Исследования показывают, что лидеры неформальных групп имеют большую заработную плату, хотя практически не выполняют норм выработки, ведут в основном паразитирующий, нетрудовой образ жизни. Очень часто осужденные, которые имеют иск по исполнительным листам и выплачивают алименты, оформляют результаты своего труда на других осужденных, чтобы те потом рассчитались с ними продуктами питания и товарами первой необходимости.

Для лиц, которые отбывают наказание в виде лишения свободы, рабочая неделя не может превышать норму продолжительности рабочего времени, установленную законодательством о труде. Время начала и окончания работы определяются администрацией колонии. Осужденные освобождаются от работы в выходные, праздничные и нерабочие дни, определенные законодательством о труде. Работа осужденных организуется с соблюдением правил охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии, установленных законодательством о труде.

Производство продукции на одного осужденного работника (производительность труда) на промышленных предприятиях исполнения наказаний Украины в среднем вдвое ниже, чем в целом в промышленности. От 30% до 50% осужденных не выполняют норм выработки. Такая низкая производительность труда обусловлена следующими причинами:

– особенностями труда осужденных, которые существенно образом отличаются от условий труда свободных граждан;

– ограничением в выборе профессии, трудоустройством в основном не по специальности;

– осужденным не предоставляется отпуск, время работы в местах лишения свободы не зачисляется в трудовой стаж;

– осужденные не испытывают достаточной материальной заинтересованности в результатах труда, поскольку обеспечены питанием, одеждой, жильем;

– оплата труда осуществляется по безналичному расчету;

– отрицательным действием социально-демографических, психологических, криминогенных факторов.

Особого внимания заслуживают осужденные, которые систематически имеют низкие заработки и не выполняют нормы выработки. К ним относятся алкоголики, инвалиды и лица с психическими аномалиями. Исследования показывают, что у алкоголиков, наркоманов и лиц, которые страдают олигофренией, психопатией, производительность труда ниже в 2–2,5 раза, чем у здоровых осужденных; у них наблюдается нервозность, слабая сообразительность, нервно-психологическое нарушение, притупляется память, ухудшается координация движений, снижается физическая сила. В связи с этим данной категории осужденных необходимо снизить нормы выработки.

Важным показателем, который определяет уровень и динамику эффективности производства, является рациональное использование трудовых ресурсов, занятых в материальной сфере. В исправительных учреждениях эффективность труда – это степень результативности использования рабочей силы осужденных, которая зависит:

– от уровня оснащенности производственных подразделений исправительных учреждений;

– рационального использования рабочей силы осужденных;

– материально-технического снабжения процесса производства;

– степени организации труда и технологической дисциплины;

– материальной заинтересованности осужденных в результатах труда.

На эффективность труда и производства влияют разнообразные факторы, в первую очередь социально-экономические, связанные с количественными и качественными характеристиками применения рабочей силы. Это и индивидуальные особенности работающих: образование, квалификация, трудовой стаж, – и соответствие выполняемой работы имеющейся специальности. Большинство осужденных работают не по профессии.

Часто в исправительных учреждениях одного вида режима есть излишек рабочей силы определенной специальности, а в колониях других видов режима таких работников не хватает. Однако вид режима содержания не разрешает перераспределять рабочую силу из одних учреждений в другие.

Все это препятствует эффективному использованию рабочей силы, снижает производительность труда и требует от государства лишних расходов на подготовку и переподготовку осужденных, которые отбывают наказание в местах лишения свободы.

Факторы, определяющие междисциплинарный характер подготовки сотрудников тюремной службы

Х. ЙЭДЖЕЯК – заместитель коменданта по делам обучения Главного центра подготовки тюремной службы Польши, г. Калиш

Процесс подготовки человека к выполнению задач, связанных с его профессиональной деятельностью, требует определенного междисциплинарного подхода. Многоаспектная модель подготовки специалиста в настоящее время воспринимается как единственный и оптимальный способ подготовки сотрудника тюремной службы. Очевидно, что в структуре каждой организации основную роль играет персонал.

В зависимости от направлений и видов деятельности данной организации и степени ее сложности подготовка персонала должна проходить в определенном направлении, объединяя блоки компетенций. Сфера компетенций тюремного персонала оказывается многосложной (дифференцированной) и охватывает различные уровни, начиная от концепционных и заканчивая исполнительными.

Требования, предъявляемые к персоналу, закреплены в различных источниках:

– во-первых, в международных стандартах, определяющих роль тюремного персонала, например Европейских пенитенциарных правилах, которые подчеркивают значение профессиональной подготовки, определенных интеллектуальных и нравственных качеств, а также определенного типа человеческого характера; необходимость разнообразного характера компетенций сотрудников подчеркивает и Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, в котором говорится об обязанности соблюдения права, значении общественной службы, четкости действия и т.п.;

– во-вторых, в нормативных актах, регламентирующих деятельность Тюремной службы, например в Законе о Тюремной службе, определяющем задачи службы и одновременно список требований, касающихся персонала, который, в свою очередь, будет их исполнять.

Анализ основных задач персонала показывает, что в его деятельности обнаруживаются разные функции: воспитательные, изоляционные (охранные), экономические, социально-бытовые и т.п. Необходимость развития особых компетенций персонала пенитенциарных учреждений и следственных изоляторов закрепляется и в Уголовно-исполнительном кодексе.

Кроме того, следует подчеркнуть, что на основании законов возникли многие распоряжения, постановления и другие правила, которые значительно влияют на деятельность персонала и определяют необходимый и минимальный уровень подготовки специалистов.

Также требования исходят из опыта в области психо-физической подготовки сотрудников.

Нельзя не считать правильными слова профессора Йаскульского, который пишет, что стоящие сегодня задачи может реализовать только по-современному физически и психически развитый человек. Сегодняшний сотрудник подготовлен к работе традиционным способом – и поэтому может не справиться с теми функциями, которые возложены на него. В процессе формирования человека, который вынуж-

ден исполнять предписания закона, необходимо обратить внимание на развитие многих элементов. Тот же автор, борясь с так называемым «консерватизмом обучения», предлагает многоаспектную модель подготовки специалиста к исполнению задач.

Эмпирическим доказательством высшей эффективности подготовки, учитывающей аспекты современности, междисциплинарности, являются исследования Романа М. Калины. Благодаря педагогическому и воспитательному воздействию, связанному с реализацией метода универсальной оборонной подготовки, достигается значительно большая эффективность, чем при применении традиционных методов. Высокую эффективность подготовки сотрудников тюремной службы в процессе междисциплинарного обучения по сравнению с традиционными методами подчеркивает и педагогический опыт преподавательских кадров.

Влияние функций тюрьмы на подготовку персонала

Изоляционная функция тюрьмы неразрывно связана с исполнением наказания в виде лишения свободы и одновременно принадлежит к самым старым функциям, применяемым к осужденным. Пенитенциарные системы прошли долгую историю развития, в начале которой основным методом была прежде всего изоляция. Лишь потом она уменьшилась до масштаба, необходимого для реализации исправительных целей наказания. Несмотря на вышеуказанные основы, необходимо признать, что изоляционная функция тюрьмы выше других функций. Ошибки в системе охраны (побег заключенных) угрожают дисциплинарными последствиями для тех, кто отвечает за охрану. Изоляционную функцию осуществляет отделение охраны, выполняющая как охранные задачи, так и другие, которые обеспечивают порядок и дисциплину. Структура отделения охраны – сложная, она приспособлена к разным задачам. Существование и функционирование тюрьмы требует определенной организационной формы службы охраны, так как большинство действий, которые выполняют лица, лишённые свободы, выполняются ими под надзором.

Необходимость соблюдения правил внутреннего порядка и дисциплины требует постоянного контроля над заключенным.

Исполнители задач должны обладать высокой степенью технических компетенций. Кроме того, учитывая тот факт, что большинство задач и действий тюремный персонал выполняет в непосредственном контакте с заключенными, он должен владеть и технологией общения в целях предотвращения конфликтов.

Необходимо помнить, что, несмотря на ограниченную активность, правила внутреннего распорядка требуют реализации определенных задач и действий, связанных с соблюдением прав лиц, лишённых свободы.

Содержание полномочий персонала, связанных с осуществлением вышеуказанных задач, очень ши-

рокое и определяет тотальную подчиненность заключенного. Следствием этого является агрессия со стороны заключенного, предотвращение которой в большей степени зависит от способности тюремного персонала использовать технику «вербального воздействия» на эмоционально возбужденного заключенного, которая чаще оказывается более эффективной, чем аргумент силы. Очень часто такое воздействие предупреждает негативные реакции заключенного. Однако это возможно только тогда, когда представители персонала владеют указанными техниками и правильно применяют их в конкретной ситуации. Кроме этого, эффективным способом выявления намерений заключенного является наблюдение. Способность правильно интерпретировать поведение осужденного позволяет разобраться в его эмоциональном состоянии, определить его место и роль в группе, намерения, которые могут угрожать безопасности, и т.п. Особое значение приобретает процесс наблюдения, являющийся непосредственной служебной обязанностью сотрудника, задача которого состоит в предупреждении побега лица, лишённого свободы. В отдельных случаях результатом этого наблюдения может выступить применение оружия в отношении заключенного, совершающего противоправные действия. Такое реагирование персонала должно быть эффективным и соответствовать действующему законодательству, поскольку оно сопряжено с опасностью для жизни и здоровья заключенного.

Тюремная изоляция ограничивает реализацию многих потребностей заключенных. Следствием этого является состояние фрустрации, а затем и агрессии. Для их преодоления могут использоваться методы беседы, которые, однако, не всегда приносят ожидаемый эффект.

Ресоциализационная функция. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу главной целью исполнения наказания в виде лишения свободы является предупреждение совершения осужденным новых преступлений. Для достижения указанной цели ведется работа по ресоциализации заключенного, которая благодаря труду, учебе, воспитательным мероприятиям, свиданиям с родственниками и т.д. призвана сформировать из преступника правоополнутого гражданина. В структуре пенитенциарных учреждений функционируют коллективы сотрудников, которые занимаются реализацией воспитательных целей в отношении заключенных. Эти коллективы называются пенитенциарными отделениями. В их состав входят: воспитатели, психологи, терапевты. Персонал пенитенциарных учреждений диагностирует личность осужденных, применяя такие методы, как анализ информации, наблюдение за поведением, беседа, изучение индивидуально-личностных характеристик и т.п. Целью указанных действий являются определение и выявление наиболее эффективных средств ресоциализирующего воздействия. Подготовленная персоналом пенитенциарного отделения характеристика на заключенного влечет значительные последствия для его дальнейшего пребывания в пенитенциарном учреждении. Именно от нее зависит возможность досрочного освобождения. Поскольку представители пенитенциарного отделения работают в непосредственной связи с лицами, лишёнными свободы, они должны владеть коммуникационными навыками на очень высоком уровне.

Исходя из ресоциализационной модели исполнения наказания в виде лишения свободы педагогические, психологические, социологические компе-

тенции, а также компетенции в области применения права приобретают важное значение.

Социально-бытовая функция. В обязанности административного отделения входит обеспечение заключенного необходимым минимумом средств личной гигиены и предметов первой необходимости. Персонал призван обеспечить основные потребности заключенных, касающиеся бытовых условий помещения, температуры, питания, освещения, оказания медицинской помощи и т.п. При этом предусмотрены увеличенные размеры социального обеспечения в отношении больных или работающих заключенных.

Дифференцированные компетенции персонала, зависящие от места в организационной структуре

В структуре пенитенциарного учреждения выделяются три организационных уровня: во-первых, главное руководство; во-вторых, руководители среднего уровня; в-третьих, основной уровень исполнителей. Следует подчеркнуть, что трехуровневая организационная схема функционирует также в учреждении, задачи которых не связаны с тюремным заключением. Критерий, по которому разделены три уровня, – это наличие компетенций, необходимых для выполнения задач, связанных с главным, средним и исполнительным уровнями. Компетенции, о которых идет речь, относятся к концепционным, общественным и техническим (исполнительным) действиям.

Главный (высший) организационный уровень составляют директора пенитенциарных учреждений и следственных изоляторов. Согласно Уголовно-исполнительному кодексу директора являются исполнительным органом, от которого требуется выполнение определенных обязанностей, наличие способностей и профессиональной подготовки. В рамках исполнения наказания в виде лишения свободы или предварительного заключения именно директор реализует уголовно-исполнительную политику государства. От его решений часто зависит судьба заключенного (имеются в виду характеристики на заключенных, которые составляют сотрудники).

Основные обязанности директора:

- 1) обеспечение законности при исполнении наказания в виде лишения свободы и предварительного заключения;
- 2) обеспечение внутреннего порядка и безопасности пенитенциарного учреждения;
- 3) рациональное использование финансовых средств;
- 4) подбор кадров;
- 5) сотрудничество с государственными органами и учреждениями, органами местного самоуправления, религиозными организациями.

Вышеуказанные полномочия являются одними из важнейших, но не исчерпывают весь перечень обязанностей руководителя пенитенциарного учреждения.

Кроме обязанностей в качестве исполнительного органа директор исполняет и другие функции:

- 1) менеджера, ответственного за материальное имущество, инфраструктуру, здание и т.п.;
- 2) управляющего тюремным персоналом и заключенными, несущего ответственность за уровень функционирования организации и ее развитие;
- 3) управляющего конфликтом, при условии, что тюрьма – это общественная система, в которой доминирует конфликт, которым надо, в свою очередь, управлять;
- 4) управляющего развитием карьеры своих сотрудников. Стилем своего управления директор дол-

жен мотивировать их к смелым действиям. Человеческий потенциал является частью организации, а его правильное использование непосредственно влияет на эффективность работы учреждения;

5) представителя организации перед обществом, отвечающего за связь со средствами массовой информации;

6) представителя государственной власти, требующего от своих сотрудников определенного поведения.

Таким образом, в свете вышеуказанных ролей и полномочий представителя самого высокого уровня тюрьмы для директора особое значение имеют концепционные и общественные компетенции.

Концепционные компетенции – это, прежде всего, способность координировать и интегрировать все действия организации, способность мыслить категориями учреждения (организации) в целом и путем анализа ситуации принимать стратегические решения.

Общественные компетенции – это способность сотрудничать с другими людьми, понимать проблемы, мотивировать деятельность отдельных лиц или групп в рамках организации. Интерперсональная коммуникация – выражение эмоций, применение техник активного слушания и эффективной коммуникации – самое важное качество для руководителей высокого уровня, поскольку они работают с людьми и при помощи людей.

В организационной структуре тюрьмы руководителями среднего уровня являются руководители конкретных отделений. Их задачи относятся к различным направлениям деятельности организации. Однако все организационные «единицы» должны соблюдать основные правила, которые сводятся к следующему: обеспечение безопасности тюрьмы; соблюдение прав заключенных; ресоциализация осужденных.

Руководитель отделения охраны отвечает за организацию работы группы людей, ответственных за порядок и безопасность. Сотрудники этого отделения служат на вышках, контролируют прогулки, свидания, конвоируют заключенных вне территории тюрьмы, наблюдают за работой заключенных, производят обыск, а также применяют меры принудительного воздействия. Это неполный перечень всех задач, но он конкретно определяет функции службы охраны. Разнообразие задач отделения охраны требует определенных компетенций: организационных, коммуникационных и концепционных. Причинами организационных проблем руководителя отделения являются: а) большое количество групп сотрудников отделения; б) разнообразие задач, которое определяет необходимость наличия у сотрудников соответствующих способностей, опыта, психологических навыков и т.п. Руководитель отделения охраны нередко занимается вопросами вооружения, пожарной безопасности, технически-охранного оборудования и гражданской обороны. Реализация данных задач требует наличия концепционных и коммуникационных компетенций, развитых на высоком уровне. Способности взаимодействовать с подопечными, осуществлять их контроль и мотивировать их деятельность непо-

средственно связаны с профессиональной ролью руководителя.

Сотрудники исполнительного уровня отделения охраны осуществляют обязанности на высоком уровне сложности. Вопреки общественному мнению безопасность тюрьмы в большей степени зависит от способностей к коммуникации, чем от силы. Самые важные действия, связанные с охраной, сотрудники исполняют в непосредственном контакте с заключенными. Поэтому и тюремный персонал должен владеть техниками эффективной коммуникации, благодаря которым многие конфликты не будут находить условий для развития.

Согласно имеющимся кодексам основной задачей процесса исполнения наказания в виде лишения свободы является ресоциализация. Организацией процесса ресоциализации занимается пенитенциарное отделение, которое, как и отделение охраны, исполняет свои обязанности в непосредственном контакте с заключенными. Руководитель этого отделения управляет группой педагогов, психологов, социологов, задачей которых является педагогически-психологическая работа с заключенными. Характер контактов персонала пенитенциарного отделения с заключенными требует от первых развитых коммуникационных навыков. Беседа, наблюдение, анализ документов и подготовленных характеристик на заключенных, анкеты – это основные инструменты изучения личностных черт заключенных.

Необходимость изучения личностных качеств каждого осужденного имеет огромное значение не только для ресоциализации, но и непосредственно может повлиять на работу и безопасность тюрьмы в целом.

Роли охранного и пенитенциарного отделений являются основными в процессе нормального функционирования организации. Однако важнейшими являются те полномочия отделений, которые можно определить как усиливающие охрану и процесс ресоциализации заключенных.

Подготовка кандидата на работу в тюремном ведомстве в значительной степени зависит от его перцепционных способностей и психофизических характеристик. В этой связи особую важность приобретают критерии подбора тюремного персонала. Европейские пенитенциарные правила указывают на подбор персонала в зависимости от «личностной пригодности к профессии». При отборе кандидатов необходимо учитывать будущий характер задач, которые предстоит исполнять. Не стоит забывать и о таких факторах, как условия и характер службы, подверженность стрессу, и иных особенностях пенитенциарной системы. Если кандидат не имеет уравновешенной нервной системы, низкого уровня страха, высокой степени эмоционального самоконтроля, высокой самооценки и определенных интеллектуальных возможностей, его пригодность может оказаться сомнительной, так как многоаспектность задач требует от кандидата большого потенциала, который во время подготовки будет развиваться в определенном направлении, а его отсутствие или недостаточность дискредитируют кандидата с точки зрения его профессиональной пригодности.

Применение средств принуждения сотрудниками тюремной службы

К. ЙЭДЖЕЯК – заместитель начальника Главного центра подготовки тюремной службы Польши, г. Калиш

Уголовно-исполнительное законодательство Польши предоставляет сотрудникам тюремной службы право применения средств принуждения в отношении осужденных¹. Данное положение полностью соответствует международным нормативным правовым актам. Так, в частности, Европейские пенитенциарные правила предусматривают применение таких средств в целях предотвращения побегов, нанесения увечий, противодействия уничтожению имущества и иным действиям, создающим угрозу безопасности сотрудников пенитенциарных учреждений².

При применении средств принуждения сотрудники тюремной службы обязаны руководствоваться основными моральными критериями.

Между тем основным методом обеспечения порядка и безопасности в пенитенциарном учреждении является индивидуально-личностный подход к осужденным, а также эффективная профилактическая работа. Однако в тех случаях, когда указанные способы воздействия не приносят результатов либо их использование оказывается невозможным, применяются средства принуждения. К таким ситуациям относятся:

- покушение на жизнь или здоровье человека;
- попытка суицида;
- призыв к массовым беспорядкам;
- злостное неисполнение законных требований администрации пенитенциарного учреждения;
- уничтожение имущества;
- злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания;
- побег из мест лишения свободы.

Приведенный перечень показывает, что средства принуждения применяются только в тех случаях, которые создают непосредственную угрозу безопасности лиц, а также нормальному функционированию пенитенциарных учреждений.

При возникновении данных ситуаций сотрудник обязан указать осужденному на необходимость соблюдения порядка. Такое правило предоставляет осужденному возможность изменить свое поведение и тем самым избежать силовых решений конфликта. Если же лицо продолжает совершать противоправные действия, то у персонала пенитенциарного учреждения появляется возможность применения специальных средств. При этом данное правило не действует, когда задержка использования специальных средств создает непосредственную опасность для жизни сотрудника или иного лица, а также угрожает безопасности пенитенциарного учреждения.

Вторым условием применения средств принуждения является оценка степени опасности деяния. Она указывает на необходимость выбора такого средства, которое адекватно ситуации и обеспечивает восстановление правопорядка и безопасности. При этом следует использовать средства, наносящие ми-

нимальный ущерб или вред. В этой связи особая ответственность лежит на лицах, принимающих данное решение. Согласно уголовно-исполнительному законодательству Польши таковыми являются начальник пенитенциарного учреждения и его заместитель. Однако существуют ситуации, когда каждый сотрудник имеет право самостоятельно принимать решение о применении средств принуждения, в частности при самообороне и предотвращении побега. Данные основания являются исчерпывающими.

Особенно важным элементом обоснованности применения средств принуждения является необходимость документирования события (факта) нарушения посредством составления протокола. В нем отражаются фактические данные нарушения, оценка поведения осужденного, контрольные записи, данные медицинского осмотра и др. Указанные обстоятельства позволяют провести подробный анализ конкретного факта нарушения и применения средств принуждения.

Правовыми последствиями неправомерного применения средств принуждения могут быть объяснительное или дисциплинарное производство, а также привлечение лица к уголовной ответственности.

Как известно, применение данных средств может причинить вред жизни и здоровью человека. В этой связи законодательство указывает на необходимость осуществления контроля за их использованием. Для этого сотрудники периодически наблюдают за поведением осужденного, в отношении которого были применены средства принуждения.

Контроль осуществляет руководитель пенитенциарного учреждения. Кроме того, существует и контроль со стороны вышестоящих органов на окружном и центральном уровне.

Дополнительный надзор осуществляет пенитенциарный судья. Так, в его компетенцию входит контроль за непосредственными действиями персонала по применению средств принуждения. Особую роль при этом играет право осужденного на обращение с жалобой или заявлением.

Отдельной формой контроля выступает обязанность медицинского осмотра осужденных в отношении которых возможно применение средств принуждения, а также оценка последствий их применения. При этом основной задачей осмотра является установление возможных медицинских противопоказаний к применению средств принуждения. Если результатом осмотра станет констатация того, что средство принуждения угрожает жизни осужденного, то ответственный сотрудник принимает решение о его неприменении или замене.

Моделируя ситуацию совершения действий, связанных с применением средств принуждения, можно воспользоваться следующей схемой:

1. Действия перед применением средства принуждения:

– сообщить начальнику пенитенциарного учреждения о соответствующей ситуации и получить указание о применении конкретного средства принуждения либо, если законодательство это допускает, решить данный вопрос самостоятельно;

– указать осужденному на необходимость соблюдения порядка;

– в случае отказа осужденного исполнить законные требования сотрудников пенитенциарного учреждения – предупредить о возможности применения средства принуждения;

– незамедлительно применить средство принуждения в случаях, предусмотренных законом;

– непосредственно применить определенное средство принуждения.

2. Действия в процессе применения средства принуждения:

– осуществлять контроль за поведением осужденного и оценить необходимость дальнейшего применения средства принуждения;

– документировать результаты контроля;

– в необходимых случаях ходатайствовать о прекращении применения данного средства;

– провести медицинский осмотр осужденного.

3. Действия по окончании применения средства принуждения:

– провести медицинский осмотр;

– в необходимых случаях направить в медицинское учреждение;

– сообщить начальнику пенитенциарного учреждения о фактах причинения вреда здоровью либо смерти осужденного, а также провести необходимые следственные действия.

Характеристика некоторых средств принуждения, применяемых сотрудниками тюремной службы Польши

1. Физическая сила – применяется с целью немедленного обезвреживания осужденного при помощи приемов самообороны.

2. Изолированная камера – применяется с целью временной изоляции осужденного. В данном случае исключается негативное влияние на других осужденных.

3. Наручники – применяются с целью частичного обездвиживания рук.

4. Смирительная рубашка – применяется с целью полного обездвиживания рук.

5. Водометы – применяются с целью рассредоточения осужденных при массовых беспорядках, с помощью струи воды под давлением.

6. Химические средства – применяются с целью кратковременной дезориентации осужденных в пространстве.

7. Палка резиновая – применяется с целью временного реагирования на нападение. При этом запрещены удары в голову, шею, живот и иные чувствительные части тела, за исключением ситуаций непосредственного нападения либо покушения на жизнь и здоровье человека.

Кроме перечисленных выше тюремная служба Польши располагает следующими средствами: шлем, сетка, электрошокер, взрывпакеты, резиновые пули.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Закон от 26 апреля 1996 г. «О тюремной службе» (ст. 19, 20, 21); Уголовно-исполнительный кодекс Польши; Закон от 6 июня 1997 г. (ст. 256); Распоряжение Совета министров от 20 ноября 1996 г. «Об условиях применения сотрудниками тюремной службы специальных средств и оружия, а также служебного пояса»; Распоряжение Совета министров от 15 февраля 2005 г.

² См.: Европейские пенитенциарные правила 2006 г.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

К проектам федеральных законов о внесении изменений в ст. 63, 263, 264 Уголовного кодекса Российской Федерации

Б.А. СПАСЕННИКОВ – профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

С.Б. СПАСЕННИКОВ – соискатель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, помощник депутата Архангельского областного собрания депутатов

Президент России на заседании Госсовета Российской Федерации 29 июня 2007 г. указал на недостаточное научное и законодательное обеспечение противодействия преступлениям, совершаемым в состоянии опьянения. 21 июля 2008 г. Председатель Правительства России В.В. Путин указал на необходимость внесения соответствующих изменений в УК РФ.

На основании результатов научно-исследовательской работы «Опьянение и его уголовно-правовое значение» нами были разработаны и внесены в Архангельское областное собрание депутатов проекты постановлений, направленных на усиление уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Архангельское областное Собрание в установленном порядке приняло соответствующие постановления:

1. Постановление областного собрания от 06.02.2006 г. № 1611 «О законодательной инициативе Архангельского областного собрания депутатов по внесению проекта федерального закона “О внесении изменения в часть 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации”».

2. Постановление областного собрания от 26.06.2008 г. № 1840 «О законодательной инициативе Архангельского областного собрания депутатов по внесению проекта федерального закона “О внесении изменения в статью 263 Уголовного кодекса Российской Федерации”».

3. Постановление областного собрания от 26.06.2008 г. № 1841 «О законодательной инициативе Архангельского областного Собрания депутатов по внесению проекта федерального закона “О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации”».

1. Постановление областного собрания от 06.02.2008 г. № 1611 «О законодательной инициативе Архангельского областного собрания депутатов по внесению проекта федерального закона “О внесении изменения в часть 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации”» получило официальную поддержку Правительства Российской Федерации, Верховного Суда России и законодательных органов власти 17 субъектов Российской Федерации. Оно внесено в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и в установленном порядке находится на соответствующей стадии законодательного процесса.

Мы считаем целесообразным представить вниманию требовательного читателя журнала обсуждение

терминологии, используемой в проекте закона. Полагаем, что устоявшееся словосочетание «состояние опьянения» спорно с точки зрения юридической техники. Опьянение (по ст. 23 УК РФ) – состояние, при котором у лица в результате употребления алкоголя (наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 г и более на 1 л крови и 0,15 мг и более на 1 л выдыхаемого воздуха), наркотических средств или других одурманивающих веществ (определяемое в порядке, установленном Правительством Российской Федерации), нарушается осознанно-волевое поведение во время (в момент) совершения преступления. То есть опьянение – состояние лица, а словосочетание «состояние опьянения» – «состояние состояния лица». Считаем, что данное словосочетание противоречит русскому юридическому языку. В законе предлагается использовать собственно термин «опьянение» в соответствующем падеже.

2. Постановление областного собрания от 26 июня 2008 г. № 1840 «О законодательной инициативе Архангельского областного Собрания депутатов по внесению проекта федерального закона “О внесении изменения в статью 263 Уголовного кодекса Российской Федерации”»; получило официальную поддержку Верховного Суда России и законодательных органов власти 5 субъектов Российской Федерации. Сейчас оно находится на рассмотрении в Правительстве Российской Федерации.

В ходе обсуждения указанного законопроекта субъекты Российской Федерации вносят свои предложения. Полагаем, что одно из вносимых предложений по уточнению характера опьянения противоречит действующему законодательству. Коллеги полагают, что опьянение возникает при употреблении алкоголя или наркотиков. Эти предложение противоречит ст. 23 УК РФ, согласно которой опьянение – состояние, которое возникает в результате употребления алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ. То есть состояние опьянения может наступить в результате произвольного употребления одурманивающих веществ, не относящихся к алкоголю или наркотикам. В этой связи в проектах ст. 263, 264 УК России целесообразно сохранить родовое понятие «опьянение» без указания конкретного опьяняющего вещества (алкоголь, наркотики, другие одурманивающие вещества). Кроме того, развитие химической науки может привести к созданию новых психомиметиков, вызывающих опьянение.

3. Постановление областного собрания от 26.06.2008 г. № 1841 «О законодательной инициативе Архангельского областного Собрания депутатов по внесению проекта федерального закона “О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации”» получило официальную поддержку Верховного Суда России, Департамента обеспечения безопасности дорожного движения МВД России и законодательных органов власти 5 субъектов Российской Федерации.

Мы руководствовались тем, что опьянение субъекта преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, имеет особую общественную опасность. В результате осознанно-волевого опьянения лица, непосредственно управляющего автомобилем, другим механическим транспортным средством, причиняется смерть или тяжкий вред здоровью человека. При этом лицо должно и могло предвидеть, что в результате осознанно-волевого приема алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ у него уменьшаются объем воспринимаемой информации, скорость реакции, нарушаются внимание, координация, иные высшие психические функции, в результате чего возможно наступление тяжких последствий. Законодательство многих стран предусматривает более суровое наказание за совершение транспортного преступления в опьянении.

После поступления Постановления Архангельского областного собрания депутатов от 26 июня 2008 г. № 1841 в Правительство Российской Федерации, в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был направлен уже правительственный проект федерального закона «О внесении изменения в ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Концепция нашего законопроекта сохранилась – введение состояния опьянения в качестве квалифицирующего признака деяния, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Однако с технико-юридической стороны более верной является первичная позиция Архангельского областного Собрания депутатов, а не Правительства Российской Федерации.

Норма, предложенная Правительством Российской Федерации, имеет следующую структуру:

1. Основной состав.
2. Квалифицированный состав.
3. Особо квалифицированный состав.
4. Особо квалифицированный состав.
5. Особо квалифицированный состав.
6. Особо квалифицированный состав.

Примечание.

Норма, предложенная Правительством Российской Федерации, имеет следующую структуру:

1. Основной состав.
2. Квалифицированный состав.
3. Особо квалифицированный состав.
4. Особо квалифицированный состав.
5. Особо квалифицированный состав.
6. Особо квалифицированный состав.

Примечание.

Считаем, что наличие четырех особо квалифицированных составов преступления в одной норме противоречит традициям отечественного уголовного законодательства.

Нами внесено соответствующее предложение в профильный комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, которое, полагаем, позволит избежать указанных неточностей.

Критерии оценки степени исправления осужденных: какими им быть?

И.А. ЯНЧУК – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
ВИПЭ ФСИН России

Действующий УИК РФ в ст. 8 закрепляет принцип индивидуализации исполнения наказания. Безусловно, его реализация немыслима без всестороннего, детального изучения личности осужденного, его поведения в местах лишения свободы. Конечно же, невозможно всецело и полностью исследовать личность человека, в том числе и осужденного, так же как нельзя применить и отдельную уникальную меру воздействия, соответствующую его индивидуальным особенностям. Однако необходимо, насколько это возможно, максимально приблизиться к данной цели. Пенитенциарная наука не обошла стороной данный вопрос. Вследствие этого разработаны методики и процедуры изучения личности, которые влияют на изменение объема воздействия на осужденного. Совершенно очевидно, что важнейшей из них является процесс оценки степени исправления осужденных, происходящий в форме аттестации. Однако, несмотря на почти сорокалетнюю практику его осуществления, законодательная регламентация этого процесса отсутствует. Данный факт до сих пор порождает дискуссии о критериях, которые должны учитываться при оценке степени исправления осужденных. Кроме

того, и в правоприменительной практике отсутствует единая позиция по данному вопросу, что влечет субъективизм и формализм при проведении аттестования осужденных. Вследствие этого представляется целесообразным принять участие в существующей дискуссии и предложить свои пути для решения актуальной на сегодняшний день проблемы.

Изучая вопрос определения степени исправления осужденных, нельзя не учитывать многочисленные научные исследования в данной области.

Опираясь на исправительно-трудовое законодательство, Г.П. Байдаков выделяет следующие критерии исправления осужденных: примерное поведение и соблюдение режимных требований, честное (добросовестное) отношение к общественно полезному труду, участие в политико-воспитательных мероприятиях и отношение к ним, добросовестное отношение к обучению в общеобразовательной школе и ПТУ¹. Вместе с тем следует отметить, что данные критерии традиционны для советского исправительно-трудового права². Однако они получили свою долю критики. Так, например, А.А. Лакеев обращает внимание на избыток оценочных понятий, от которых, по его мне-

нию, необходимо избавляться³. Действительно, такие критерии вносят неопределенность и субъективизм при оценке степени исправления осужденных. Об этом свидетельствует и неоднозначность научных позиций. Так, А.Ф. Сизый под примерным поведением понимает то, что «осужденный обязан образцово выполнять все требования режима отбывания наказания, активно участвовать в работе самодеятельных организаций, оказывать содействие администрации в обеспечении активного воспитательного воздействия на других осужденных»⁴. Более развернутый перечень признаков примерного поведения приводит А.И. Васильев, а именно: соблюдение установленного режима содержания, участие в общественной жизни, повышение образовательного уровня, осознание своей вины, надлежащее отношение к семье, добровольное досрочное погашение материального ущерба, стремление заблаговременно решить вопрос о трудовом и бытовом устройстве после освобождения⁵. Наряду с этим и М.А. Ефимов дает достаточно емкое определение примерного поведения. По его мнению, оно включает «соблюдение всех правил режима, отсутствие дисциплинарных проступков в течение длительного времени, наличие поощрений, оказание администрации помощи в налаживании дисциплины, участие в проводимых администрацией мероприятиях, работу в самодеятельных организациях осужденных, повышение своего общеобразовательного уровня, а также обязательное для всех чтение книг, журналов, газет и т.д.»⁶ Таким образом, получается, что понятие «примерное поведение» включает в себя почти все данные, положительно характеризующие осужденного. Исключением является честное отношение к труду, что объясняется его отдельным законодательным закреплением. В противном случае и этот критерий, на наш взгляд, также был бы отнесен к примерному поведению. На сегодняшний день большинство выделенных А.Ф. Сизым, А.И. Васильевым и М.А. Ефимовым показателей, признаны самостоятельными критериями оценки степени исправления осужденных. Резюмируя вышеизложенное, отметим, что использование в законодательстве термина «примерное поведение», а равно и «хорошее поведение», который, кстати, закреплен в ч. 1 ст. 113 УИК РФ, вряд ли можно признать удачным. Безусловно, нельзя, а в некоторых случаях и нецелесообразно, полностью отказаться от оценочных понятий, но в данном случае это необходимо. По нашему мнению, существенными преимуществами обладает четкий, конкретный и понятный признак – «отсутствие у осужденного взысканий». Вследствие этого предлагаем использовать именно такую формулировку данного критерия.

Между тем, признавая данные критерии исправления, отдельные ученые посчитали названный перечень недостаточным для объективной оценки степени исправления осужденных. В этой связи они предоставили правоприменителю право выбора дополнительных критериев по своему усмотрению⁷. На наш взгляд, такого нельзя допускать, поскольку это влечет неопределенность и устраняет единообразие практики оценки степени исправления осужденных, что вряд ли можно считать справедливым.

Несмотря на отдельные замечания, данным критериям отдавалось предпочтение в науке и правоприменительной практике советского периода, кроме того, их поддерживает ряд современных ученых⁸.

На сегодняшний день из-за отсутствия правового закрепления системы оценки степени исправления осужденных приобретают популярность нетрадиционные точки зрения, которые заключаются в противопоставлении общества и мест лишения свободы. Центральную идею данных позиций еще в начале

90-х гг. XX в. сформулировал Ю.М. Антонян. Она заключается в том, что удовлетворительная психологическая адаптация осужденных в исправительных учреждениях не гарантирует того, что после освобождения они смогут наладить нужные контакты⁹. То есть главной задачей становится социальная адаптация, или ресоциализация, осужденных. Так, В. Поздняков высказывает мнение о том, что единым критерием оценки позитивного поведения осужденного должен стать прогресс его ресоциализации¹⁰. Система оценки исправления осужденных, по его мнению, должна состоять из следующих направлений: формирование правосознания, трудовая и учебная деятельность, связь с внешней средой, восприятие воспитательного воздействия, дисциплина, здоровье и эмоциональное состояние¹¹. Каждому направлению соответствует ряд признаков, которые указывают на преобладающее значение оценки уровня ресоциализации осужденного. Наблюдается это в таких показателях, как желание порвать с преступным миром, повышение профессионального мастерства, стремление к повышению образовательного уровня, получению дополнительных знаний, расширению кругозора, забота о трудовом и бытовом устройстве после освобождения, формирование созидательной жизненной позиции и др. Кроме того, такое направление, как дисциплина, обозначено предпоследним, что также указывает на меньшее внимание к поведению осужденных в местах лишения свободы.

Придерживаясь аналогичной позиции, Ю.В. Баранов заявляет, что нельзя оценивать степень исправления осужденного в координатах исправительного учреждения, поскольку она представляет собой анализ приспособления, адаптации к условиям места лишения свободы, а не готовности к вхождению в социум¹². Вместе с тем он не согласен с перечнем В. Позднякова и предлагает свою систему критериев оценки позитивного поведения:

1. Подсистема показателей поддержания осужденным социально полезных связей с внешней средой. При этом необходимо создать благоприятные условия для восстановления или завязывания осужденным отношений в целях заключения семейного союза, возобновления родственных связей.

2. Подсистема показателей трудовой активности. Здесь реальным критерием может стать приобретение трудовых умений и навыков в процессе своеобразной имитации труда на свободе. Уровень стимуляции должен быть связан не с выполнением объема планового задания, а с приобретением осужденным трудовых умений и навыков и его стремлением постепенно усложнять производственный процесс с целью приближения к реальным рыночным условиям.

3. Подсистема показателей самосовершенствования осужденного. Первым критерием здесь служит повышение осужденным своего образовательного уровня, вторым – проявление и развитие творческих способностей, наконец, третьим – забота осужденного о сохранении своего здоровья¹³.

Следует отметить, что эффективность критериев, названных Ю.В. Барановым, на наш взгляд, достаточно сомнительна. Так, выглядит несколько идеальным критерий трудовой активности осужденного, так как подавляющее большинство осужденных либо не обеспечены работой, либо работают по специальности, с которой не хотят связывать свою жизнь после освобождения. Поэтому от них сложно ожидать стремления к совершенствованию профессионального мастерства, творческого подхода к работе. Кроме того, не совсем обоснованно выделение такого показателя, как забота о собственном здоровье. Данная особенность поведения зависит

от возраста, состояния здоровья, привычек и иных причин. Более того, многие правопослушные граждане не заботятся о здоровье, не избавляются от вредных привычек. На наш взгляд, было бы абсурдным считать исправившимся осужденного, который, например, бросил курить. Поэтому полагаем, что данный показатель вряд ли будет эффективен. Вместе с тем вызывает некоторые возражения и отсутствие в перечне, предложенном Ю.В. Барановым, такого критерия, как соблюдение режима содержания. Действительно, осужденный может приспособиться к установленному порядку отбывания наказания, но ведь это от него и требуется после освобождения. Кроме того, осужденный должен не только приспособиться к закону, но и уважать его. Однако надо признать, что современная российская действительность характеризуется правовым нигилизмом, и большинство правопослушных россиян не уважают закон, а всего лишь боятся наказания. И поэтому предъявлять такие требования к осужденному, на наш взгляд, бессмысленно. Безусловно, это не означает, что нужно корректировать установленные в законе формулировки. Они необходимы в качестве идеальной цели, к которой нужно стремиться. Но практика должна основываться на реальной жизни, которая, по нашему мнению, диктует приспособление и адаптацию осужденного к общественным нормам, а не их уважение.

Таким образом, на основании анализа представленных мнений полагаем, что они привлекательны только своим обоснованием и неоспорны, поскольку противопоставление социума и исправительного учреждения едва ли оправданно. Колония – это сообщество со своими традициями, нормами, отношениями. То, как ведет себя осужденный, находясь в стенах соответствующего учреждения, на наш взгляд, является индикатором его будущего поведения после освобождения. Поэтому хотя рассмотренные критерии и оригинальны, они все же далеки от действительности и вряд ли применимы.

Изучая данную проблему, несомненно, будет небезынтересным узнать мнение сотрудников исправительных учреждений. Согласно данным нашего опроса 30,7% от общего количества опрошенных считают самым показательным критерий отношения к труду, 16,3% – отсутствие взысканий, 12,4% – соблюдение режима, 10,5% – участие в жизни отряда, исправительной колонии, 9,8% – степень признания вины, 8,5% – погашение иска, 4,5% – отношения с родными (детьми), 2% – наличие поощрений, 1,3% – отношение к учебе, соблюдение общепринятых норм поведения и наличие социальных связей, 0,7% – участие осужденных в работе самодеятельных организаций и их отношения с потерпевшим. Исходя из анализа приведенных данных представляется, что практические работники придерживаются традиционных взглядов, которые появились в советское время.

Таким образом, на основании проведенного теоретического и эмпирического исследования полагаем целесообразным выделить следующие критерии высшей степени исправления: отсутствие взысканий, добросовестное отношение к труду, активное участие в проводимых воспитательных мероприятиях, добросовестное отношение к получению общего образования и профессиональной подготовки, активное участие в работе самодеятельных организаций.

Отдельно следует остановиться на таких критериях исправления, как частичное или полное возмещение причиненного ущерба или иное заглаживание вреда, а также раскаяние в совершенном деянии. Первый из них, согласно вышеприведенным данным нашего оп-

роса, называется практическими работниками погашением иска. Данный критерий актуален потому, что, во-первых, положительно характеризует осужденного, во-вторых, учитывает позицию потерпевшей стороны. И это оправданно, поскольку при освобождении осужденного условно-досрочно, если он не возместил причиненный ущерб, в целом не достигается такая цель наказания, как восстановление социальной справедливости. Если одна из целей уголовного наказания не достигнута, то применение условно-досрочного освобождения вряд ли обоснованно.

Раскаяние в совершенном деянии – противоречивый критерий. С одной стороны, как справедливо указывает Ю.М. Антонян, многие из формально исправившихся осужденных заявляют о своем раскаянии и осознании вины, однако более детальный анализ заставляет сделать противоположный вывод¹⁴. С другой стороны, данный критерий закреплен в законе. Вместе с тем его называют и практические работники в виде степени признания вины, что заставляет обратить на него внимание. По нашему мнению, несмотря на отмеченный недостаток, он должен учитываться, поскольку является неотъемлемым признаком исправления осужденного. В то же время необходимо уточнить, что оба критерия, в отличие от рассмотренных ранее позиций, должны рассматриваться только при решении вопроса о применении условно-досрочного освобождения. В иных случаях их учет нецелесообразен, поскольку затруднит применение многих поощрительных норм.

Таким образом, нами названы критерии оценки степени исправления осужденных, которые, хотя и содержат традиционные черты, но основаны на нормах действующего уголовно-исполнительного законодательства, что и составляет их главное преимущество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Байдаков Г.П. Психолого-педагогические критерии определения степени исправления осужденных в ИТК // Проблемы дифференциации исполнения наказаний: Сб. науч. тр. М., 1991. С. 69.

² См., напр.: Сизый А.Ф. Юридические основания применения поощрительных норм к осужденным по исправительно-трудовому законодательству // Проблемы исполнения уголовных наказаний: Сб. науч. труд. Рязань, 1991. С. 84–87; Отрядная система ИТУ и критерии оценки исправления осужденных: Учеб. пособие. Домодедово, 1991. С. 62–78.

³ См.: Лакеев А.А. Оценочные понятия в исправительно-трудовом законодательстве // Проблемы исполнения уголовных наказаний. С. 81.

⁴ Сизый А.Ф. Юридические основания применения поощрительных норм к осужденным по исправительно-трудовому законодательству. С. 87.

⁵ См.: Васильев А.И. О доказательствах исправления осужденных к лишению свободы // Правоведение. 1969. № 6. С. 127–129.

⁶ Ефимов М.А. Доказательства исправления и перевоспитания заключенного и их оценка. М., 1964. С. 8.

⁷ См.: Отрядная система ИТУ и критерии оценки исправления осужденных. С. 62–78.

⁸ См., напр.: Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 14–18; Дорохов И.С. Критерии степени исправления осужденных: психологический аспект // Уголовное наказание: правовая идеология, законотворчество и пенитенциарная практика: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2004. Ч. 2. С. 215–216.

⁹ См.: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 129.

¹⁰ См.: Поздняков В. Критерии оценки исправления осужденного: какими им быть? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 8. С. 45.

¹¹ См.: Поздняков В. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 2. С. 36.

¹² См.: Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. С. 177.

¹³ См.: Там же. С. 186.

¹⁴ См.: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. С. 142.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

О профессиональной этике сотрудника социальной службы пенитенциарной системы России

Е.Г. БАГРЕЕВА – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор

Социально-экономические и политические преобразования, произошедшие в нашей стране за последние 10–15 лет, повлекли за собой проблемы социального характера, что с особой силой затронуло армию осужденных. Быстро меняющиеся социально-экономические условия жизни в нашей стране вносят свои коррективы в деятельность уголовно-исполнительной системы, в том числе и в ее социальную сферу, затрагивающую права и интересы осужденных.

Пенитенциарные учреждения и содержащиеся в них заключенные становятся предметом особой социальной заботы государства. Еще несколько лет тому назад трудно было предположить, что в структуре персонала исправительных учреждений пенитенциарной системы России появится новое звено – сотрудники социальной службы. Возникали вопросы о том, что будет входить в их обязанности, не будут ли они дублировать функции воспитателя, с каким образованием должен быть такой сотрудник и т.д. Сегодня мы начинаем привыкать и не без основания ценить его деятельность в наших исправительных учреждениях. И все же процесс становления новой профессии тесно связан с ее признанием, коллективной радостью успехами, дружеским участием в решении проблем. Над этим размышляли участники российско-швейцарского проекта по подготовке социальных работников для исправительных учреждений России под руководством доктора Ф. Хохштрассера, обсуждая возможность принятия Профессионально-этического кодекса сотрудника социальной службы пенитенциарной системы.

Обратившись к опыту зарубежных пенитенциарных систем, с интересом обнаружили наличие таких документов в ряде европейских стран, что и подвигло коллег к дальнейшим размышлениям.

Прежде всего, Профессионально-этический кодекс сотрудника социальной службы пенитенциарной системы России должен быть основан на этических принципах социальной работы, принятых Международной федерацией социальных работников – МФСР (Осло, октябрь 1994 г.), а также Межрегиональной ассоциацией работников социальных служб России (Москва, май 1994 г.) и отражать гуманистические традиции, накопленные в отечественной и зарубежной социальной работе, фундаментальные принципы защиты прав и свобод человека и гражданина. Кодекс должен быть составлен с учетом этических стандартов, признанных международным и отечественным профессиональным сообществом.

Предполагается, что назначение кодекса состоит в том, чтобы обозначить нравственные ориентиры, наметить основные пути к принятию решений

в проблемных ситуациях, свести к минимуму риск совершения ошибок в процессе профессиональной деятельности, а также защитить от возможных неправомерных претензий к сотруднику социальной службы пенитенциарной системы. Кроме того, кодекс призван консолидировать профессиональное сообщество сотрудников социальной службы пенитенциарной системы.

Представляется чрезвычайно важным закрепить в кодексе этические обязательства сотрудника социальной службы пенитенциарной системы перед своей профессией.

Главной целью его профессиональной деятельности является оказание социальной помощи и поддержки любому осужденному, нуждающемуся в ней. Эта высокая цель придаст силы и необходимую уверенность социальному работнику. Безусловно, сотрудник социальной службы призван поддерживать высокие нравственные стандарты своего поведения, исключая введение кого-либо в заблуждение, нечестные действия, четко различая заявления и действия, сделанные им как частным лицом и как представителем профессии, придерживаться и развивать ценности, знания и методологию профессии, воздерживаясь от поведения, которое нарушает правила профессиональной деятельности.

Чрезвычайно важным является вопрос компетентности и профессионального совершенствования: сотрудник социальной службы должен прилагать все усилия к тому, чтобы стать и оставаться специалистом-экспертом в профессиональной практике и выполнении своих профессиональных обязанностей. Он должен иметь право вести работу только в рамках своих компетенций. Более того, сотрудник социальной службы обязан нести персональную ответственность за качество работы, которую он индивидуально исполняет, а также предупреждать возможность негуманного или дискриминирующего поведения по отношению к личности клиента.

Таким образом, сотрудник социальной службы обязан соотносить свои поступки с высшими стандартами профессиональной честности: противостоять влияниям и нажимам, встречающимся на пути его профессиональной деятельности, беспристрастно выполняя свои профессиональные обязанности; не использовать свои профессиональные отношения в личных целях.

Представляется важным сформировать уважение к этой новой в рамках исправительной системы профессии. В этом процессе участвует и сам сотрудник социальной службы, повышая значимость, этику, знания, цели своей профессии. Он обязан защищать и усиливать достоинство, чистоту профессии и про-

являть ответственность и активность в дискуссиях по совершенствованию профессии, а также нести моральную ответственность за деятельность профессионального сообщества, представителем которого он является.

Сотрудник социальной службы не только должен всемерно помогать осужденным, информируя и делая социальную службу пенитенциарной системы доступной для всех нуждающихся, но и привлекать внимание общественности, гражданских социальных служб и средств массовой информации к нуждам социальной службы уголовно-исполнительной системы, ее достижениям и недостаткам. Такой подход обеспечит уважение к самому сотруднику и поднимет значимость профессии в целом. Чтобы осуществить его на практике, социальный работник должен осознавать свою ответственность за развитие и полное использование своих профессиональных знаний, основывая на них свою практическую деятельность, критически анализируя, оценивая и накапливая новые знания, относящиеся к его профессии; накапливая и передавая коллегам свой опыт; прилагая усилия к улучшению осведомленности и образованности общества в вопросах социальной работы.

Конечно, социальный работник – это и своего рода исследователь, однако при проведении научных исследований он должен пользоваться в своей работе этическими нормами исследователей, а значит, четко понимать, какие последствия может иметь эта работа для личности. Более того, надо помнить, что исследовательская работа проводится на основе добровольности и информированного согласия, полученного от клиента, с полным соблюдением личной свободы и достоинства участвующих и правом их отказа от участия в исследовательской программе на любом ее этапе. Необходимо предусмотреть и защиту участников эксперимента от незаконного физического или душевного дискомфорта, расстройства, опасности или унижения. Информацию, полученную об участниках исследования за время его проведения, следует рассматривать как конфиденциальную.

Центральной проблемой профессиональной деятельности сотрудника социальной службы нашей пенитенциарной системы должны стать его этические обязательства по отношению к осужденным. Будем стремиться к тому, чтобы сотрудник социальной службы прилагал максимум усилий для воспитания и развития самостоятельности осужденного в решении своих личных проблем, но в то же время уважал право осужденного соглашаться или отказываться от предлагаемой помощи после предоставления необходимой информации.

Сотрудник социальной службы, осознавая свою миссию, противодействует любым способам дискриминации осужденных, основанным на знании характера совершенного преступления, национальности, социальном статусе в местах лишения свободы, возрасте, принадлежности к определенному полу, сексуальной ориентации, вероисповедании, семейном положении, политических взглядах, наличии психических расстройств, физических недостатков, привилегий, персональных характеристик. Все эти нюансы необходимо учитывать сотруднику социальной службы, ибо он является защитником прав и законных интересов осужденных, а потому должен избегать связей и отношений, идущих во вред осужденным, осведомлять осужденных о возможном риске, связанном с обращением в социальную службу; взаимодействовать с официальными лицами в интересах осужденного.

Нельзя думать, что деятельность сотрудника социальной службы ограничивается лишь помощью, вырабатывая иждивенческую позицию у осужденных. Важно понимать, что его деятельность должна

носить воспитывающий характер и способствовать формированию активной личностной позиции самого осужденного, конечно, не допуская унижения его достоинства. Однако следует помнить, что сотрудник поддерживает отношения с осужденными только в рамках существующего законодательства.

Следует предостеречь сотрудника социальной службы от использования отношений с осужденными в собственных интересах, участия в мероприятиях в тех случаях, когда это влечет за собой формирование возможного негативного к нему отношения со стороны осужденных, а также от действий, нарушающих права осужденного, даже если это делается по его просьбе. Не правда ли, эти предостережения кажутся абсолютно естественными, а потому банальными... Но тогда почему на практике совершаются подобные ошибки?

Конечно, сотрудник социальной службы обязан уважать право осужденных на личную жизнь и не распространять информацию, полученную в ходе профессиональной социальной помощи. При этом он обязан получить согласие клиента, прежде чем фиксировать полученную от него информацию, поставить осужденного в известность о неизбежности раскрытия информации, а затем полностью информировать осужденного о пределах конфиденциальности в данной ситуации, а также о целях, в которых данная информация может быть использована.

Понятно, что в ряде случаев сотруднику социальной службы будет доступна разного рода информация, но он должен помнить, что обязан сообщать сведения, составляющие профессиональную тайну, независимо от согласия осужденного или его законного представителя только в случаях, предусмотренных законом, и в случаях, когда у сотрудника социальной службы нет иной возможности предотвратить причинение серьезного ущерба самому клиенту или окружающим. Более того, смерть осужденного не освобождает сотрудника социальной службы от обязанности сохранения профессиональной тайны.

Таким образом, интеллигентность и корректность, человечность и высокий профессионализм – вот качества, которые должны стать ключевыми в этой сложной профессии. Если угодно, сотрудник социальной службы может стать образцом для подражания не только для осужденных, но и для других сотрудников исправительных учреждений, поскольку во взаимоотношениях с коллегами главными этическими характеристиками должны быть честность, справедливость, порядочность, уважение к их знаниям и опыту, а также готовность передать и принять профессиональные знания и опыт.

В любой профессии нам часто кажется, что мы существа разумные и таковыми же считаем и своих коллег. Однако откуда порой, сквозит недоверие и недоброжелательность, оскорбления и пренебрежение; почему же мы грубы и невежливы, завистливы и злопамятны? И чтобы уберечь сотрудника социальной службы от таких проявлений, эксперты проекта постарались выписать несколько «золотых» правил. Итак, он обязан:

- обращаться с коллегами на основе профессиональных интересов и убеждений;
- создавать и поддерживать ситуации, облегчающие коллегам этические, профессионально компетентные действия;
- выражать несогласие с мнениями, действиями коллег или критиковать их, но объективно и аргументированно;
- поддерживать положительную репутацию замещаемого им коллеги;
- выполнять функции эксперта, руководителя, инспектора, наставника по отношению к коллегам доброжелательно и спокойно;

– оценивая деятельность других социальных работников, выполнять эту обязанность в деликатной, беспристрастной манере на основе четко обоснованных критериев, а также знакомить их с результатами этой оценки;

– обращаться с клиентами своих коллег внимательно, вести их дела с полной профессиональной отдачей;

– активно препятствовать практике бесчестных и некомпетентных коллег, различного рода непрофессионалов, наносящих ущерб социальному здоровью и благополучию осужденного;

– следовать советам и консультациям коллег и наставников, если они служат интересам дела;

– участвовать в совершенствовании пенитенциарной системы в сфере социальной работы с осужденными, повышении эффективности взаимодействия ее служб;

– формировать профессиональный авторитет только своими честными, порядочными, справедливыми и уважительными действиями по отношению к коллегам по работе.

Сотрудник социальной службы является, по существу, своеобразным посредником на границе «закрытого» и «открытого» общества, и от того насколько успешной будет его работа, настолько увеличатся шансы успешной ресоциализации как у бывших осу-

жденных, так и у субъектов «принимающей» стороны. Для этого сотрудник социальной службы пенитенциарной системы выявляет социальные проблемы и сообщает о них всем заинтересованным лицам и организациям.

Таким образом, своими действиями он расширяет возможности всех членов общества, с особым вниманием относясь к наиболее уязвимым лицам – осужденным; способствует объединению различных социальных служб в ресоциализации осужденных, а также содействует изменениям в политике и законодательстве с целью улучшения социальных условий жизни и поддержания социальной справедливости, развития деятельности всех институтов в ресоциализации осужденных.

Конечно, эксперты проекта отдают себе отчет в том, что нарисованный нами портрет сотрудника социальной службы идеален, а жизнь так сложна и непредсказуема... И все же, даже если часть сотрудников социальной службы, согласно кодексу, возьмет на себя обязательства следовать данным правилам и нормам, а ответственность за нарушение Кодекса профессиональной этики сотрудника социальной службы пенитенциарной системы станет делом их чести и достоинства, мы будем считать свою задачу выполненной.

Сравнительный анализ типологического и психодинамического подходов в оценке личности преступника

В.М. ТРУШ – психолог психологической лаборатории ФБУ «ИК-16» УФСИН России по Мурманской области, кандидат психологических наук

Острота и неотложность задачи организации противодействия нарастающей девиантности населения диктуют необходимость поиска эффективных способов содействия адекватной социальной адаптации, возможностей интенсивного изменения кризисного состояния больших групп населения в социально позитивном направлении. Особо значимо это при оценке личностных особенностей лиц, уже совершивших противоправные деяния и отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Личность преступника как носитель определенных негативных нравственно-психологических черт и особенностей активно исследуется отечественной криминологией¹. При этом следует заметить, что вопрос об объекте и процессе исправительного воздействия, его содержании и инструментах оценки еще не нашел достаточно четкого обоснования в пенитенциарной науке. Личностная структура, без сомнения, не может рассматриваться как основная детерминанта совершаемого преступления, первопричиной являются условия ее формирования², но основная причина преступного деяния – поведенческий тип личности.

В отечественной криминологии изучение личности преступника осуществляется с позиции мотивов совершенных преступлений. Мотив как осознанная потребность является внутренним побуждением к деятельности. Но почему именно таким образом это побуждение реализуется? Недостаточно констатировать, что личность является носителем причин преступного поведения, важно знать, почему эти

личностные признаки привели именно к преступному поведению, а не к иному другому.

В значимых для преступника поведенческих ситуациях личностно-валентными оказываются те элементы, которые обеспечивают реализацию у него криминального типа поведения, но ни одна ситуация сама по себе не толкает человека на преступный путь. Значимость той или иной ситуации для личности свидетельствует об ее устойчивых свойствах: «поведение человека, прежде всего, личностно, а не ситуативно»³. Ситуация лишь способствует проявлению сущностных основ личности, являясь показателем того, в каких условиях она способна совершить преступление. По мнению М.И. Еникеева, «понять поведение преступника – значит, понять его поведенческие стереотипы и устойчивые мотивы поведения»⁴.

Сами по себе психологические характеристики личности без поведенческого выражения, как правило, не могут оцениваться как отрицательные или положительные в нравственном и правовом планах. Они нейтральны, и то, какое они могут найти конкретное выражение, зависит от доминирующих тенденций, образующих структуру сознания на всех уровнях психической реальности. Важно различать мотив и мотивировку поведения. Мотивировка (рациональное объяснение причин действий), данная следствием, судом либо самим преступником, нередко воспринимается именно как мотив. Социально адаптированный способ поведения ставит на пути всех спонтанных побуждений «фильтр» (моральный

выбор). Социально дезадаптивное поведение отличается ослаблением этого «фильтра». Те же обстоятельства, которые в современной юридической теории и практике обычно рассматриваются как мотив конкретных преступлений, в действительности чаще являются социальной оценкой приписываемых преступнику побуждений, но не характеризуют личностный смысл, суть этих побуждений. Именно поэтому осужденный в действительности не знает, почему он совершил преступное действие, и переносит вину на других людей или сложившиеся обстоятельства. Возникает состояние отгороженности от субъективных причин собственных действий, а следовательно, и неспособность в должной мере к самоуправлению. Необходимо заметить, что и дефект «фильтра», и «мощное воздействие» приводят к одному результа-

ту – неспособности индивида к осознанному управлению своим поведением.

В современных условиях индивидуальная работа с осужденными основывается на рекомендациях, разработанных НИИ МВД России в 1998 г.⁵ Материалы составлены с учетом особенностей отдельных категорий осужденных (лица, осужденные за убийство, за нанесение тяжких телесных повреждений и хулиганство), работа с которыми представляет особую сложность, их поведение отличается наибольшее количество нарушений режимных требований. Авторами разработана типология осужденных, основывающаяся на особенностях темперамента и характера, предложены соответствующие методы воздействия (см. таблицу 1).

Таблица 1

Тип личности	Основные характерологические признаки	Ведущие поведенческие реакции	Основы межличностных взаимоотношений	Предполагаемые принципы воздействия
Возбуждаемый тип	Активность, доминирование, спонтанность, конфликтность, высокая эмоциональная возбудимость, склонность к накоплению аффекта	Вспыльчивость, злопамятность, алогичность. При наличии жизненного опыта – реализация лидерских тенденций, при отсутствии – открытое противодействие режиму содержания и подавление окружающих. В позиции «сверху» – корыстолюбие. В позиции «снизу» – угодничество, подобоострастие	Необходимость жесткого директивного контроля	Прошлый негативный опыт минимально учитывается, оптимален метод контролируемого накопления позитивного, повторяющегося, стимулируемого поступка
Неуправляемый тип	Импульсивность. Генерирование «грозовой атмосферы». Реагирование в ситуации конфликта лавинообразной канализацией гневливых тенденций	Стремление к доминированию. Низкое управление своими действиями и действиями других. Системный характер отклоняющегося поведения	Жесткое пресечение любых отклонений от регламентированных правил содержания	Создание ситуации неотвратимости и конкретности последствий за совершенные действия
Упорный тип	Честолюбие и целеустремленность. Стремление к доминированию и лидированию. Логичность и последовательность, категоричность. Застывание на негативных состояниях	Стремление и удерживание лидирующих позиций. Жесткая принципиальность. Манипулятивность, мстительность, обидчивость.	Контролируемое доверие в пределах официальных отношений	Необходимы специальные индивидуальные программы перестройки поведения
Демонстративный тип	Необходимость быть в центре внимания. Склонность к фантазированию, завышенная самооценка	Позерство, безоценочная лживость, стремление к превосходству.	Спокойный, ровный стиль общения. Контролируемая возможность реализации демонстративных тенденций	Метод организации поведения, направленный на выработку положительных привычек.
Активный тип	Повышенный общий фон активности при сниженной рефлексии и самоконтроле. Завышенная самооценка. Необходимость постоянного контроля	Стремление к удовольствию вне зависимости от реальных условий. Приоритет ситуаций на грани срыва при переоценке своих возможностей	Организация системного контроля, но без мелочной опеки	Угроза неотвратимости наказания в сочетании с методом организации приобретения опыта позитивного поведения
Безвольный тип	Сниженность волевых качеств, недостаток интеллектуального развития, лень и внушаемость	Бездумное стремление получить удовольствие, легкомыслие, безответственность, трусость	Контроль с элементами властного и жесткого обращения	Метод организации поведения, основанного на позитивных стереотипах

Следует отметить достаточно поверхностный подход к подбору методов. На первый план выдвигается принцип необходимости исполнения, человек – объект манипулирования, лишенный внутренней свободы. Так достигается соответствие его действий режимным требованиям, но внутренняя трансформация личности маловероятна. Основные усилия индивида направлены на противодействие предъявляемым требованиям либо на подстройку под них, а не на осознание действительных глубинных мотивов, породивших противоправные действия. Остается в стороне основной барьер на пути возможной личностной ресоциализации – нравственный самоанализ преступника. Как отмечают исследователи М.И. Еникеев и В.Л. Васильев, сотрудники ИУ почти не располагают информацией о личности осужденных. Меры воздействия направлены на проведение организационных мероприятий и вряд ли способствуют трансформации личности в направлении законопослушного поведения. Более того, будучи по своей сути насильственными и не учитывающими действитель-

ных побудительных мотивов индивида, они могут способствовать нарастанию внутренней дисгармонизации личности. Пока что в триаде личности – общество – государство основное внимание по-прежнему уделяется интересам государства, а развитие личности остается побочным продуктом естественного функционирования.

Проблема причин преступного поведения, в сущности, является проблемой формирования личности преступника. По мнению В.Н. Кудрявцева, «если цепочку причин и следствий, связанных с преступлением, рассматривать не в той последовательности, в которой она развивалась, а в обратной, идя от конца, то есть от совершенного преступления к его истории, то мы, прежде всего, должны обратить внимание на совокупность психологических явлений, предшествовавших преступлению и коренившихся в сознании субъекта... Иными словами, речь идет о свойствах личности преступника, о тех субъективных качествах, которые послужили ближайшей и непосредственной причиной совершения преступления»⁶.

Современные психолого-криминологические исследования выделяют следующие основные причины, оказывающие существенное влияние на формирование личности преступника на стадии раннего детства: первичная социализация (ребенок бессознательно усваивает манеру поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы, важно также психологическое принятие или отвержение ребенка его родителями); криминогенные последствия может иметь также недостаток семейного воспитания, когда при отсутствии теплых эмоциональных отношений и целенаправленного воспитания забота касается лишь материальных потребностей ребенка⁷. В результате на бессознательном уровне формируются тревожность, беспокойство, боязнь утраты себя, своего «Я», неуверенность в бытии, ощущение и чувство враждебности окружающего мира. Впоследствии, если тревожность интенсифицируется, она может достичь уровня страха смерти: человек начинает защищать свой биологический статус, совершая насильственные преступления для защиты от мира, субъективно воспринимаемого как опасного и враждебного. Ведущей чертой является постоянное стремление к самоутверждению, защите своего «Я», отстаивание своего места в жизни. Наличие глубинной тревожности, бессознательное ощущение призрачности и хрупкости своего бытия – особенность, отличающая преступника от законопослушного гражданина. Бытийный страх выступает как инстинктивное ощущение отрешенности от собственных потребностей и противоречия между действительной жизнью и жизнью, которая должна была быть. Отметим, что страх увеличивается от того, от чего он и питается. Удаленность отчужденного, высоко тревожного человека от основного русла жизни только усиливает стремление к самозащите, приводящее в результате к еще большему отторжению.

В концепции классического психоанализа понятие «страх» имеет неоднозначное толкование. Как утверждает Д. Айке, трудность состоит в том, что феномен страха «нельзя понять пятью органами чувств»⁸. Это «боязнь», «испуг», «тревога», «аффект» как динамическая составляющая состояния страха. «Тревога» и «страх» рассматриваются под углом отношения к объекту. Тревога менее объективна и наделена смысловым содержанием субъекта переживающего. Страх – состояние с преобладанием объективного значения, то есть внешних причин воздействия. Для индивида эти состояния объединены общими психосоматическими проявлениями. В современных направлениях глубинной психологии депрессия отвергнутости занимает особое место. Отчужденный от враждебного и опасного ему мира человек обречен на постоянное переживание депрессивного состояния, сопровождающегося тоской, одиночеством, тревогой. Единственно реальная для него самостоятельная возможность, хотя и мнимого, но спасения – отторжение, вытеснение, то есть применение всего комплекса защитных механизмов для ограждения себя от переживания.

Юристы полагают, что преступления главным образом совершаются из корысти, мести, ревности, хулиганских побуждений, при этом не учитывается, какие глубинные психологические реалии вызывают их, в чем заключается их действительный субъективный смысл. «Объяснение субъективных причин значительной части преступлений, особенно насильственных и сексуальных, носит поверхностный характер и не способствует решению актуальных проблем борьбы с преступностью»⁹, то есть обычно мотив не «извлекается», а приписывается личности исходя из внутренней оценки ее преступных действий на базе установившихся норм и традиций.

Не вызывает сомнения тот факт, что понятие «психическое здоровье», отражающее не только отсутствие психических расстройств, но и уровень конст-

руктивно-адаптационных способностей личности, ее нервно-психической устойчивости и аутентичности, одновременно означает одно из ведущих личностно важных качеств, характеризующих индивида с законопослушной бытийной установкой. Диагностика и прогнозирование этих качеств является важной задачей ведомственной системы психологического обеспечения профессиональной деятельности УИС. Имеющиеся затруднения в успешном решении данной проблемы связаны с неудовлетворенной потребностью ведомственных психологов в «тонком» и адекватном психодиагностическом инструментарии. Несмотря на достаточно обширный арсенал методик клинической психодиагностики, для решения задач в сфере психодиагностического обеспечения спецконтингента его все же явно недостаточно. Традиционно применяемые в целях раннего медико-психологического и превентивного-психологического анализа личности осужденных, прибывших по этапу в учреждения УИС, личностные психодиагностические опросники (ММИЛ, СМЛ, СКЛО, 16-ФЛО и др.) морально устарели и остро нуждаются в рестандартизации и ревалидации. Это связано с происходящими в России преобразованиями, трансформацией привычной картины мира (менталитета) россиян.

В современной психологии и философии до сих пор не существует единого представления о психической реальности, однозначно соотносимой с понятием «личность». Особый интерес в рамках нового методологического подхода к рассматриваемой проблематике, на наш взгляд, может представлять теоретическая концепция динамической психиатрии Г. Амона¹⁰ и разработанная (адаптированная и рестандартизированная специалистами Санкт-Петербургского НИИ им. В.М. Бехтерева) на ее основе русскоязычная версия ISTA – Я-структурного теста Г. Амона.

Концепция динамической психиатрии оперирует понятиями «гуманструктуральная модель личности», «Я-идентичность», «центральные бессознательные Я-функции», «спектральный характер психических нарушений», «наверстывающее развитие Я» и другими и позволяет целостно оценить структуру личности в совокупности ее здоровых и патологически измененных аспектов. Уровень психического здоровья определяется как соотношение конструктивных (адаптационных) и деструктивно-дефицитарных (психопатологически измененных и недоразвитых) составляющих психики индивида.

С позиций динамической психиатрии личность – сложное многоуровневое структурное образование, включающее первичные органические структуры (нейрофизиологические и биологические функции человека), центральные бессознательные Я-функции (агрессия, страх, я-отграничение, нарциссизм, сексуальность и т.д.), вторичные сознательные Я-функции (переживания, способности и навыки, представляющие собой поведенческую реализацию центральных Я-функций и определяющие конкретное содержание психической активности и своеобразие жизненного стиля индивида).

Я-идентичность обеспечивает целостность личности, связана с другими центральными психическими функциями. Процесс развития человека, возникновение психических расстройств и их преодоление понимаются динамической психиатрией как процесс преобразования Я-идентичности.

В отличие от большинства психологических концепций, вкладывающих в понятие «структура» личности статичное представление, гуманструктуральная модель личности не может быть понята вне процесса взаимодействия индивида и окружающей среды. При этом в качестве важнейшего средового фактора выступает интегрированная совокупность отношений

между индивидом и первичной группой, понимаемая как групповое динамическое поле, в которое вписывается индивид при обмене так называемой «социальной энергией» в процессе своего формирования и социализации. В основе понятия «социальная энергия», по Аммону, лежит описанный еще К. Левиным феномен силового межличностного взаимодействия психических полей, подчиняющегося групповым динамическим закономерностям. Обменные энергетические процессы между группой и индивидом по своему характеру могут быть как позитивными, способствующими развитию Я-идентичности, так и негативными, препятствующими формированию «здоровой» личности.

Центральные Я-функции как важнейшие интрапсихические образования служат своего рода «органами», обеспечивающими характер такого взаимодействия и индивидуальную психологическую адаптацию. Как и всякий другой орган, эти функции могут быть сформированы нормально, патологически или иметь задержку в своем развитии. Решающим здесь является характер взаимодействия как в первичном симбиозе, так и в целом в группо-динамическом жизненном поле.

В свою очередь уровень сформированности Я-функций определяет особенности взаимодействия в последующих межличностных отношениях, или обмене «социальной энергией». Такой обмен может позитивно расширять возможности личности, способствовать ее интеграции и развитию Я-идентичности, обеспечивая оптимальную ее адаптацию к среде, то есть иметь конструктивный характер, с одной стороны, деформировать личностную структуру, дезинтергрировать процесс становления Я-идентичности, дезадаптировать, то есть действовать деструктивно – с другой, или же препятствовать становлению личности, необходимой дифференциации психических функций, снижать интенсивность динамических межличностных взаимодействий, тем самым порождать функциональный интрапсихический дефицит.

В связи с этим динамическая психиатрия выделяет три качества социальной энергии и соответствующие им составляющие функциональной организации Я: конструктивность, деструктивность, дефицитарность (см. таблицу 2).

Таблица 2

Конструктивность	Деструктивность	Дефицитарность
Агрессия		
Целенаправленная и способствующая установлению контактов активность относительно самого себя, окружающих, объектов и духовных аспектов. Способность сохранять отношения и решать задачи, формировать свою точку зрения. Активное построение собственной жизни	Неверно направленная, прерывающая общение, разрушительная активность относительно себя самого, других людей, объектов и духовных задач. Нарушенная регуляция агрессии, деструктивные вспышки, обесценивание других людей, цинизм, месть	В целом отсутствие активности, контакта с самим собой, другими людьми, вещами и духовными аспектами. Пассивность, уход в себя, безучастность, душевная пустота. Избегание соперничества и конструктивного спора
Тревога/Страх		
Способность чувствовать тревогу, перерабатывать ее, действовать адекватно ситуации. Общая активизация личности, реалистическая оценка опасности	Переполюсненный страх смерти или страх быть покинутым, парализующий поведение и общение. Избегание нового жизненного опыта, задержка развития	Неспособность воспринимать страх у себя и окружающих, отсутствие защитной функции и регулирования поведения при сигнале опасности
Внешнее «Я-отграничение»		
Гибкий доступ к чувствам и интересам других, способность различить «Я» и «Не-Я». Регулирование отношений между собой и окружающим миром, между дистанцией и близостью	Ригидная закрытость относительно чувств и интересов окружающих. Отсутствие эмоционального участия, готовности к компромиссу. Эмоциональная холодность, самоизоляция	Неспособность отказывать другим, дифференцировать себя от других. Хамелеоноподобная подстройка под чувства и точки зрения других людей, социальная гипердаптивность
Внутреннее «Я-отграничение»		
Гибкий, ситуативно адекватный доступ к своей бессознательной сфере, к своим чувствам, потребностям. Способность видеть сны. Фантазии полностью не покидают почву реальности. Способность различать настоящее и прошлое	Отсутствие доступа к сфере собственного бессознательного, ригидный барьер относительно своих чувств, потребностей. Неспособность видеть сны, бедность фантазий и эмоций, отсутствие связи с историей своей жизни	Отсутствие границы между сознательной и бессознательной сферами, наплывы неосознаваемых переживаний. Пребывание во власти чувств, сновидений и фантазий. Нарушение сосредоточения и сна
Нарциссизм		
Позитивное и адекватное реальности отношение к себе, положительная оценка своего значения, способностей, интересов, своей внешности, признание желательности удовлетворения своих значимых потребностей, принятие своих слабостей	Нереалистическая самооценка, уход в свой внутренний мир, негативизм, частые обиды и ощущение непонятности окружающих. Неспособность принимать критику и эмоциональную поддержку окружающих	Отсутствие контакта с самим собой, положительного отношения к себе, признания собственной ценности. Отказ от собственных интересов и потребностей. Часто остаются незамеченными и забытым
Сексуальность		
Возможность наслаждаться сексуальными контактами при одновременной способности доставлять удовольствие сексуальному партнеру, свобода от фиксированности сексуальных ролей, отсутствие ригидных сексуальных стереотипов, способность к гибкому согласованию, опирающемуся на прочувствованное понимание партнера	Неспособность к глубоким, интимным взаимоотношениям. Близость воспринимается как обременительная обязанность или угроза потери аутистической автономии, потому избегается или обрывается с помощью замещения. Сексуальные отношения ретроспективно воспринимаются как травмирующие, наносящие вред или унижающие достоинство	Выражается отсутствием сексуальных желаний, бедностью эротического фантазирования, восприятием сексуальных отношений как недостойных человека и заслуживающих отвращения. Характерна невысокая оценка своего телесного образа и своей сексуальной привлекательности, равно как и склонность обесценивать сексуальную привлекательность других

Методика дает возможность измерить центральные бессознательные Я-функции личности с помощью сознательного самоотчета в виде самооценки собственных переживаний и поведенческих проявлений в представленных тестовыми утверждениями ситуациях отношений, содержащих опыт психоаналитически ориентированного наблюдения.

Ограничениями для использования методики является возраст обследуемых (моложе 16 лет и старше 65 лет), низкая степень понимания испытываемыми смысла перечня утверждений, а также наличие у них выраженных рентных установок.

Психодиагностическая система оценки испытуемого включает в себя анализ блоков шкал четырех уровней.

Первый уровень представлен 18 основными шкалами, объединенными в 6 отдельных блоков для качественной и количественной диагностики основных гуман-функций личности испытуемого: агрессии, страха (тревоги), внешнего «Я-отграничения» (контроль внешних границ Я), внутреннего «Я-отграничения» (контроль внутренних границ Я), нарциссизма (степень целостности принятия себя), сексуальности, каждая из которых включает в себя шкалы конструктивной, деструктивной и дефицитарной составляющих.

Второй уровень психодиагностической системы представлен тремя диагностическими показателями, являющимися суммарными производными от конструктивных, деструктивных и дефицитарных шкал всех шести вышеуказанных гуман-функций: общей конструктивности, общей деструктивности и общей дефицитарности Я-структуры личности испытуемого.

Третий уровень системы является производным разности показателей второго уровня и позволяет оценить адаптационный потенциал и потенциал психической активности личности испытуемого.

Четвертый уровень системы представляет интегральный диагностический показатель «Я-идентичность», отражающий ресурс психического здоровья испытуемого и являющийся производным шкал второго и третьего уровней.

Таким образом, как методическое средство для получения объективной диагностической и прогностической информации, отражающей важнейшие показатели психического состояния индивида, представляемая система позволяет успешно решать следующие задачи:

- осуществлять экспресс-оценку уровня психического состояния при массовых психопрофилактических обследованиях различных контингентов испытуемых;
- выявлять психопатологическую симптоматику, в том числе на раннем доклиническом уровне ее проявления;
- получать целостную оценку Я-структуры личности в совокупности ее конструктивных, деструктивных и дефицитарных аспектов;
- определять ресурсы психики, степень оптимальности ее целостного функционирования и уровня реализации психического потенциала (Я-идентичности) испытуемых;

- прогнозировать поведение человека в повседневных и экстремальных условиях жизнедеятельности;
- осуществлять психодинамический мониторинг психического состояния и личностного развития испытуемых с качественной и количественной оценкой их динамики, а также оценку психологической динамики в процессе реабилитации и реадaptации;
- получать количественную оценку уровня психического состояния (психической адаптации, личностного развития) различных социальных групп и популяций испытуемых при скрининговых исследованиях;
- изучать различные группы спецконтингента для решения различных специфических задач (выявление групп риска в плане формирования агрессивного, асоциального, аддиктивного, суицидального, компенсаторного и других видов дезадаптивного поведения);
- осуществлять психологическое сопровождение и обеспечение профессиональной деятельности различных подразделений и служб;
- осуществлять построение и реализацию индивидуальных и адресных психокоррекционных, психопрофилактических и реабилитационных программ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г. Неблагополучные условия формирования личности в детстве. М., 1983. С. 280; Кудрявцев В.Н. Причины конкретного преступления // Советская юстиция. 1970. № 22. С. 14–18.

² См.: Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. науч. тр. ВНИИ МВД СССР. М., 1988. С. 325; Личность преступников и индивидуальное воздействие на них: Сб. статей. М., 1994. С. 269.

³ Гиппенрейтер Ю.Б., Романов В.Я. Психология индивидуальных различий: Хрест. М., 1982. С. 28.

⁴ Еникеев М.И. Юридическая психология. М., 1999. С. 517.

⁵ См.: Наказание и исправление преступников / Под ред. Ю. Антоняна. М., 1998.

⁶ Кудрявцев В.Н. Причины конкретного преступления. С. 15.

⁷ См.: Психология и педагогика в профессиональной подготовке сотрудников ОВД: В 5 ч. / Под ред. А. Дунаева, А. Батыщева. М., 1992. Ч. 1. С. 174; Юридическая психология / Под ред. Т.Н. Курбатовой. СПб., 2001. С. 480.

⁸ Айке Д. Страх. Тревога и тревожность. СПб., 2001. С. 43–62.

⁹ Психология и педагогика в профессиональной подготовке сотрудников ОВД. С. 174.

¹⁰ См.: Амон Г. Динамическая психиатрия. СПб., 1996.

О проблемах перехода на двухуровневую систему обучения в рамках реализации Болонских соглашений в сфере образования в ведомственном высшем учебном заведении

А.С. СОЛОВЬЕВ – доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России;

О.А. ШАХОВ – начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

При обязательном переходе на двухуровневую систему образования (бакалавр-магистр) в России возникает целый ряд проблем, которые так или иначе придется решать как на федеральном уровне, так и на уровне каждого конкретного вуза. В традиционной для России системе подготовки в высшей школе спе-

циалистов существуют государственные стандарты (ГОС), на основании которых строятся базовые учебные планы, а также рабочие учебные планы на каждый конкретный год по каждой специальности. Основная проблема перехода на двухуровневую систему в высшем образовании – это отсутствие образовательных

стандартов по большинству направлений подготовки бакалавров, в частности по техническим направлениям отсутствуют даже модели стандартов так называемого третьего поколения. Другой очень важной проблемой федерального уровня является проблема отсутствия достаточно завершенной законодательной базы, регламентирующей деятельность вуза по подготовке бакалавров¹. Решение проблем более низкого уровня практически невозможно без нормативно-правовых актов, обязательных для исполнения любым вузом. Все регламентирующие положения продолжают носить рекомендательный характер, кроме того, они в большинстве своем разрабатывались внутри отдельных вузов, которые первыми стали переходить на двухуровневую систему образования, и в большей части они сделаны под конкретное учебное заведение². К внутренним для данного вуза относятся такие проблемы, как создание локальной нормативно-правовой базы, планирование учебного процесса, планирование трудоемкости учебных программ и учебных модулей, создание и корректирование методической базы преподавания учебных дисциплин, создание особой информационно-ресурсной базы, учебно-лабораторной базы, а также переход от традиционной системы оценивания к модульно-рейтинговой системе и, как следствие, планирование самостоятельной работы обучающихся.

Планирование трудоемкости. Традиционно в отечественной системе образования мы пользовались понятием "академический час"³. Это довольно растяжимое понятие, академический час может длиться от 40 до 50 мин. астрономического времени, и поэтому возникает естественная проблема определения временной трудоемкости учебной программы при необходимости перезачетов и международной аккредитации диплома выпускника высшего учебного заведения⁴. Кроме того, существуют особенности планирования учебной занятости студентов, особенно первого и второго года обучения, в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации. Все это заставляет унифицировать единицу трудоемкости внутри страны⁵. Отметим, что в отечественной системе образования кредит принято называть зачетной единицей.

В связи этим Министерством образования Российской Федерации в рамках Болонского процесса была предложена «Методика расчета трудоемкости основных образовательных программ высшего профессионального образования в зачетных единицах»⁶, а также выпущено «Примерное положение об организации учебного процесса в высшем учебном заведении с использованием системы зачетных единиц»⁷. В 2004 г. также вышел Приказ Министерства образования России от 20.05.2004 г. № 2274 «О реализации эксперимента по использованию зачетных единиц в учебном процессе». В этом документе ректорам образовательных учреждений, участвующих в эксперименте, разрешалось предусматривать в учебных планах уменьшение федерального компонента ГОС ВПО по соответствующим направлениям подготовки и специальностям до 50% от общего объема теоретической подготовки с сохранением объемов циклов дисциплин, установленных в ГОС ВПО. Но основной проблемой является введение двухуровневой системы высшего профессионального образования (бакалавр-магистр) на территории Российской Федерации с 2010 г.

Введение этой системы предполагает:

– обучение вариабельно в структуре и сроках, может существовать индивидуальный «вектор» обучения;

– расширение академической мобильности и увеличение возможностей привлечения иностранных учащихся в отечественные вузы;

– обучение доступно (экономический аспект);

– обучение многоступенчато;

– кадры (выпускники) могут свободно перемещаться;

– формат документов об образовании унифицирован;

– повышение оперативности и обоснованности контроля обученности студентов и их промежуточной аттестации;

– расширение возможностей получения междисциплинарного образования;

– упрощение организационного сопровождения перехода на индивидуальные формы обучения;

– сокращение числа параллельно читаемых курсов для малых студенческих аудиторий и оптимизацию численности учебных потоков;

– высвобождение средств, которые могут быть использованы для повышения оплаты труда преподавателей;

– создание благоприятных условий для более широкого применения в учебном процессе современных образовательных технологий и зарубежного опыта организации учебного процесса.

Только в этом случае кредитная система планирования трудоемкости уместна и даже необходима.

Приведем основные эквиваленты зачетной единицы в образовательной системе России:

Усредненная трудоемкость одной учебной недели:

1 учебный год – 40 недель – 60 зачетных единицы;

1 неделя – 1,5 зачетных единицы.

Часовой эквивалент зачетной единицы в ГОС-2:

1 неделя – 1,5 зачетных единицы – 54 академических часа;

1 зачетная единица – 36 академических часов.

Часовой эквивалент зачетной единицы в ГОС-3 (предлагается):

1 неделя – 1,5 зачетной единицы – 45 часов;

1 зачетная единица – 30 часов.

Как можно видеть, в государственных образовательных стандартах третьего поколения, точнее в их моделях для отдельных направлений, отсутствует понятие академического часа, единицей измерения времени предлагается считать рабочий час, равный 60 астрономическим минутам. В большинстве стран мира используется именно рабочий час, а не академический, да и продолжительность учебного года разная⁶. Эти единицы – довольно важная составляющая планирования, поскольку они связаны не только с составлением учебных планов, но и с финансовыми затратами на обучение, планированием нагрузки профессорско-преподавательского состава учебного заведения. К сожалению, в федеральной нормативной базе пока нет четкого определения единицы трудоемкости.

Следующей важной составляющей двухуровневой системы образования является модульно-рейтинговая система, которая предполагает решение многих задач, среди которых основными являются:

– создание модулей как учебных единиц программ подготовки;

– создание модульных блоков;

– структуризация учебного материала модуля как в содержательном, так и во временном направлениях;

– установление четкой согласованности как между основными учебными модулями, так и внутри каждого модуля (целесообразно, чтобы каждый модуль состоял из подмодулей, которые можно легко

реализовывать в соответствии с графиком учебного процесса);

- составление технологических карт для организации и осуществления работы в освоении содержательной части по каждому модулю (если не крупный) или подмодулю;

- разработка и реализация системы накопления и учета баллов по каждому обучаемому;

- организация службы академических консультантов;

- организация самостоятельной работы обучаемого, поскольку деление аудиторных и неаудиторных часов от специальности к специальности составляет от 50% к 30–36% аудиторных часов от общего объема.

Мы видим, что это довольно сложная проблема, причем не только с точки зрения реализации, но и организации. Она затрагивает все аспекты вузовской деятельности, начиная с методики преподавания и заканчивая планированием нагрузки и нормативно-правовыми актами вуза.

Особое место в системе высшего профессионального образования занимают ведомственные вузы, где кроме учебного процесса для обучаемых есть еще и служебная деятельность, реализуемая во второй половине дня. Переход в таких учебных заведениях на новую систему организации образовательного процесса предполагает глубокие изменения почти во всех основных видах обеспечения.

Во-первых, требуется кардинальное изменение распорядка дня. Речь идет об организации самостоятельной работы обучающихся, объем которой, как отмечалось выше, резко возрастает. Дополнительной проблемой является насыщенность рабочего времени курсанта боевой подготовкой, строевыми мероприятиями, нарядами и т.д.

Во-вторых, новая система организации образовательного процесса предъявляет существенно более высокие требования к информационно-библиотечному обеспечению, в первую очередь информационным электронным ресурсам. Для ведомственного вуза актуальна ориентация на собственные ресурсы ввиду определенного ограничения возможности покидать территорию института. Это требует дальнейшего развития информационно-технического обеспечения. Имеющиеся «Программа развития ИТО института» и «Программа развития библиотек института» предусматривают создание центра коллективного пользования информационными ресурсами, факультетских компьютерных классов, модернизацию аппаратного и программного обеспечения. Полная, а не частичная реализация этих программ позволит обеспечить должный уровень развития информационно-библиотечного обеспечения.

В-третьих, введение модульно-рейтинговой системы предполагает выделение особого вида самостоятельной работы – контролируемой. Это требует не только изменения локальной нормативной базы, но и организации работы преподавательского и командного состава, методистов и инспекторов.

В-четвертых, аудиторный фонд должен обеспечивать возможность не только проведения собственно учебных занятий, но и возможность эффективной самоподготовки. Речь идет как о количестве аудиторий (для проведения коллоквиума потребуется как минимум 2 аудитории), так и об их функциональном наполнении (доступ к информационным ресурсам, возможность подготовки и печати документов, возможность работы в малых группах и т.д.).

В-пятых, очевидно, потребуются изучение опыта данной работы в других вузах, организация обучения

преподавательского состава и методистов факультетов и учебного отдела. Повышение квалификации должно проводиться специалистами, имеющими опыт организации такой деятельности. Целесообразно привлекать ведущих специалистов крупных федеральных вузов, где такая работа проводится достаточно долгое время.

Таким образом, речь идет не о формальных изменениях в системе образования, как может показаться на первый взгляд, а об изменении образовательной идеологии всех субъектов образовательного процесса, поведенческого стереотипа обучающихся и преподавателей, который складывался не одно десятилетие. В заключение следует подчеркнуть, что введение зачетных единиц не должно привести к дискриминации государственных образовательных стандартов, а наоборот, обеспечить более уверенный доступ на мировой образовательный рынок конкурентоспособных отечественных образовательных программ. Переход к системе западных образовательных моделей не должен нанести ущерб российской системе образования, находящейся в состоянии перманентной модернизации и реструктуризации. Российская система образования становится более открытой для международной конкуренции, и поэтому возможные негативные последствия должны быть максимально минимизированы. В складывающейся ситуации следует действовать сообразно с интересами отечественной системы образования и ни при каких условиях не переходить на данную систему, если это не согласуется с национальными интересами. В противном случае введение такой системы теряет всякий смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бринев Н.С. Кредитная система оценивания студентов как фактор повышения эффективности образования // Проблемы введения системы зачетных единиц в высшем профессиональном образовании: Материалы к Всероссийскому совещанию. М., 2003.

² См., напр.: Бордовский Г.А., Нестеров А.А., Трапицын С.Ю. Управление качеством образовательного процесса: Моногр. СПб., 2001; Шадриков В.Д. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования и Болонский процесс // Вопросы образования. 2005. № 4; Приложение к Письму Минобрнауки России от 09.03.2004 г. № 1-55-357ин/15 «Примерное положение об организации учебного процесса в высшем учебном заведении с использованием системы зачетных единиц»; О переводе в кредиты нормативов государственного образовательного стандарта. Современный Гуманитарный университет. <http://www.csep.ru/html/Text1.htm>

³ См.: Бринев Н.С. Кредитная система оценивания студентов как фактор повышения эффективности образования; Приложение к Письму Минобрнауки России от 28.11.2002 г. № 14-52-988ин/13 «Методика расчета трудоемкости основных образовательных программ высшего профессионального образования в зачетных единицах»; О переводе в кредиты нормативов государственного образовательного стандарта. <http://www.csep.ru/html/Text1.htm>

⁴ См.: О переводе в кредиты нормативов государственного образовательного стандарта. <http://www.csep.ru/html/Text1.htm>

⁵ Ганчеренок И.И. Европейская система переноса кредитов (ECTS) – Европейский стандарт в высшем образовании // Проблемы введения кредитной системы высшего профессионального образования: Материалы совещания. М., 2002; Ефремов Л.Я., Чистохвалов В.Н. Кредиты и учебный процесс. М., 2003; Проблемы введения зачетных единиц в высшем профессиональном образовании: Материалы к всерос. совещанию (23 апреля 2003 г., г. Москва) / Под ред. В.Н. Чистохвалова. М., 2003.

⁶ См.: Письмо Минобрнауки России от 28.11.2002 г. № 14-52-988ин/13.

⁷ См.: Письмо Минобрнауки России от 09.03.2004 г. № 1-55-337ин/15.

См.: Бадарч Д. Высшее образование США. М., 2001; Ганчеренок И.И. Европейская система переноса кредитов (ECTS) – Европейский стандарт в высшем образовании; Ефремов Л.Я., Чистохвалов В.Н. Кредиты и учебный процесс; О переводе в кредиты нормативов государственного образовательного стандарта. <http://www.csep.ru/html/Text1.htm>

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Разработка показателей оценки природоохранной деятельности учреждений УИС

М.М. АНДРОНОВА – начальник кафедры технологии и оборудования лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент;

В.А. САВЕЛЬЕВА – доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат химических наук

Экологическая функция государства реализуется путем применения правовых, организационных и экономических механизмов, закрепленных в нормативных и правовых актах. Одним из таких механизмов является экологический аудит предприятий.

Учитывая самые разные суждения по поводу целей, функций и задач экологического аудита, можно сказать, что первоочередной функцией процедуры экоаудита является засвидетельствование соответствия деятельности аудируемого объекта нормам законодательства. Некоторые специалисты, кроме того, предлагают возложить на экоаудиторов функции по разработке предложений по устранению выявленных в ходе аудита несоответствий деятельности объектов-природопользователей установленным требованиям, включая рекомендации по совершенствованию производства, внедрению новых устройств, оборудования, технологий, по оценке риска и т.д.

На ФСИН России как на природопользователей в соответствии с природоохранным законодательством России возлагается широкий круг обязанностей по охране природных объектов, рациональному природопользованию и природовосстановительным работам. Содержание обязанностей предприятий ФСИН России по охране природы зависит от объекта природопользования.

Анализ экологической обстановки в местах расположения учреждений ФСИН России свидетельствует о том, что существенный ущерб окружающей среде наносится сбросами сточных вод в поверхностные водоемы, выбросами загрязняющих веществ в атмосферу и размещением отходов производства.

Одним из основных факторов, обуславливающих нанесение вреда окружающей среде предприятиями ФСИН России, является отсутствие ведомственных актов, направленных на реализацию положений федерального законодательства¹. Кроме этого, предприятия ФСИН России, участвующие в многоцелевом пользовании лесным фондом Российской Федерации и дальнейшей переработке ценной древесины в едином технологическом цикле, относятся к учреждениям с особыми условиями хозяйственной деятельности (ст. 6 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»), что придает организации деятельности экологического аудита

определенную специфику с точки зрения необходимости учета закрытости информации.

В связи с перечисленными особенностями предприятий ФСИН России специалисты-аудиторы, прежде всего, должны ознакомиться со спецификой производства на объекте и его структурных подразделениях, особенностями технологических процессов, используемого сырья, материалов и оборудования, обращения с отходами производства (учет, хранение, переработка и т.д.).

Учет специфики предприятий ФСИН России как режимных объектов, по-видимому, должен производиться аналогично объектам Вооруженных сил Российской Федерации, обладающих подобными особенностями с точки зрения закрытости информации. Следовательно, мы должны рассматривать предприятия УИС как закрытые системы. Но, как правило, любая организация является открытой вследствие ее взаимодействия с окружающей средой. Изменяющаяся экологическая ситуация требует пересмотра целей и задач природоохранной политики, изменения стратегии. Таким образом, при определении эффективности предприятия должна учитываться и экологическая эффективность. Согласно ГОСТу Р ИСО 14031-2001 экологическая эффективность (характеристики экологичности) – это результаты управления экологическими аспектами организации. В настоящее время при оценке эффективности природоохранной деятельности следует использовать комплексный подход, а именно рассматривать:

- эффективность выполнения природоохранных мероприятий;
- эффективность систем управления природоохранной деятельностью;
- улучшение экономических показателей за счет учета экологических требований.

В настоящее время для оценки эффективности природоохранной деятельности предприятий главным образом используются количественные показатели.

Большинство из этих показателей входят в состав официально собираемой в стране статистической отчетности об использовании воды (форма № 2-ТП (Водхоз)), загрязнении воздуха (форма № 2-ТП (Воздух)), образовании отходов (форма № 2-ТП (токсичные отходы)), использовании земель (форма № 22-2 (сведения о наличии и распределении земель по категориям и угольям)).

Данная система оценок считается достаточно простой. Но настолько ли она проста? Как сравнить с помощью показателей экологической статистической отчетности системы управления качеством окружающей среды различных предприятий? Предприятиям УИС в сравнении с гражданскими предприятиями свойственен ряд особенностей и, прежде всего, это их многопрофильность (наличие на предприятиях производств, относящихся к различным отраслям народного хозяйства, ЛПУ со специфическими отходами и т.д.). Кроме того, в связи с реформированием системы наблюдается снижение вывода спецконтингента на работы. Следовательно, при оценке систем управления качеством окружающей среды необходимо учитывать две сферы учреждений УИС: жилой сектор и связанные с ним воздействия на окружающую среду и непосредственно производственный сектор. Поэтому является достаточно сложной задачей сравнение эффективности предприятий УИС в сфере природопользования. Таким образом, необходима разработка критериев оценки эффективности природоохранной деятельности предприятий УИС, основанных на следующих подходах:

- возможность сравнивать результаты на протяжении определенного времени (показатели должны позволять сравнивать и осуществлять мониторинг изменений экологической результативности);
- непрерывность (показатели должны быть основаны на одних и тех же критериях и для возможности их сопоставления должны быть приняты сравнимые промежутки времени или единицы);
- своевременность (показатели должны изменяться для того, чтобы имелась возможность своевременно принимать меры);
- ясность (показатели должны быть ясны и понятны как специалистам в области охраны природы, так и неспециалистам);
- мониторинг показателей должен демонстрировать баланс между проблемными и наиболее эффективными областями природоохранной сферы.

Например, Независимое экологическое рейтинговое агентство («НЭРА») для того, чтобы соотнести воздействия на среду с масштабами деятельности оцениваемых компаний, предлагает использовать шесть показателей, включающих экологические воздействия, данные о числе занятых на предприятии и его выручке. Действительно, сравнение воздействий предприятий на окружающую среду по данным статистической отчетности является достаточно сложным. Реальную картину, наверное, могут показать удельные показатели воздействий для предприятий одной отрасли. Однако, как уже отмечалось выше, предприятия УИС имеют особую специфику, и, чтобы иметь возможность сравнения воздействия на природную среду оцениваемых учреждений, будет целесообразным использовать те же подходы, что и для гражданских компаний и предприятий.

В таблице приведены базовые нормы воздействия одного работника на среду в среднем для предприятий реального сектора экономики России, разработанные «НЭРА».

Среднее воздействие на среду одного человека, занятого в реальном секторе экономики России

	Вода, куб. м/чел.	Стоки, куб. м/чел.	Выбросы, т/чел.	Выхлопы, т/чел.	Отходы, т/чел.	Земли, га/чел.
2000 г.	1879	571	0,529	0,314	3,69	0,1884
2001 г.	1891	562	0,543	0,333	4,08	0,1918
2002 г.	1865	571	0,561	0,336	5,98	0,1925
2003 г.	1877	559	0,580	0,353	7,90	0,2021

Это, наверное, единственный реалистичный способ, позволяющий сравнивать экологическую эффективность предприятий разных отраслей, в том числе предприятий разного размера. Применение нормирования на единицу производимой продукции не позволяет корректно сравнить предприятия разных отраслей, поскольку они выпускают разные типы продукции (деловую древесину, металлоизделия, швейную продукцию и т.д.). Стоимостные объемы производства также не пригодны, поскольку часто зависят от динамики и соотношения цен в разных отраслях, государственных дотаций.

Аналогично подсчитанные значения для любого учреждения УИС позволят наглядно сравнить их с объективным и однозначным показателем воздействия на природу минимальной производственной единицы – одного работника. Например, пятнадцать тонн отходов на одного работающего это не просто «много», а в два раза больше среднего показателя по стране. Наглядность еще и в том, что выраженные в процентах к среднероссийской норме показатели разных типов можно корректно интегрировать (складывать) в среднюю оценку экологических издержек.

Для расчета экологических рейтингов предприятий УИС могут быть использованы официальные данные статистической отчетности, предоставляемые учреждениями в соответствии с требованиями природоохранного законодательства России. По аналогии с проведением рейтинговых оценок гражданских предприятий могут быть использованы следующие показатели:

- забор воды из природных водных объектов;
- сброс в поверхностные водоемы загрязненных сточных вод;
- выброс в атмосферу вредных веществ от стационарных источников;
- выброс загрязняющих веществ в атмосферу транспортными средствами;
- образование токсичных отходов;
- площадь нарушенных и занятых свалками земель;
- площадь восстановленных земель и территорий, на которых произведены работы по лесовосстановлению.

По каждому из этих показателей может быть определен средний для учреждений УИС уровень воздействия на природную среду в расчете на одного осужденного, занятого в производстве, который приравнивается к единице и в дальнейшем рассматривается в качестве базового. Кроме того, необходимо учитывать и уровень воздействия осужденных, не занятых в производственной сфере. Базовый (среднероссийский) уровень экологических издержек определяется как среднее арифметическое из семи показателей. Таким образом, базовое (среднероссийское) значение экологического рейтинга также равно единице. Значение рейтинга выше единицы (например 2,0) соответствует превышению объема экологических издержек в среднем по всем семи показателям (в примере – в 2 раза). Значение рейтинга ниже единицы соответствует более низким, чем в среднем по России, уровням экологических издержек производства.

Разрабатываемая в настоящий момент методика заключается в следующем:

1. Для каждого показателя (водопотребление, загрязненные стоки, выбросы стационарных источников, выхлопы автотранспорта, образование отходов и трансформация земель) суммарный объем воздействия по всем предприятиям УИС делим на число занятых в производстве.

2. Для каждого предприятия УИС аналогичным образом определяют шесть показателей воздействия на одного человека, занятого на производстве.

3. Каждое из шести значений, полученных на шаге 2 (среднее воздействие одного занятого в производстве), делят на соответствующее среднее значение для одного занятого в производстве по УИС, полученное на шаге 1. Результат выражается в процентах.

4. Полученные значения суммируют и делят на шесть. Среднее арифметическое – это интегральный показатель экологических издержек производства на предприятии в процентах, который соотносится со среднероссийской нормой. Значение показателя издержек выше средней нормы (например 200%) соответствует среднему превышению объема эко-

логических издержек по всем шести показателям (в примере – в 2 раза). Значение показателя ниже среднего соответствует более низкому, чем в среднем по России, уровням экологических издержек производства.

Таким образом, предполагается изучение возможности применения изложенной методики для оценки воздействий предприятий УИС в рамках проводимой инженерно-экономическим факультетом ВИПЭ ФСИИ России научно-исследовательской работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ращупкина Л.В. Экологический правопорядок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

Экономическая безопасность российских предприятий в условиях финансовой нестабильности

С.Н. РУСАКОВ – аспирант Вологодского государственного технического университета;

О.В. КОШКО – доктор экономических наук, профессор Вологодского государственного технического университета

Проблемы с ликвидностью, возникшие у российских банков осенью 2008 г., по многочисленным прогнозам экспертов достигнут своего максимума в марте-апреле следующего года. В настоящее время недостаток средств в банковской системе ощущают на себе многие отечественные предприятия. С момента начала кризиса подавляющее большинство кредитных организаций были вынуждены ввести ограничения при кредитовании предприятий реального сектора, повысив процентные ставки или ужесточив требования к финансовому состоянию заемщиков. При этом вызывает опасение тот факт, что для многих компаний главная цель получения банковских кредитов – пополнение оборотных средств. Так, по результатам опросов руководителей организаций, проведенных Институтом экономики переходного периода (ИЭПП), в 2007 г. 70% предприятий-участников опроса пользовались кредитными ресурсами, привлеченными именно на эти нужды. В 2008 г. эта величина несколько снизилась, достигнув уровня 62%, однако все еще остается достаточно высокой. В подобной ситуации для большинства российских компаний возрастает риск того, что их основная деятельность будет непосредственным образом зависеть от политики банков, которые их кредитуют.

В первую очередь под удар попадут предприятия малого и среднего бизнеса, которым и в обычных условиях найти внешние источники финансирования своей деятельности бывает достаточно сложно. Но, по всей видимости, с теми же проблемами предстоит столкнуться и относительно крупным компаниям. Если раньше они могли прибегнуть к альтернативным схемам привлечения средств, среди которых наибольшей популярностью пользовались факторинг, размещение собственных ценных бумаг на фондовом рынке, а также документарные операции, позволяющие получать отсрочки платежей за покупаемые

товары, оборудование, услуги, то сейчас эффективность этих финансовых инструментов значительно снизилась. Так, реализация дебиторской задолженности предприятия в настоящее время затруднена из-за значительных рисков неплатежей со стороны должников и высокого уровня комиссионного вознаграждения, установленного факторинговыми компаниями. По тем же причинам осложнилось использование коммерческого кредита. Что касается выпуска собственных долговых ценных бумаг, который позволял компаниям привлекать ресурсы на длительные сроки, независимо от целей их использования, с учетом повсеместного снижения котировок на фондовых площадках, данная операция в настоящий момент сама по себе достаточно рискованна.

Поэтому в силу сложившихся обстоятельств представляет интерес анализ тех проблем, которые возникают в процессе взаимодействия субъектов реального сектора экономики с банковскими структурами, оставшимися на данный момент основным источником привлечения средств для подавляющего большинства предприятий.

Первая и наиболее острая из них – отсутствие у банков стабильного источника долгосрочных пассивов, необходимых для выдачи кредитов реальному сектору. Основной причиной этого является несоответствие сроков привлечения и размещения средств в кредитных организациях. Так, по данным Банка России, средний срок, на который сейчас предоставляются займы предприятиям, составляет 3–5 лет, в то время как 90% имеющихся у кредитных организаций пассивов привлекаются на срок до одного года.

Кроме того, существующая база для формирования пассивов банка, необходимых для выдачи кредитов, в российской экономике сильно ограничена. Одним из основных источников их пополнения являются средства физических лиц. Однако население

все еще не готово делать вложения на длительные сроки, кроме того, в последнем квартале этого года появилась тенденция к оттоку депозитов физических лиц. Поэтому в настоящий момент в стране имеются тенденции к монополизации рынка кредитования реального сектора со стороны нескольких крупных банков, имеющих устойчивую ресурсную базу. Всем остальным кредитным организациям в отсутствие «длинных» денег приходится искать другие источники ресурсов.

В связи со сказанным хотелось бы коснуться проблемы участия государства в процессе кредитования реального сектора экономики. В начале октября 2008 г. власти приняли решение о выделении банковской системе на эти цели 950 млрд рублей. Несмотря на то что правильность принятого решения по поддержке банковского сектора, если не брать в расчет влияние этого обстоятельства на темпы роста инфляции в стране, не вызывает серьезных возражений, механизм распределения средств представляется не совсем продуманным. Так, для банков, входящих в число 100 крупнейших кредитных организаций страны, с уставным капиталом от 5 млрд до 20 млрд руб., потери, обусловленные проблемами на фондовом рынке, а также оттоком пассивов в сегменте частных лиц, по оценкам экспертов, составляют в среднем 20 млрд руб. В этом случае в соответствии с принятой методикой распределения средств для таких банков кредит от государства в размере 15% величины уставного составит максимум 3 млрд руб. При этом еще 30% от этой суммы должны будут внести акционеры. В результате получается, что за счет этой меры банк может получить вливание в сумме не более чем 9 млрд руб., что не покрывает и половины его текущих финансовых потерь.

Второй проблемой, с которой столкнулись отечественные компании в процессе привлечения средств, является стоимость кредита. Уровень процентных ставок в зависимости от финансового состояния заемщика, размера предлагаемого обеспечения и сроков кредитования колеблется в настоящее время в пределах 14–17% годовых. Это почти в два раза дороже, чем у европейских банков, которые в среднем предоставляют кредиты крупным российским компаниям по ставке LIBOR плюс 1,5–3%. К концу года наметилась тенденция к дальнейшему росту данной величины, и многие предприятия почувствовали удорожание кредитов не только в российских банках но и за рубежом. Наиболее ощутимый рост процентных ставок наблюдается в сегменте кредитования малого бизнеса. Связано это прежде всего с тем обстоятельством, что в отношении малых предприятий в силу незначительных масштабов их деятельности и малого срока существования риски невозврата средств достаточно велики. Поэтому банки вынуждены включать в цену выдаваемого кредита компенсирующие надбавки на случай неплатежеспособности заемщика.

Необходимо также затронуть вопрос государственного субсидирования банковских процентных ставок по кредитованию реального сектора. Заявления об этом неоднократно поступали от представителей властных структур различных уровней. На наш взгляд, само по себе субсидирование не является панацеей для промышленных предприятий и кредитующих их банков: оно не решит проблемы удорожания кредитов, если общая ситуация на рынке не изменится. Кроме того, в отсутствие механизма,

позволяющего правительству контролировать процесс ценообразования в банковской сфере, введение подобных мер может привести к тому, что банки сконцентрируют свое внимание на получении максимального объема правительственных субсидий, а не на оценке кредитоспособности заемщиков, что в условиях финансовой нестабильности представляется более актуальным.

Помимо названных выше двух основных проблем, которые были характерны для банковской системы страны, и до возникновения кризисных явлений в данном секторе в условиях финансовой нестабильности проявились новые «узкие места» в отношениях предприятий и банков.

С нарастанием кризисных явлений в экономике, связанных прежде всего с падением курса акций большинства российских компаний, возникает риск того, что долевые ценные бумаги предприятий-заемщиков будут приобретены третьими лицами по текущим рыночным котировкам, опустившимся до предельно низких величин. Дело в том, что большинство крупных акционерных компаний брали кредиты, в том числе под залог акций либо под залог экспортных поставок или выручки. В условиях глобального кризиса наблюдается снижение экспортного и текущего оборота и обесценивание ценных бумаг данных фирм, что при падении биржевых котировок, служащих спусковым механизмом для «марджинколов», ведет к значительным финансовым потерям для этих компаний. Помимо того, что действие данного фактора уже повлекло за собой отток из страны значительных сумм, оно может стать стимулом к скупке за бесценок российской промышленной собственности. Это уже вопрос национальной безопасности. Поэтому в данной ситуации стратегически важным можно считать задачу поддержания котировок акций российских компаний на фондовом рынке, что не столь сложно при нынешних объемах торгов. Для банков-кредиторов это грозит также ростом числа враждебных поглощений или недружественных слияний заемщиков, в результате которых возврат ранее выданных кредитов может быть весьма осложнен. Поэтому при рассмотрении кредитных заявок предприятий банки должны будут уделять особое внимание существующей структуре акционерного капитала и возможности смены собственников.

Еще одной проблемой является сужение рынков сбыта готовой продукции и услуг для многих российских компаний. В последнее время с увеличением государственного заказа и общего подъема в экономике ситуация стабилизировалась. Однако даже крупные предприятия несут весьма значительные риски в случае потери или сокращения фронта работ. К сожалению, не все компании успевают провести соответствующую реструктуризацию затрат, и условно постоянные расходы могут привести к убыткам. А это может побудить компании к отказу от исполнения ранее подписанных соглашений без выплат соответствующих компенсаций, в том числе и задолженностей по банковским кредитам. Поэтому при анализе кредитоспособности заемщика акцент банком должен быть сделан не столько на оценке текущих финансовых показателей, сколько на их прогнозных значениях с учетом возможных изменений конъюнктуры рынков, на которых работает клиент.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Органы НКВД–НКГБ Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

23 сентября 1937 г. вышло Постановление Центрального исполнительного комитета СССР о разделении Северной области на Вологодскую и Архангельскую. Вологодская земля вновь обрела статус самостоятельной административно-территориальной единицы. Как следствие начинается формирование местных органов власти. 29 сентября 1937 г. увидел свет приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00623 об образовании Управления народного комиссариата внутренних дел по Вологодской области.

Перед областными органами внутренних дел и государственной безопасности была поставлена задача по организации эффективной охраны общественного порядка на территории общей площадью 150 тыс. кв. км. В сферу внимания сотрудников областного УНКВД попадали 43 района, 13 городов, 790 сельсоветов. На 17 января 1939 г. на территории области проживали 1 662 258 чел., из них на долю сельского населения приходилось 1 377 277 чел., городского – 284 981 чел.¹

Справедливости ради следует отметить, что на волне массовых политических репрессий во второй половине 1930-х гг. сталинское руководство больше волновала борьба не с уголовной преступностью, а с идеологическими противниками. Все это накладывало отпечаток на формирование структуры и функций аппарата местных органов внутренних дел и государственной безопасности.

Штат Управления НКВД по Вологодской области на конец 1937 г. включал управление государственной безопасности (УГБ), в состав которого входили отделы: 2-й (оперативный), 3-й (контрреволюционный), 4-й (секретно-политический), 5-й (особый отдел), 8-е отделение (учетно-статистическое), 9-е отделение (шифросвязи), 10-й (тюремный), 11-й (водного транспорта), а также 12-е отделение (оперативной техники); управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ), отдел актов гражданского состояния (ОАГС), отдел пожарной охраны (ОПО), административно-хозяйственный отдел (АХО), отдел внутренней охраны (ОВО), отдел мест заключения (ОМЗ), финансовый отдел (ФО), секретариат управления.

Начальником областного УНКВД был назначен Сергей Георгиевич Жупахин – бывший сотрудник второго отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, доверенное лицо наркома внутренних дел Н.И. Ежова. Прибыв в областную центр в конце сентября 1937 г., С.Г. Жупахин активно начал претворять в жизнь директивы и приказы НКВД

о борьбе с «врагами народа». Репрессиям подвергались священнослужители, бывшие торговцы, кулаки, старообрядцы, сектанты, независимые в суждениях партийные работники, не лояльные к власти ученые, деятели науки и культуры, а также другие категории граждан, представлявшие опасность для сталинского режима.

К осени 1938 г. большая часть «контрреволюционного подполья», судя по циркулярам и отчетам УНКВД, была разгромлена. За активную ликвидацию «повстанческо-эсеровского и кулацкого элемента» были награждены начальники Биряковского, Вохомского, Устюженского, Борисово-Судского районных отделов НКВД. Каждому из них была объявлена благодарность и вручены именные часы с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Другим начальникам райотделений было предложено активнее приводить в жизнь «боевые директивы народного комиссара внутренних дел СССР генерального комиссара государственной безопасности тов. Ежова»².

Репрессивные акции сопровождались грубейшими нарушениями «революционной законности», о чем неоднократно упоминается в документации органов НКВД. Так, начальник Вохомского райотделения НКВД младший лейтенант госбезопасности Черный в июле 1938 г. выслал в УНКВД справку для получения санкции на арест гражданки Шольхаевой, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-6 и 58-10 УК РСФСР (шпионаж и антисоветская агитация). В справке указывалось, что Шольхаева, являясь уроженкой Эстонии, систематически ведет контрреволюционную агитацию и пропаганду среди окружающих и занимается шпионажем в пользу одного из иностранных государств. Однако при проверке выяснилось, что Шольхаева была уроженкой не Эстонии, а Белоруссии, за границей никогда не была, иностранными языками не владела по причине полной неграмотности³.

Как правило, при проведении следственных мероприятий нормы Уголовно-процессуального кодекса игнорировались. Очные ставки со свидетелями не проводились, обвиняемые допрашивались без перерыва несколько дней подряд, протоколы допросов велись небрежно. К примеру, Леденгским райотделом НКВД за распространение контрреволюционной литературы был арестован гражданин Саков. В протоколе допроса свидетеля Маркова работником райотдела Вязниковым записано: «Саков на протяжении целого года вместе со своей литературой в шкафу

хранил контрреволюционную троцкистскую литературу и, кроме этого, производил распространение последней методом выноса к.-р. литературы в общественные места (уборную)⁴.

В процессе дознания нередко применялись методы физического воздействия на подсудимых, вплоть до их физического истязания. Примечательно, что наказание за подобные нарушения было весьма символическим. Так, в июне 1938 г. сотрудники 3-го и 4-го отделов УГБ сержанты госбезопасности А.Я. Мишин и М.Н. Платонов за «античекистские методы» допроса участников «эсеровско-меньшевистской организации» были наказаны 5 сутками ареста с исполнением служебных обязанностей⁵.

Концентрация усилий УНКВД Вологодской области на борьбе с «врагами народа» привела к снижению качества борьбы с уголовной преступностью. В приказе областного УНКВД № 161сс от 22 марта 1938 г. «Об итогах обследования районных отделений милиции Вологодской области» отмечалось, что дисциплина среди личного состава неудовлетворительная, правила ношения форменной одежды не соблюдаются, агентурно-оперативная работа запущена, учет преступного элемента не организован, розыск преступников проводится формально⁶.

Данные факты, равно как и вопиющие случаи произвола сотрудников местных органов госбезопасности, не остались незамеченными. 14 декабря 1938 г. С.Г. Жупахин был арестован, а 16 мая 1940 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР за измену родине (ст. 58-1 «а» УК РСФСР), подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения, организацию контрреволюционного подполья (ст. 58-7 УК РСФСР)⁷.

19 декабря 1938 г. на должность начальника Управления НКВД по Вологодской области был назначен бывший начальник 12-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР майор госбезопасности Петр Павлович Кондаков⁸.

В сентябре 1938 г. вводится новая структура местных УНКВД, в которой ведущая роль по-прежнему оставалась за органами госбезопасности. Рассмотрим подробнее структуру и функции Управления государственной безопасности УНКВД Вологодской области.

Секретно-политический отдел (21 чел.) включал в себя 4 отделения.

Первое отделение СПО специализировалось на работе с троцкистами, зиновьевцами и другими антипартийными группами. Так, сотрудники отдела осуществляли разработку троцкистской организации «Северный союз», филиалы которой, по их данным, действовали в Леденгском и Рослятинском районах. В Великом Устюге разрабатывалась организация «Демократическое единство», состоявшая из бывших эсеров. Последние, как выяснилось в ходе следствия, готовили покушение на И.В. Сталина. Террористический акт должен был состояться у переправы через р. Оку на артиллерийский полигон. Один из эсеров должен был выстрелить в советского вождя из нагана⁹.

Второе отделение СПО отвечало за антисоветские организации, националистические формирования, религиозные и сектантские объединения. По данным сотрудников второго отделения, среди населения Вологодской области большой популярностью продолжали пользоваться религиозные праздники. Так, в апреле 1939 г. во время празднования Пасхи в г. Вологде Богородскую церковь посетили 4500 чел., Горбачевскую – 1000 чел. Наплыв верующих наблюдался

в церквях Череповца, Сокола, Харовска и других райцентров. Местным партийным органам рекомендовалось усилить антирелигиозную пропаганду среди населения¹⁰.

Третье отделение СПО курировало систему здравоохранения, просвещения, научные учреждения, писательские, художественные и спортивные организации. В январе 1939 г. сотрудниками третьего отделения СПО среди руководящих работников Вологодского горздравоотдела была вскрыта и ликвидирована «антисоветская вредительская группа». По оперативным данным, участники группы «сознательно срывали снабжение и создавали антисанитарное состояние в лечебно-оздоровительных учреждениях г. Вологды, способствовали распространению эпидемических заболеваний, умышленно загрязняли водные источники нечистотами и отбросами». Дело было направлено для расследования в областную прокуратуру¹¹.

В другом случае объектом пристального внимания органов госбезопасности стало состояние Кувшиновской психиатрической лечебницы, в которой был выявлен ряд грубейших фактов нарушения лечения больных. Выяснилось, что 700 пациентов обслуживало всего 7 врачей, причем среди них не имелось ни одного квалифицированного врача-психиатра. Ввиду переполненности помещений больные были вынуждены спать на полу, из-за отсутствия столовой посуды принимали пищу из ночных горшков. Особенно беспокоило сотрудников НКВД отсутствие охраны отделения, где содержалась группа подсудимых больных, которые в любой момент могли совершить побег из лечебницы¹².

Тщательно следили компетентные органы и за идеологическим содержанием газет, вузовских лекций, школьных учебников, театральных постановок, музейных экспозиций. Так, по их ходатайству была запрещена выставка икон и церковного инвентаря, подготовленная Вологодским областным краеведческим музеем. Это мотивировалось тем, что данная выставка по своему содержанию «направлена на пропаганду религии», «не отражает задач социалистического строительства» и «содержит массу грубых политических ошибок»¹³.

Большой резонанс в Вологде произвела статья «Диалектика по-вологодски», опубликованная в одном из июльских номеров «Правды» за 1939 г. В ней критиковалась работа кафедры марксизма-ленинизма Вологодского государственного педагогического института. Органы НКВД весьма оперативно отреагировали на ситуацию: «По данным, имеющимся в нашем распоряжении, в ВГПИ имеется ряд существенных недочетов, которые снижают качество подготовки будущих преподавателей. К числу таких недочетов, в первую очередь, следует отнести протаскивание в преподавании под видом научных открытий идеологических вредных теорий, являющихся ревизией марксистско-ленинского учения и эволюционного учения Дарвина о происхождении жизни на Земле». Труды ряда преподавателей института были посланы на экспертизу в Академию наук СССР, где были подвергнуты разгромной критике¹⁴.

В борьбе с идеологическими противниками сотрудники СПО допускали и явные перегибы. Так, 30 января 1939 г. в Лежском районе Вологодской области у гражданки Петровой была изъята шерстяная шаль «с вышитой на ней фашистской свастикой». При допросе испуганная гражданка показала, что данная шаль была куплена ее матерью на рынке еще до революции, а впоследствии досталась ей в качестве

приданного. Так или иначе, шаль была изъята, а сотрудникам местного районного отделения НКВД было предписано установить ее изготовителя¹⁵.

В другой раз под подозрение в проведении антисоветской агитации попал житель г. Череповца. При обыске у последнего была изъята разрезанная газета, причем линия разреза проходила по голове одного из депутатов Верховного Совета РСФСР. Сотрудники НКВД предположили, что вырезка была произведена умышленно¹⁶.

9 мая 1939 г. в областной газете «Красный Север» в сообщении о награждении советским правительством сельских учителей была допущена грубая ошибка – вместо слова «награжденных» напечатано «нагажденных». Органы НКВД конфисковали 7609 экземпляров этого номера¹⁷.

Четвертое отделение СПО осуществляло контроль за деятельностью военизированных организаций. Сотрудники этого подразделения внимательно следили за работой по мобилизации и призыву молодежи в армию, предупреждали недостатки в работе пожарных команд, милиции и других военизированных формирований.

Работа по обеспечению призыва приобрела особое значение в связи с начавшейся в ноябре 1939 г. советско-финляндской войной. На основании приказа Наркомата обороны СССР в Вологодской области к 15 января 1940 г. должны были быть сформированы три батальона добровольцев-лыжников. Областной военкомат разослал повестки 500 гражданам, состоявшим на военном учете. Однако по призыву явились лишь 40 чел., причем только 3 призывника дали согласие проходить службу в РККА. О сложившейся ситуации были срочно проинформированы Наркомат обороны и местные органы власти.

Характерно, что большинство сотрудников НКВД выразили желание пойти добровольцами на фронт. Например, в Кирилловском районе все сотрудники, за исключением начальника райотдела, подали рапорта о зачислении их добровольцами. Руководство УНКВД выразило категорический протест против попыток «оголять аппарат системы НКВД и за счет него выходить из прорыва, созданного по вине Облвоенкомата»¹⁸.

Контрразведывательный отдел (12 чел.) УГБ УНКВД Вологодской области состоял из двух отделений. Первое отделение вело борьбу со шпионажем, второе – с внутренней и национальной контрреволюцией. 17 августа 1939 г. на имя начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР старшего майора госбезопасности И.А. Серова было отправлено следующее спецсообщение: «УНКВД по ВО разрабатывается макетчик Вологодского областного музея Краббе... Краббе чрезвычайно подозрителен как агент немецкой разведки. Среди узкого круга близких знакомых он систематически ведет активную антисоветскую пропаганду, основными мотивами которой являются ненависть к советской власти и всему русскому, восхваление Германии, фашизма и капиталистического строя, причем характер пропаганды дает основания полагать, что Краббе не просто ведет антисоветские разговоры, а обрабатывает часть своих знакомых в антисоветском духе. Клевеща на советский строй, Краббе обычно заканчивает «пророчеством» о неизбежности скорой войны и гибели советской власти... Наряду с этим Краббе занимается сбором фотоснимков и карт, характеризующих экономику и топографию Вологодской области»¹⁹. Естественно, что после данной характеристики упомянутому музейному сотруднику было уделено соответствующее внимание.

В директивах НКВД СССР подчиненным им территориальным органам госбезопасности предписывалось постоянно руководить как Москву, так и местное партийное руководство о состоянии дел в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и кооперации, сфере услуг. Эта задача возлагалась на экономический отдел (25 чел.) УГБ УНКВД, в составе которого числилось 5 отделений. Первое отделение курировало предприятия машиностроения, строительства, химической и текстильной промышленности; второе – предприятия коммунального хозяйства, легкой, пищевой и местной промышленности; третье – сельское хозяйство; четвертое – сферу финансов, торговли и кооперации; пятое – предприятия лесной промышленности.

Специальные сообщения с обзором социально-экономической ситуации в регионе с завидной регулярностью ложились на стол наркомата внутренних дел Л.П. Берии и секретаря Вологодского обкома ВКП(б) П.Т. Комарова. Так, в спецсообщении от 22 февраля 1939 г. «О состоянии торговли и финансовом положении Чагодощенского райпотребсоюза» говорилось: «Торговля в Чагодощенском районе в течение всего 1938 г. ... находится в явно неудовлетворительном состоянии. Товары первой необходимости, в особенности продуктовые, систематически в продаже отсутствуют не только в сельской местности, но и в райцентре». Далее отмечалось, что в связи с плохим положением в снабжении населения «среди рабочих и служащих наблюдается недовольство и имеет место большая текучесть рабочей силы»²⁰.

22 февраля 1939 г. в УНКВД Вологодской области поступили сведения о том, что на швейной фабрике имени Клары Цеткин выпускается большое количество некачественной продукции. Только на одной из сбытовых контор г. Ленинграда было забраковано 17 тыс. военных телогреек и шаровар. Основными причинами брака, по данным расследования, являлись невыдержанный стандарт в длину, укороченный воротник, узкий рукав, редкая строчка, шитый производственный мусор, неровный настил ваты²¹.

Оперативное обслуживание предприятий автомобильного, воздушного и водного транспорта осуществляло Транспортное управление УГБ УНКВД (13 чел.). В марте 1941 г. после выделения из состава НКВД СССР в качестве самостоятельного ведомства Народного комиссариата государственной безопасности СССР за местными органами госбезопасности было закреплено также оперативное обслуживание железнодорожного транспорта, для чего были организованы отделения НКГБ на станциях Вологда и Бабаево, оперативный пункт на станции Череповец²².

Анализом, обобщением и хранением поступающей оперативной информации занимался 1-й спецотдел УНКВД (11 чел.), который включал в себя две группы. Первая группа вела учет агентуры, вторая – формировала общесправочную картотеку, осуществляла дактилоскопию, принимала жалобы и заявления граждан. В состав 1-го спецотдела также входило 2-е спецотделение (8 чел.), которое занималось обслуживанием оперативной техники, и 3-й спецотдел (4 чел.), осуществлявший наружное наблюдение.

В 1939 г. в составе УНКВД появляется архивный отдел, осуществлявший контроль за деятельностью архивных учреждений Вологодской области. В структуре архивного отдела был создан отдел секретных фондов (особый архив). Его основной задачей являлось хранение документальных материалов, представлявших интерес для органов госбезопасности. Штат особого архива насчитывал 3 сотрудника, кото-

рые были подобраны из числа «ударников архивного дела», имели пролетарское или крестьянское происхождение и числились в ВЛКСМ²³. Помещение особого архива находилось в нижнем этаже Вологодского областного краеведческого музея. Архив обрабатывал дореволюционные фонды на предмет выявления «антисоветского и контрреволюционного элемента», принимал на хранение дела с оперативной информацией, выдавал справки органам НКВД, партийным и советским инстанциям. По состоянию на 1 января 1941 г. в особом архиве находилось на хранении 225 фондов (83 014 единиц хранения). В процессе разработки документальных материалов было выявлено 10 593 бывших служащих царской полиции, жандармерии, прокуратуры, суда, тюрем, участников оппозиционных политических партий и контрреволюционных восстаний, белогвардейцев, лиц, побывавших за границей и подозреваемых в шпионаже²⁴.

Рост полномочий органов НКВД в конце 1930-х гг., усиление их контроля над общественно-политической и экономической ситуацией в регионе объективно вели к конфликту с партийными инстанциями, органами суда и прокуратуры. Характерно, что начальники городских и районных отделов НКВД не боялись вступать в открытую конфронтацию с местными партийными работниками²⁵. Более того, руководство областного УНКВД даже собирало компронат на ряд руководящих работников областного уровня, в частности на областного прокурора Ксенофонтова, который неоднократно отказывался давать санкцию на арест лиц, разрабатываемых органами госбезопасности²⁶.

В начале 1941 г. структура областного НКВД претерпевает значительные изменения в связи с разделением наркомата на два ведомства – Народный комиссариат внутренних дел СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00212 от 26 февраля 1941 г. организовывалось Управление народного комиссариата внутренних дел по Вологодской области. В структуру УНКВД входили секретариат, мобинспекция, 1-й специальный отдел, 6-е отделение, управление рабоче-крестьянской милиции, отдел пожарной охраны, архивный отдел, отдел исправительно-трудовых колоний, тюремный отдел, отдел кадров, финансовый и административно-хозяйственный отделы²⁷.

Одновременно на основании приказа НКГБ СССР № 0010 от 26 февраля 1941 г. было организовано Управление народного комиссариата государственной безопасности по Вологодской области. В структуру областного УНКГБ вошли контрразведывательный отдел, секретно-политический отдел, следственная часть, 2-й отдел (учетно-статистический), 3-й отдел (наружное наблюдение, установки, аресты и обыски), 4-е отделение (оперативной техники), 5-е отделение (шифрование и охрана государственной тайны), отдел кадров, административно-хозяйственный отдел, секретариат управления. Контрразведывательный отдел возглавил старший лейтенант госбезопасности А.Д. Соколов, секретно-политический отдел – старший лейтенант госбезопасности А.А. Ковригин, следственную часть – старший лейтенант госбезопасности Б.С. Есиков²⁸.

Разделение единого НКВД СССР на два наркомата преследовало цель четко разграничить сферу деятельности этих ведомств. Главной задачей НКВД оставалась борьба с преступностью и охрана общественного порядка, НКГБ – обеспечение государственной безопасности. Последняя подразумевала

разведывательную деятельность за границей, борьбу с подрывной шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок и их агентов внутри СССР, противодействие остаткам антисоветских партий и контрреволюционных формирований, охрану руководителей партии и государства²⁹.

Новые изменения в организационной структуре органов государственной безопасности повлекла за собой Великая Отечественная война. Для эффективного взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с врагом Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ вновь объединились в единый Народный комиссариат внутренних дел. Наркомом внутренних дел остался Л.П. Берия, бывший нарком госбезопасности В.Н. Меркулов стал его первым заместителем. Приказом НКВД № 00983 от 31 июля 1941 г. была объявлена новая структура аппарата НКВД СССР, включавшая 47 управлений, отделов и групп. Аналогичные преобразования претерпевает структура областного УНКВД.

В октябре 1941 г. штат Управления НКВД по Вологодской области включал следующие подразделения: руководство (5 чел.); секретариат (11 чел.); контрразведывательный отдел (14 чел.); секретно-политический отдел (27 чел.); экономический отдел (19 чел.); 1-й спецотдел (14 чел.); 2-е спецотделение (4 чел.); 3-й спецотдел (5 чел.); 5-е спецотделение (5 чел.); управление милиции (113 чел.) в составе отдела уголовного розыска (32 чел.), отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (16 чел.), оперотдела (10 чел.), паспортно-регистрационный отдела (18 чел.), отдела службы и боевой подготовки (10 чел.), государственной автомобильной инспекции (4 чел.), квалификационной комиссии (5 чел.), отдела актов гражданского состояния (5 чел.); отдел пожарной охраны (16 чел.); тюремный отдел (13 чел.); отдел кадров (18 чел.); хозяйственный отдел (106 чел.); финансовый отдел (12 чел.); мобилизационную группу (1 чел.). Общая численность аппарата УНКВД составляла 383 чел.³⁰

Масштабы работы, возлагаемой на оперативные подразделения НКВД СССР, с началом Великой Отечественной войны многократно выросли. В соответствии с директивой НКВД СССР № 001474 от 8 октября 1941 г. УНКВД по Вологодской области были приняты в агентурно-оперативное обслуживание городские и районные военкоматы, ранее находившиеся в оперативном обслуживании особого отдела Архангельского военного округа. К моменту приема из 40 в 19 районных военкоматах агентурная сеть отсутствовала, а в остальных имелось по одному-два осведомителя³¹. Фактически пришлось формировать агентурно-осведомительную сеть заново.

В мае 1942 г. на территории Вологодской области была проведена перепись к призывным участкам граждан 1924 года рождения. Всего было приписано 16 230 чел., в том числе 12 631 чел., годный к строевой службе. В состав призывных комиссий входили оперативные работники, которые занимались изучением призывного контингента. Судя по оперативным материалам, большинство призывников приходило в военкоматы с патриотическим настроением. Однако встречались и те, кто не желал быть «пушечным мясом». Так, по донесениям осведомителя один из призывников заявил: «Если меня возьмут в Красную Армию, то я за советскую власть воевать не буду, перейду к немцам и буду им помогать»³².

Также было установлено, что ряд военкомов занимаются злоупотреблениями, в том числе незаконным

бронированием. Так, один их военкомов, находясь в служебной командировке в Вожегодском районе, заявил председателю одного из колхозов: «Если ты меня устроишь с мясом, дашь хотя бы одного барана, то я устрою тебе отсрочку от мобилизации в Красную Армию, а если не сделаешь, то сразу отправлю на войну»³³. Упомянутый сотрудник военкомата был снят с занимаемой должности и направлен в действующую армию.

На основании распоряжения НКВД СССР № 560 от 1 октября 1941 г. секретно-политическим отделом УНКВД Вологодской области были приняты в оперативное обслуживание 10 строительных батальонов, входивших в систему Управления авиационно-строительного НКВД Ленинградской области, с общим количеством командного и рядового состава 10 315 чел. Для выявления и разработки в строительных батальонах «враждебного элемента» было завербовано в качестве осведомителей 285 чел., в том числе 29 чел. в качестве резидентов, 18 – в качестве агентов, 238 – в качестве осведомителей. По поступившим оперативным материалам был взят в агентурную разработку 141 чел., в основном лица немецкой и финской национальностей, выражавшие «пораженческие настроения». Кроме того, к уголовной ответственности было привлечено 19 чел., совершивших хищения и кражи³⁴.

Оперативные мероприятия позволяли выявлять факты злоупотреблений и самоуправства среди командиров воинских подразделений. Так, в декабре 1941 г. во время передислокации 458-го отдельного строительного батальона Военно-дорожного управления Главного управления строительства шоссейных дорог НКВД СССР из Тотемского района на новый участок работ в г. Тихвин во время марша один из красноармейцев обессилел. Не считаясь с состоянием бойца, командир приказал ему встать в строй и следовать дальше. Тогда указанный боец попросил своих товарищей помочь ему двигаться дальше. Политрук роты, расценив данный факт как призыв к неповиновению, приказал расстрелять бойца перед строем, что и было исполнено³⁵. По данному факту было возбуждено уголовное дело.

Во исполнение приказа НКВД СССР № 1057 от 22 мая 1942 г. секретно-политическим отделом УНКВД были приняты в агентурно-оперативное обслуживание 7 эвакуационных и тыловых госпиталей Наркомздрава СССР, дислоцировавшихся в Череповецком, Бабаевском, Кирилловском, Междуреченском, Белозерском и Тотемском районах. По состоянию на 1 августа 1942 г. в указанных спецгоспиталях на лечении находилось 857 раненных и пораженных в боях военнослужащих РККА. Для изучения недостатков в работе эвакуационных госпиталей, а также для выявления среди обслуживающего персонала и прибывших на лечение бойцов и командиров РККА «антисоветского и шпионского элемента», дезертиров, членовредителей, симулянтов был сформирован агентурно-осведомительный аппарат в составе 22 секретных сотрудников. Через агентуру было установлено, что среди раненых бойцов и обслуживающего персонала имеют место факты недисциплинированности, пьянства и бытового разложения, в том числе случаи интимных связей между больными и медсестрами³⁶.

После проведения массовой мобилизации мужчин в армию половозрастная структура населения заметно изменилась. Значительную часть населения составляли женщины, мужья которых ушли на фронт. Осенью 1941 г. перед органами НКВД была поставлена задача по оперативной разработке женского на-

селения. На оперативный учет должны были браться женщины, распространявшие пораженческие слухи, проводившие антисоветскую агитацию, а также те, чьи мужья или родственники были репрессированы органами НКВД. За период с 1 ноября 1941 г. по 1 января 1942 г. по области была сформирована агентурно-осведомительная сеть из 394 женщин, включавшая 40 резидентов, 5 агентов и 349 осведомителей³⁷. Отныне любое неосторожное высказывание, направленное в адрес советской власти, становилось предметом оперативного интереса.

В сложных условиях военной действительности органы НКВД регулярно информировали руководство Вологодской области о негативных фактах в жизни населения, недостатках в работе государственных органов. Только за октябрь–ноябрь 1942 г. было зарегистрировано 485 жалоб от населения на экономические затруднения и на бездействие со стороны местных властей³⁸. Из спецсообщений УНКВД секретарь Вологодского обкома ВКП(б) П.Т. Комаров неоднократно узнавал о недостатках в материальном обеспечении эвакуированных, фактах симуляции и нарушениях трудовой дисциплины, массовом забое колхозного скота, критических настроениях по отношению к партийной элите и других негативных сторонах жизни.

Необходимость планомерного контроля над настроениями населения привела к появлению в январе 1943 г. при втором спецотделе УНКВД отделения военной цензуры, которое осуществляло перлюстрацию писем. Штат данного отделения насчитывал 34 сотрудника и включал начальника отделения, старшего оперуполномоченного, 2 оперуполномоченных, 4 помощников оперуполномоченного, 24 контролеров и двух младших контролеров. Отделению подчинялись 18 пунктов военной цензуры, которые располагались в районных центрах области³⁹.

В июне 1942 г. вышел приказ НКВД СССР № 001321 «О разработке документальных материалов государственных архивов на немецких шпионов», который обращал внимание оперработников на фонды жандармских управлений царской России как источник о деятельности немецких, румынских и других агентов в 1900–1917 гг.⁴⁰ В докладной записке на имя начальника Управления государственными архивами НКВД СССР майора госбезопасности И.И. Никитинского от 11 ноября 1942 г. сотрудники архивного отдела УНКВД Вологодской области отчитывались, что ими взяты на учет 1489 лиц, работавших в дореволюционной России в немецких компаниях и фирмах, а следовательно, подозреваемых в сотрудничестве с германской разведкой⁴¹.

Всего за 1939–1943 гг. сотрудниками архивного отдела было поставлено на учет по всем оперативным окраскам 19 695 чел., в том числе 7610 служащих царской полиции, жандармерии, тюрем, суда и прокуратуры, 555 негласных сотрудников царской охраны, 7 содержателей конспиративных квартир, 1021 офицер царской армии, 1552 члена оппозиционных политических партий, 761 участник контрреволюционных восстаний, 3036 дезертиров и саботажников, 1087 чел., побывавших в немецком и австрийском плену в период Первой мировой войны, 696 бывших иностранных поданных, 134 сотрудника компании «Зингер», 1489 лиц, подозреваемых в военном шпионаже, и т.п.⁴²

В 1943 г. в ведении отдела государственных архивов УНКВД находились Государственный областной архив в г. Вологде, его филиал в г. Великом Устюге, а также 43 районных архива. В дни войны коллектив сотрудников ОГА проводил работу по сбору докумен-

тальных материалов, содержавших ценные сведения по вопросам развития народного хозяйства, обороны страны. На основании выявленной в архивных документах информации осуществлялся сбор редких лекарственных трав, велась разработка минеральных источников, торфяников, соляных скважин и других природных ископаемых, в которых испытывала острую потребность местная промышленность. Коллектив архивистов принимал активное участие в оказании помощи фронту путем сбора теплых вещей для бойцов Красной Армии и детей, оставшихся без родителей, в приобретении облигаций государственного военного займа 1942 г., в сборе денежных средств для построения танковой колонны «Чекист»⁴³.

Сотрудники оперативных подразделений вели работу по предотвращению массовых эпидемий и бактериологических диверсий. По всем случаям массовых вспышек эпидемиологических заболеваний среди населения Вологодской области проводились расследования, в том числе с использованием специальных методов. Так, при возникновении эпидемии сыпного тифа в марте–апреле 1942 г. среди населения Грязовецкого, Тотемского, Череповецкого и Бабушкинского районов туда был командирован ряд маршрутных агентов с целью выяснить причины заболевания, установить его очаг. Фактов, свидетельствующих о свершении бактериологической диверсии, обнаружено не было. За первое полугодие 1942 г. за нарушение санитарно-профилактических мероприятий органами милиции и прокуратурой было привлечено к уголовной ответственности 15 чел., к административной – 820 чел.⁴⁴

Благодаря оперативной информации, собираемой органами НКВД, современный исследователь может судить о демографических процессах, происходивших в Вологодской области в период Великой Отечественной войны. Отчетная документация УНКВД свидетельствует о том, что начиная с февраля 1942 г. смертность населения Вологодской области превышала рождаемость. За январь–май 1942 г. родилось 21 214 чел., умерло 39 465. Таким образом, за указанный период естественная убыль населения составила 18 554 чел.

Пик смертности приходился на областной центр. Если в первом квартале 1941 г. в городе Вологде смертность по отношению к рождаемости составляла 85%, то в первом квартале 1942 г. – 340%. Наибольший процент смертности приходился на эвакуированное население и лиц, освобожденных из мест заключения. Так, из 3280 чел., умерших в г. Вологде за первый квартал 1942 г., 1026 чел. являлись эвакуированными, 288 – бывшими заключенными, 241 – лицами с неустановленными данными. Главными причинами смертности в отчетах НКВД называются болезни пеллагра, дистрофия, пневмония, дизентерия, сыпной тиф, корь, дифтерия⁴⁵.

В целях борьбы со смертностью органами НКВД были осуществлены следующие мероприятия. Во-первых, о состоянии движения населения был проинформирован секретарь Обкома ВКП(б). Во-вторых, периферийным органам НКВД было дано задание усилить контроль над учреждениями здравоохранения. В-третьих, органам милиции поручалось организовать работу по поддержанию санитарного состояния в городских и районных центрах области.

24 июня 1941 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», возложив его исполнение на НКВД СССР. Во исполнение этого постановления

приказом НКВД СССР № 00804 от 24 июня 1941 г. при НКВД СССР организуется штаб, а при УНКВД – оперативные группы, которым поручалось в течение суток организовать при городских и районных отделах (отделениях) НКВД истребительные батальоны по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника⁴⁶. Их командный состав комплектовался в основном за счет личного состава войск НКВД и органов милиции. В соответствии с приказом начальника УНКВД Вологодской области № 0057 от 4 октября 1941 г. создается штаб истребительных батальонов, начальником которого назначается лейтенант госбезопасности Винокуров⁴⁷.

Согласно Временному положению об истребительных батальонах НКВД, утвержденному начальником УНКВД Вологодской области полковником госбезопасности А.П. Свиридовым в июле 1943 г., истребительные батальоны входили в состав районных и городских отделов НКВД. На истребительные батальоны возлагались следующие задачи: борьба с вражескими парашютистами, шпионами, диверсантами и ракетчиками; наблюдение за направлением полетов вражеских самолетов, местами вероятной посадки самолетов и гидросамолетов, возможной высадки десантов и парашютистов противника; организация взаимодействия с системой местной противовоздушной обороны; задержание дезертиров и других подозрительных лиц; борьба с проявлениями бандитизма; взаимодействие в решении поставленных задач с частями Красной Армии, гарнизонами войск НКВД и органами милиции; контроль за работой групп содействия, формируемых из числа местных жителей⁴⁸.

За годы войны сотрудниками НКВД и истребительными батальонами Вологодской области было ликвидировано 32 группы вражеских диверсантов, изъято свыше 200 винтовок, автоматов, пистолетов, 1156 кг взрывчатки, 1 437 682 руб. При этом на территории области не было допущено ни одной серьезной диверсии⁴⁹.

В 1944 г. линия фронта значительно удаляется от границ Вологодской области, что существенным образом повлияло на обстановку в регионе. 4 октября 1944 г. вышел приказ УНКВД по Вологодской области о расформировании Вологодского, Вашкинского, Великоустюгского, Кич-Городецкого, Нюксенского, Никольского, Тотемского и Чарозерского истребительных батальонов. Оружие и снаряжение, состоявшее на вооружении истребительных батальонов, передавалось в распоряжение городских и районных отделов НКВД⁵⁰.

Другим важным направлением деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны была борьба с дезертирами. За первое полугодие 1942 г. на территории Вологодской области было задержано 2304 военнослужащих, дезертировавших из РККА. Из них 1271 чел. был задержан сотрудниками милиции и УНКВД, 1033 чел. – сотрудниками транспортного отдела НКВД и дорожного отдела милиции. Из общего числа задержанных 1146 чел. были арестованы. Остальные дезертиры (1158 чел.) были переданы в военкоматы, воинские части или особые отделы НКВД. Помимо дезертиров за указанный период было выявлено 1684 лица, уклонявшихся от призыва и мобилизации в РККА, 1134 нарушителя военно-учетных правил передвижения. Из них 406 чел. были арестованы, 2411 чел. – переданы в военкоматы⁵¹.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны обусловил реорганизацию органов внутренних дел и государственной безопасности. Указом

Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1943 г. происходит новое разделение НКВД СССР на два наркомата – НКВД СССР и НКГБ СССР⁵². Аналогичные изменения происходят и на местах.

19 апреля 1943 г. Постановлением СНК № 915-138сс учреждается Главное управление контрразведки «Смерш», образованное на базе управления особых отделов НКВД. Органы военной контрразведки занимались разоблачением вражеских агентов, их диверсионной и подрывной деятельности в районах боевых действий на освобожденных территориях, а также осуществляли проверку благонадежности советских военнослужащих, бежавших из плена, вышедших из окружения и оказавшихся на оккупированной немецкими войсками территории.

Одновременно управление контрразведки «Смерш» было сформировано в составе НКВД СССР и его территориальных подразделений. Оно занималось выявлением агентуры противника и антисоветского элемента среди сотрудников органов внутренних дел. Данное направление работы приобрело большую значимость в связи с тем, что в годы Великой Отечественной войны на работу в органы НКВД было принято большое количество новых сотрудников, среди которых нередко встречались лица, имеющие судимость или скрывавшие свои подлинные биографические данные. Попутно с материалами об антисоветской деятельности разрабатываемых лиц сотрудники «Смерша» собирали материал о различных недостатках в работе аппарата НКВД⁵³.

Подводя итоги данной статье, необходимо отметить, что деятельность органов внутренних дел и государственной безопасности Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, органы НКВД-НКГБ являлись непосредственными исполнителями массовых политических репрессий, с другой – осуществляли комплекс мероприятий по охране общественного порядка и государственной безопасности. В условиях закрытости советского общества органы НКВД-НКГБ регулярно информировали высшее партийное руководство о процессах, происходивших в стране, обеспечивая обратную связь между центром и регионами, между властью и обществом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: СССР: административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1941 года. М., 1941. С. 40–41.

² Архив УВД по Вологодской области (далее – Архив УВД по ВО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–36об.

³ См.: Там же. Л. 60–60об.

⁴ Там же. Л. 121.

⁵ См.: Там же. Л. 80–81.

⁶ См.: Там же. Л. 23–24об.

⁷ См.: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941 гг.: Справочник. М., 1999. С. 193.

⁸ См.: Там же. С. 240.

⁹ См.: Архив УФСБ РФ по Вологодской области (далее – Архив УФСБ РФ по ВО). Ф. 1пх. Оп. 2. Д. 1. Л. 38, 41–43, 114.

¹⁰ См.: Там же. Л. 153–154.

¹¹ См.: Там же. Л. 6.

¹² См.: Там же. Л. 27–33.

¹³ Там же. Л. 13–14.

¹⁴ См.: Там же. Л. 293.

¹⁵ См.: Там же. Л. 36.

¹⁶ См.: Там же. Л. 310.

¹⁷ См.: Там же. Л. 256.

¹⁸ Там же. Л. 335–340.

¹⁹ Там же. Л. 211–216.

²⁰ Там же. Л. 77.

²¹ См.: Там же. Л. 76.

²² См.: Архив УВД по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.

²³ См.: На 1 января 1941 г. штат особого архива состоял из 7 чел., в том числе начальника, 2 старших архивистов и 4 архивно-технических работников.

²⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5325. Оп. 2. Д. 49. Л. 2–2об., 5, 22–27, 32об., 50–51.

²⁵ См.: См. подр.: Перебинос Ю.А. К вопросу о взаимоотношениях региональных партийных комитетов и территориальных органов внутренних дел в 1930-е гг. (на материалах Европейского Севера России) // Органы внутренних дел Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны: Сб. материалов науч.-практ. семинара. Вологда, 2006. С. 45–48.

²⁶ См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 1 пх. Оп. 2. Д. 1. Л. 244–249.

²⁷ См.: Архив УВД по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

²⁸ См.: Там же. Л. 10б.–2.

²⁹ См.: Там же. Л. 24.

³⁰ См.: Там же. Л. 357–375.

³¹ См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 3–5.

³² Там же. Л. 19об.–20.

³³ Там же. Л. 20.

³⁴ См.: Там же. Л. 9–12.

³⁵ См.: Там же. Л. 13об.

³⁶ См.: Там же. Л. 40–42.

³⁷ См.: Там же. Л. 6–8 об.

³⁸ См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 1пх. Оп. 14. Д. 6. Т. 1. Л. 284.

³⁹ См.: Архив УВД по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 21–21об.

⁴⁰ См.: Архив УВД по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 431. Л. 345.

⁴¹ См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 2. Д. 49. Л. 91–92.

⁴² См.: Рассчитано по данным: Там же. Л. 95–100.

⁴³ См.: Там же. Д. 49. Л. 97 об.; Д. 489. Л. 33; Д. 679. Л. 16–18.

⁴⁴ См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 25–27об., 45об.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 43–45об.

⁴⁶ См.: Моруков Ю.Н. История органов правопорядка России в точных датах. М., 2007. С. 103.

⁴⁷ См.: Архив УВД по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 43.

⁴⁸ См.: Там же. Д. 10. Л. 233–235.

⁴⁹ См.: Власова Я.С. Деятельность вологодской милиции в годы Великой Отечественной войны // Органы внутренних дел Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945). Вологда, 2006. С. 76.

⁵⁰ См.: Архив УВД по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 11. Л. 125.

⁵¹ См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 1. Л. 31.

⁵² См.: Архив УВД по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 442. Л. 88.

⁵³ См.: Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 51. Л. 16об.–17.

Осуществление надзора за лицами, отбывающими пожизненное заключение в Российском государстве с XII и до начала XX вв. (историко-правовые аспекты)

С.Ю. ВЕДРОВ – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Д.В. УГЛИЦКИХ – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

В истории системы исполнения наказаний в Российском государстве тюрьма как средство наказания преступников появляется довольно рано. Уже в правовых актах XII–XIII вв. говорится о заключении в погреба или порубы, сопровождавшемся заковыванием преступника в кандалы.

Еще больше возрастает роль тюрьмы в XVII в., когда классовая борьба между крестьянами и феодалами становится крайне острой. Управление тюремной системой в России в XVII в. было децентрализовано. Единого органа, который ведал бы тюрьмами, не существовало¹. Тюрьмы находились в ведомстве Стрелецкого, Земского, Разбойного и некоторых других приказов. Заведование тюрьмами в Москве было поручено Разбойному приказу², в других городах – губным старостам и целовальникам³.

Соборное уложение 1649 г. предоставило губным старостам некоторые функции, что можно охарактеризовать как первые попытки регламентации надзора за осужденными, которые носили общий характер и касались только отдельных вопросов его организации.

В ходе реформ Петра I губные учреждения были расформированы, а управление тюрьмами передано воеводам, позднее – губернаторам. С изданием «Учреждения о губерниях» местное заведование тюрьмами перешло к губернским правлениям, а также образованным одновременно с ними приказам общественного призрения. Петровское законодательство существенно увеличило число видов наказания, связанных с пожизненным лишением свободы⁴. С разделением территории государства на губернии управление тюрьмами на местах перешло к губернаторам, а целовальников и сторожей заменили смотрителями из полицейских чинов, в распоряжении которых находились команды надзирателей. Тюрьмы подразделялись на постоянные и временные. Постоянные тюрьмы находились в монастырях⁵, а также в Москве и некоторых других городах (Муроме, Устюге, Шуе, Верхотурье и др.).

Для пожизненного заключения использовали, как правило, монастыри, которые имели естественные условия изоляции. К числу таковых относились Кирилло-Белозерский, Суздальский, Соловецкий и ряд других⁶. Специальным реестром определялась часть монастырей, которые выполняли функции государственных тюрем со специально оборудованными помещениями для содержания заключенных. Лица, осужденные к пожизненному заключению, находились в изолированных одиночных кельях⁷.

В монастырских тюрьмах надзор за заключенными был возложен на настоятеля, благочинного, духовников и братию. Общее руководство по организации и осуществлению надзора за заключенными произво-

дил настоятель. В его обязанности входило составление специального документа с датой прибытия и описанием состояния осужденного. В сопроводительном документе ставилась личная подпись настоятеля. Она свидетельствовала, что с этого времени он несет личную ответственность за заключенного⁸. В случае самовольного ухода из монастыря лиц, отбывающих наказание, или их побега игумен или архимандрит должны были немедленно сообщить об этом в консисторию и предпринять меры по их задержанию. За совершение побегов несли личную ответственность настоятели монастырей, их наказание представляло собой выговор или даже ссылку в монастырь⁹. После возвращения бежавших в монастырь надзор за ними усиливался. Более строгий надзор устанавливался также в отношении раскольников, так как именно они чаще всего бежали из-под стражи. Их определяли на особый режим с целью изоляции.

Одним из важнейших документов, регулирующих надзор за пожизненно заключенными в монастырях, являлась принятая 26 декабря 1697 г. «Инструкция старостам поповским или благочинным смотрителям от Святейшего патриарха Московского Андриана». Согласно инструкции 1) их надлежало содержать «под крепким караулом»; 2) осужденные из числа гражданских лиц должны находиться в кандалах и выполнять «ту работу, к какой годятся»; 3) запрещалось писать письма, встречаться с кем-либо; 4) запрещалось выпускать заключенных из мест заключения; 5) осуществлялось обязательное увещание¹⁰.

При исполнении пожизненного наказания в монастырях обязательно предусматривалась епитимья¹¹, которая предполагала помещение человека на определенный срок в особый монастырский режим с ограничением в пище, выполнением поклонов и монастырских работ¹². Этот специально созданный режим рассматривался как инструмент воздействия на преступника. Характеризуя состояние надзора за пожизненно заключенными в монастырях, необходимо отметить, что наиболее частыми преступлениями по-прежнему оставались побеги заключенных, которые появились вместе с первыми местами заключения и совершались на всех исторических этапах развития пенитенциарной системы. При систематических нарушениях заключенным правил поведения церковная администрация могла ужесточить режим пребывания его в монастыре или перевести его в другую обитель с более суровыми условиями содержания. Впоследствии в правовое поле регулирования монастырского заключения входил ряд законодательных актов, носящих общенормативный характер. Из них особо можно выделить Духовный регламент (1721 г.), Правила для искоренения преступлений (1825 г.), Устав духовных консисторий (1841 г.)¹³.

К числу тех, кто контролировал поведение и режим содержания заключенного, относился также и благочинный. Устав духовных консисторий (1841 г.) вменял благочинным в обязанность осуществлять надзор и составлять рапорты о поведении заключенных после каждого посещения обители¹⁴. Для осуществления охраны и надзора за заключенными государство также использовало военное ведомство¹⁵, так как оно было наиболее подготовленным к решению этой задачи и обладало необходимыми ресурсами. В большинстве случаев образованные военные команды использовались при надзоре за заключенными при транспортировке и на основном месте пребывания. Наиболее широко военные команды привлекались для охраны тех монастырей, которые играли роль политических тюрем и требовали особого режима изоляции заключенных. Отметим, что впоследствии в XIX в. осуществление надзора за заключенными выполняли специально созданные для этого подразделения, но имело место и использование военных команд для осуществления надзора в тех монастырях, которые исполняли роль государственной тюрьмы. Военные команды были в Соловецком и Кирилло-Белозерском монастырях. В других монастырях часть функций по надзору и охране осуществлялась также иноками и сторожами, которые были введены в штат и назначались из числа местных жителей. Так как законодательство в целом не регламентировало функции надзора, корректировку работы военных команд осуществлял настоятель. Церковное руководство также вправе было определять круг примерных обязанностей для караульных команд по осуществлению надзора в монастырях.

Таким образом, в монастырях при исполнении пожизненного лишения свободы была отработана система осуществления надзора за заключенными. Однако она была не вполне эффективна, в связи с чем государство было вынуждено использовать ресурсы военного ведомства.

Все последующие годы, вплоть до царствования Екатерины II, власти не предпринимали попыток что-либо менять в тюремном деле коренным образом. Все меры, осуществляемые правительством в пенитенциарной сфере, были направлены на незначительное изменение быта заключенных и не более того. Отдельные принципиальные положения, характеризующие институт надзора, содержались в различных источниках, посвященных самостоятельным проблемам исполнения наказания.

В последней четверти XVIII в., когда в стране резко учащаются народные волнения, система тюремных учреждений России претерпевает довольно значительные изменения. В этот период возрастает роль тюрьмы как средства борьбы с противниками дворянства. Выражением этого стало появление специальных тюрем, предназначенных для лиц, осужденных за государственные преступления, – Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Большинство содержащихся в этих тюрьмах относились к категории пожизненно заключенных, при этом в официальных документах их фамилии не указывались. В этом просматривается стремление морально подавить, унизить личность, лишить индивидуальности¹⁶.

В отношении данной категории заключенных функции обеспечения надзора выполнял Отдельный корпус жандармов¹⁷. В III главе «Положения об устройстве Отдельного корпуса жандармов» говорилось: «Чины Отдельного корпуса жандармов назначаются для исполнения обязанностей... по надзору за содержанием в местах заключения государственных

преступников и лицами, обвиняемыми в государственных преступлениях»¹⁸.

Ввиду особого положения Шлиссельбургской крепости¹⁹ и ее подчиненности правовую регламентацию и организацию надзора в ней устанавливала Инструкция от 15 июня 1849 г. Порядок и условия внутреннего надзора за арестантами были изложены в ст. 8 инструкции. Обеспечивая строжайшую изоляцию рассматриваемой категории заключенных не только от внешнего мира, но и от общей массы заключенных, государство организацией режима и быта ставило их на грань физического уничтожения.

В царствование Александра I предпринимаются первые шаги по составлению инструкций для тюремного персонала.

Наиболее значительной попыткой определить правовой статус тюремной администрации в установлении тюремного режима и правовой регламентации надзора за пожизненно лишенными свободы в общем виде стало составление Инструкции для Петербургской тюрьмы (1799 г.).

Согласно положению администрации тюремного замка в Москве с численностью 350–500 арестантов составляли квартальный полицейский поручик, четверо полицейских унтер-офицеров и один рядовой²⁰. Общее руководство тюремным замком осуществлял смотритель. Состоя на полицейской службе, он непосредственно подчинялся московскому обер-полицеймейстеру и отвечал за порядок, санитарное состояние тюрьмы, распределение, питание и лечение заключенных, а также недопущение побегов и ведение отчетности.

В последующем практика составления тюремных инструкций для служебного пользования в пределах конкретной тюрьмы распространилась по всей России. Примером является Инструкция главному надзирателю Александровской каторжной тюрьмы 1821 г. Согласно ей главный надзиратель распределял по своему усмотрению между надзирателями такие обязанности, как смотреть за чистотой, следить в госпитале за больными, контролировать обстановку на кухне, в бане и во дворе.

В 1823 г. выходит Положение о должности надзирателей тюремных замков. Примечательно, что этот документ мог претендовать на роль общероссийского, поскольку не был связан с определенным местом заключения. Согласно положению обязанности надзирателя состояли в следующем: 1) сохранение порядка содержания заключенных; 2) соблюдение чистоты внутри тюремного замка; 3) распоряжение по части хозяйственной²¹.

Развитие общественных отношений в России во второй половине XIX в. требовало соответствующего законодательства и не могло не затронуть тюремную систему.

В 1828–1831 гг. стараниями Санкт-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах была составлена Тюремная инструкция²², которая представляла собой первые правила внутреннего распорядка общероссийского значения, так как закрепляла не только обязанности смотрителя и надзирателя, а весь комплекс мер, связанных с исполнением наказания в виде лишения свободы пожизненно. В ней регламентировались вопросы обеспечения вещевого довольствия, организации тюремного распорядка, отдельного содержания арестантов по сословному признаку. Что касается изоляции осужденных, то она обеспечивалась посредством надзора за ними. Составители свода законов 1832 г. включили тюремную инструкцию в виде приложения к одной из статей в

выработанный ими Устав содержащихся под стражей. Данная инструкция самым непосредственным образом способствовала упорядочению деятельности по осуществлению надзора за пожизненно лишенными свободы в тюремных учреждениях.

Вместе с тем низкая требовательность тюремной администрации стала причиной весьма сложной оперативной обстановки в некоторых тюрьмах, где содержались осужденные по политическим статьям. Неоднократно предпринимались попытки побега (часто успешные), заключенные не были заняты трудом.

Предоставление осужденным свободы времяпровождения и слабость режимных служб стали причиной того, что каторжники не только активно вели нелегальную переписку с родственниками, но и получали от них деньги и различные предметы²³.

В 1852 г. утверждается Инструкция смотрителя тюремного замка, состоящая из 13 глав. Инструкция устанавливала следующий штат тюремного замка: смотритель, его помощники, эконоом, канцелярия, приставники и тюремная команда. Главная ответственность за состояние замка лежала на смотрителе, который подчинялся обер-полицмейстеру и попечительному комитету. Он должен был жить в замке и не мог совмещать эту должность ни с какой другой²⁴.

Более четко правовое положение служащих тюремного ведомства было определено в законе Государственного Совета от 15 июня 1887 г., которым к персоналу мест заключения были отнесены начальники тюрем, помощники начальников тюрем, священники, врачи, надзиратели и надзирательницы²⁵. Закон существенно улучшил материальное положение тюремных служащих, для тюремных надзирателей ввел выслугу лет, снизил численность арестантов на одного надзирателя с 13,7 до 9,2 чел.²⁶

Таким образом, в XIX в. надзор за пожизненно лишенными свободы в местах заключения велся путем привлечения Отдельного корпуса жандармов и военного ведомства. Необходимо подчеркнуть, что именно в данный исторический период наряду с выяснением обстоятельств совершения преступления задачей надзора, осуществляемого в уголовно-исполнительной системе Российской империи, стало предупреждение пенитенциарной преступности.

31 августа 1887 г. были утверждены Правила о порядке содержания заключенных в тюрьмах, устроенных по одиночной системе. Они регламентировали условия размещения заключенных и оборудование одиночных камер; меры дисциплинарного наказания и порядок их применения; посещение чинами тюремного персонала и иными лицами арестантов.

Принципиальным в развитии института надзора стало принятие в XIX в. нормативных документов, регулирующих применение пожизненного лишения свободы, а получившая правовое закрепление прогрессивная система отбывания наказания, предусматривающая возможность освобождения лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, при условии соблюдения режимных требований привнесла новое в организационное обеспечение надзора за данной категорией осужденных.

Содержание деятельности по обеспечению надзора за арестантами определяли два основных правовых документа: Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей (1890 г.) и Устав о ссыльных (1909 г.). Надзор за заключенными реализовывался в двух формах – внешней и внутренней²⁷.

Внешний надзор осуществлялся прокурорами, стряпчими, административными властями и дирек-

торами комитетов²⁸. Внутренний надзор за заключенными в стенах тюрьмы в соответствии со ст. 26 Устава о содержащихся под стражей возлагался на тюремную стражу в составе старших и младших надзирателей. При этом надзиратели и военный караул часто конфликтовали между собой, представляя различные ведомства и не подчиняясь друг другу²⁹.

В процессе реформы тюремной системы 27 февраля 1879 г. Высочайшим утверждением организуется Главное тюремное управление (ГТУ).

Циркулярные распоряжения, касающиеся регулирования режима содержания в тюремных учреждениях, в 1880 г. были объединены в особый сборник. В 1890 г. был выпущен «Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части», переизданный в 1894 г.

В 1904 г. ГТУ утверждают Правила о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических заключенных³⁰. Данными правилами было определено, что начальник тюрьмы обязан вести особое наблюдение за содержанием политических заключенных, которые состоят в его прямом подчинении. Организацию непосредственного надзора за данной категорией лиц он должен был поручить наиболее опытным надзирателям. За нарушения порядка и установленных правил, а также неповиновение распоряжениям администрации тюрьмы заключенные подвергались соразмерно тяжести вины водворению в карцер с содержанием на хлебе и воде. Через три дня на четвертый отпускаясь горячая пища. Для предупреждения побегов использовались кандалы.

В 1905 г. ГТУ издало ряд циркуляров, направленных на усиление надзора в тюрьмах. Ими предусматривалось осуществлять круглосуточный контроль над заключенными, чаще проводить тщательные осмотры и обыски. В числе «специально-предупредительных» мер поддержания дисциплины называлось «воспрещение держать арестантские камеры открытыми, что постоянно практиковалось ранее, давая возможность арестантам различных категорий без ограничений общаться между собой... и чтобы в камерах устраивались занавески и загородки, затрудняющие или даже делающие совершенно невозможным надзор».

Ведомственным нормативным актом, регламентирующим порядок и условия организации надзора в местах заключения, являлась также и Инструкция «Об употреблении оружия чинами тюремной администрации» от 12 декабря 1907 г. В ней сочетаются элементы надзора и охраны, устанавливается взаимодействие между часовыми на постах и надзирательским составом при обнаружении различных нарушений со стороны заключенных. Так, в случае если от часового получены сведения о каком-либо обнаруженном им нарушении заключенными должного порядка, в соответствующую камеру должна была немедленно направиться группа надзирательского наряда, в которую входили начальник и дежурный надзиратель, для предотвращения беспорядков, при этом виновные арестанты должны были быть без малейшего промедления удалены из камеры в карцер. К числу нарушений режима отбывания наказания относились запреты: «подходить к окнам, кричать или переговариваться с кем бы то ни было, обмениваться через окна какими-либо знаками, садиться на подоконник и чтобы то ни было выбрасывать за окно».

В соответствии с циркуляром от 18 января 1908 г. администрация должна была обыскивать заключенных как перед свиданием, так и после него. Также нельзя сбрасывать со счетов местное тюремное нор-

мотворчество, которое восполняло отсутствие единого тюремного кодекса до появления Общей тюремной инструкции 1915 г.

28 декабря 1915 г. министром юстиции сенатором А. Хвостовым была утверждена Общая тюремная инструкция. Именно в ней были систематизированы все ранее изданные правила о внутреннем тюремном распорядке, в том числе и изданные для применения в конкретных пенитенциарных учреждениях тюремного типа. Данный правовой документ стал актом во всех отношениях выше ранее изданных³¹.

Обязанностям чинов тюремной стражи был посвящен отдельный раздел Инструкции. Особо выделялись старшие надзиратели, являющиеся как бы связующим звеном между начальником, его помощниками и младшими надзирателями. Старшие надзиратели, особенно в случае отсутствия помощников, могли контролировать административный порядок, хозяйственную часть или арестантские работы. Они следили за явкой младших надзирателей на службу, проверяли их экипировку и исправность несения службы³². Им также вменялось в обязанность обходить ночью все арестантские помещения, проверять надзирательские посты, распоряжаться ночными сменами надзирателей³³.

Еще до появления Инструкции 1915 г. при введении в действие Положения о тюремной службе от 15 июня 1887 г. были созданы Общие узаконения об исполнении тюремными надзирателями их служебных обязанностей. Общие узаконения послужили основой для составления Инструкции в части обязанностей надзирательского состава.

Необходимо отметить, что вышеуказанные два документа содержали схожие по своему содержанию положения, поскольку Общие узаконения послужили исходным материалом при работе над Инструкцией. Хотя имелись и определенные различия. Общие узаконения регулировали службу надзирателей более детально, чем инструкция³⁴.

Ведомственные нормативные акты и законодательство, регламентирующие порядок и условия организации надзора в местах заключения, несомненно, сыграли немалую роль в деле становления общероссийского пенитенциарного законодательства, а значит, и правового обеспечения надзора за осужденными, отбывающими пожизненное лишение свободы, и правового положения тюремных служащих, осуществляющих такой надзор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Исаев И.А. История государства и права России. М., 1996. С. 86; Упоров И.В. Первые законодательные закрепления тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9. С. 86–91.

² См.: Ст. 94 гл. XXI Соборного уложения.

³ См.: Ст. 97 гл. XXI Соборного уложения.

⁴ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 14.

⁵ См., напр.: Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлев Е.И. Тюремная система Российского государства в XVIII – нач. XX вв. М., 1996. С. 60.

⁶ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 1. С. 255.

⁷ См.: Синягин А.П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. Иркутск, 1898. С. 7.

⁸ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. С. 272.

⁹ См.: Павлушков А.Р. Правовые основы и практика монастырской ссылки в XVIII–XIX вв. Вологда, 2002. С. 135.

¹⁰ ПСЗ-И. Т. 4. № 1612. С. 416.

¹¹ Указ Сената от 23 августа 1770 г. запретил государственным учреждениям, имеющим право ссылать в монастырь преступников, определять длительность и форму прохождения епитимьи. Это было прерогативой Святейшего Синода (см.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. С. 475.)

¹² См.: Соловьев С.М. Собр. соч. М., 1995. Т. 13. С. 150.

¹³ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1985. С. 266–268.

¹⁴ См.: ПСЗ-И. Т. 16. № 14409. Ст. 42, 68, 69.

¹⁵ См.: ПСЗ-И. Т. 11. № 9178. С. 427.

¹⁶ См.: Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. С. 51.

¹⁷ См.: Матышев А.А. Алексеевский равелин. Секретная государственная тюрьма России в XIX веке. Л., 1990. С. 447.

¹⁸ Свод военных постановлений. 1869. Изд. II. Ч. 1. Кн. 3.

¹⁹ См.: Там же. С. 38.

²⁰ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. С. 78–80.

²¹ См.: Положение о должности надзирателей тюремных замков. СПб., 1823. С. 4.

²² См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. С. 81–83.

²³ См.: Там же. С. 130–131, 136.

²⁴ См.: Инструкция смотрителю Санкт-Петербургского тюремного замка. СПб., 1852. С. 12.

²⁵ ПСЗ II. СПб., 1887. Т. XIX. Отд. II. 4593.

²⁶ См.: Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. СПб., 1904. С. 41.

²⁷ См.: Устав конвойной стражи // Сборник постановлений и распоряжений правительства. СПб., 1908. С. 94–102.

²⁸ См.: О настоящем положении тюремного вопроса. СПб., 1867. С. 11.

²⁹ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Т. 14.

³⁰ ПСЗ-И. Т. 14. № 10353. С. 420.

³¹ См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. С. 175.

³² См.: Власенко С.Р. Правила службы тюремных надзирателей и надзирательниц. Саратов, 1896. С. 12.

³³ См.: Журчалю Я. Современная тюрьма и ее особенности. М., 1912. С. 11.

³⁴ См.: Лопато Т.М. Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. С. 177–180; Общая тюремная инструкция. СПб., 1912.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современные тенденции международного сотрудничества в области кадрового обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений

А.М. КОЛОСКОВ – начальник кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России;

Н.А. МЕЛЬНИКОВА – преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Кафедра административно-правовых дисциплин в соответствии с заявкой Правового управления ФСИН России от 20.12.2005 г. осуществляет научно-исследовательскую работу по теме «Проблемы формирования и развития административно-правового института государственной службы в органах и учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний».

Актуальность темы исследования обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов укрепления кадрового потенциала органов и учреждений ФСИН России в условиях крупномасштабной административной реформы системы государственного управления, а также планомерным реформированием государственной службы, осуществляемым по основным направлениям, которые определила утвержденная в 2002 г. Указом Президента России Федеральная целевая программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 гг.)»¹.

Руководителем авторского коллектива является кандидат юридических наук, доцент Р.В. Нагорных. Научными консультантами выступают доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России И.И. Веремеенко, доктор юридических наук, профессора С.А. Старостин, А.М. Кононов, В.С. Епанешников.

Программа исследования включает пять этапов.

Этап 1 (2005 г.). Административно-правовые и информационные проблемы реализации кадровой политики государственного управления в органах и учреждениях ФСИН России.

Этап 2 (2006 г.). Механизм административно-правового регулирования государственной службы в органах и учреждениях ФСИН России.

Этап 3 (2007 г.). Административно-правовые и информационные проблемы развития системы кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений ФСИН России.

Этап 4 (2008 г.). Современные тенденции международного сотрудничества в области кадрового обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений.

Этап 5 (2009 г.). Методологические основы исследования проблем административно-правового регулирования государственной службы в органах и учреждениях ФСИН России.

В 2008 г. основным направлением научно-исследовательской работы кафедры стало изучение современных тенденций международного сотрудничества в области кадрового обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений, а также теоретическое обоснование, изучение и обобщение зарубежного опыта в

рассматриваемой области общественных отношений.

Целью исследования явился комплексный анализ направлений международного сотрудничества в сфере подготовки кадров для пенитенциарных учреждений и выработка предложений по совершенствованию указанной деятельности.

Объектом исследования выступили общественные отношения, складывающиеся в процессе международного сотрудничества в области подготовки кадров для деятельности пенитенциарных учреждений.

В настоящее время вопросы совершенствования кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы в России остаются наиболее актуальными для современной науки и практики, так как комплектование структурных подразделений УИС высококвалифицированными специалистами, способными решать проблемы, связанные с переориентацией отечественной пенитенциарной практики на мировые стандарты в обращении с осужденными в условиях гуманизации исполнения наказаний, – важная задача ФСИН России.

Особую роль в решении данной задачи играет международное сотрудничество органов и учреждений ФСИН России, которое позволяет изучить передовой опыт зарубежных стран и в адаптированном виде применить его как в работе с осужденными, так и в организации профессиональной подготовки сотрудников УИС.

Следует отметить, что в последние годы ФСИН России значительно активизировала деятельность в сфере международного сотрудничества в области подготовки кадров для пенитенциарных учреждений. При этом такое сотрудничество осуществляется не только на уровне центрального аппарата, но и с участием территориальных органов, а также ведомственных образовательных учреждений. Накоплен богатый опыт проведения крупных международных мероприятий, в том числе международных конференций и семинаров. Совместные скоординированные усилия сотрудников ФСИН России и зарубежных коллег приносят в целом хорошие практические результаты.

По итогам исследования кафедрой подготовлены следующие научные продукты: научно-аналитический обзор «Международное сотрудничество органов и учреждений ФСИН России в области кадрового обеспечения (на примере УФСИН России по Архангельской области и ВИПЭ ФСИН России)», лекция «Зарубежный опыт подготовки кадров для пенитенциарных учреждений (на примере Главного центра подготовки сотрудников Тюремной службы Польши в г. Калише)», описание опыта организации междуна-

родного сотрудничества территориальных органов ФСИН России, доклад «Актуальные вопросы международного сотрудничества в области подготовки кадров для пенитенциарных учреждений». 29 апреля был организован и проведен международный научно-практический семинар «Международное сотрудничество в области кадрового обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений: современные проблемы и перспективы», по итогам которого подготовлен сборник материалов.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие основные выводы:

1. Международное сотрудничество в области подготовки кадров для пенитенциарных учреждений является важным направлением функционирования ФСИН России, которое позволяет развивать кадровое обеспечение органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Необходимо дальнейшее совершенствование этого участка деятельности УИС.

2. Задачами международного сотрудничества в области подготовки кадров для пенитенциарных учреждений являются: взаимный обмен национальным пенитенциарным опытом и развитие научных исследований в области подготовки кадров для пенитенциарных учреждений, развитие академической мобильности и оказание взаимной организационной, финансовой, научно-методической и другой помощи.

3. Российская пенитенциарная система в настоящее время имеет определенный положительный опыт осуществления различных форм международного сотрудничества в сфере подготовки кадров. В Северо-Западном регионе наиболее ярко указанные формы взаимодействия могут быть продемонстрированы на примере организации международного сотрудничества УФСИН России по Архангельской области и Вологодского института права и экономики ФСИН России. Дальнейшее развитие этих форм является одной из приоритетных задач в плане создания высокопрофессионального кадрового ядра системы. При этом существует ряд вопросов правового и организационного характера, решение которых позволит вывести международное сотрудничество на качественно новый уровень.

4. К актуальным направлениям международного сотрудничества по пенитенциарным проблемам относятся совершенствование организации нравственного воспитания персонала учреждений, исполняющих уголовные наказания.

5. Одним из путей повышения эффективности международного сотрудничества в области подготовки кадров для пенитенциарных учреждений является рационализация процессов разработки и внедрения организационных проектов с использованием зарубежного опыта.

6. Стремление ФСИН России к реализации в отечественной пенитенциарной практике международных стандартов в области обращения с заключенными предполагает совершенствование системы управления органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания. Необходимо изучение зарубежного опыта организации системы и процессов управления пенитенциарными учреждениями, а также распространение положительного опыта в данной области с условием его адаптации к современным политическим, экономическим и социально-демографическим условиям в стране.

Таким образом, международное сотрудничество занимает особое место в современной пенитенциарной практике. Для дальнейшего совершенствования данного направления деятельности УИС необходимо придать ему более целенаправленный и системный характер, определив приоритеты на ближайшую и среднесрочную перспективы и разработав комплекс мер, направленных на повышение его эффективности.

В настоящее время профессорско-преподавательский состав кафедры продолжает научно-исследовательскую работу с целью изучения актуальных проблем формирования и развития административно-правового института государственной службы в органах и учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ СЗ РФ. 2002. № 47. Ст. 4664.

Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний: тактика производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях

А.Т. ВАЛЕЕВ – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Авторский коллектив кафедры уголовного процесса и криминалистики на протяжении нескольких последних лет осуществляет научное исследование проблем уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России. В 2008 г. в рамках данной темы было проведено исследование проблем тактики производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений, совершенных в условиях исправительного учреждения.

Объектом исследования явились уголовно-процессуальные, организационные, этические, психологические и тактические аспекты производства следственных действий, проводимых в условиях исправительного учреждения.

Основной целью исследования явилась разработка научно обоснованной тактики производства след-

ственных действий в учреждениях ФСИН России при расследовании преступлений.

В соответствии с этой целью можно сформулировать следующие задачи, на решение которых было направлено исследование:

- анализ факторов, влияющих на производство следственных действий в исправительных учреждениях, и характер их воздействия;
- на основе анализа условий уточнение задач производства следственных действий при расследовании преступлений в учреждениях ФСИН России;
- с учетом имеющейся правоприменительной практики анализ ситуаций, вызывающих необходимость производства конкретных следственных действий при расследовании преступлений в учреждениях ФСИН России;

– на основе действующих специфических факторов выработка системы тактических приемов, направленных на эффективное производство следственных действий в условиях исправительных учреждений;

– разработка криминалистических алгоритмов производства следственных действий в условиях исправительных учреждений.

Деятельность исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы и изолирующих осужденных от общества, протекает в сложных условиях. Высокая концентрация в исправительных учреждениях лиц, значительная доля которых осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления, специфическая социальная среда, преобладание и устойчивое закрепление среди указанной категории осужденных антиобщественных установок, средств и методов достижения желаемых результатов и ряд других причин влекут за собой совершение новых преступлений в местах лишения свободы.

Анализ статистических данных о состоянии преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы свидетельствует о тенденции роста количества зарегистрированных преступлений, совершенных лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Так, например, зарегистрировано убийств (ст. 105 УК РФ): в 2002 г. – 23, 2003 г. – 11, 2004 г. – 19, 2005 г. – 21, 2006 г. – 32, 2007 г. – 31; причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) соответственно по годам – 43, 33, 36, 51, 60, 40; побегов (ст. 313 УК РФ) – 222, 158, 259, 277, 341, 298; преступлений, связанных с НОН (ст. 228 УК РФ) – 166, 212, 125, 101, 184, 249.

Расследование преступлений в условиях исправительного учреждения имеет существенные особенности, определяющие как ход всего расследования, так и производство отдельных следственных действий.

Представляется, что эффективная работа по расследованию преступлений вообще и совершенных в учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы, в частности возможна лишь на базе научно обоснованных тактических приемов и рекомендаций по их применению при производстве отдельных следственных действий.

В последние годы проведен ряд научных исследований в сфере тактики отдельных следственных действий при производстве расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях. Авторы, анализируя научное наследие исследователей предшествующих десятилетий, объемную собранную эмпирическую базу, с учетом современного состояния криминалистики предлагают конкретные рекомендации по тактике осуществления отдельных следственных действий при производстве расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях.

Базовые требования практики к предлагаемым наукой рекомендациям кроме научной обоснованности предусматривают их высокую эффективность и доступность, что позволяет в кратчайшие сроки с ними ознакомиться, освоить и использовать в профессионально-служебной деятельности. Соглашаясь с нуждами практики, мы полагаем, что для повышения востребованности результатов научных исследований необходимо, выполнив дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы и практико ориентированное переосмысление уже проведенных исследований, разработать доступные в изучении, освоении и применении алгоритмы производства следственных действий, адаптированные к условиям исправительных учреждений.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. На процесс производства отдельных следственных действий при расследовании преступлений в условиях исправительного учреждения оказывает

существенное влияние ряд факторов: правовых, территориальных, психологических, социальных, организационных, обусловленных спецификой существования учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Совокупность указанных факторов представляет сложную систему, где одни факторы обуславливают существование других и каждый фактор либо совокупность нескольких факторов обладают рядом следствий, которые находят свое отражение во влиянии, оказываемом последними на особенности производства обыска и выемки при расследовании преступлений в исправительных учреждениях.

2. Одним из важнейших факторов, влияющих на особенности производства следственных действий в условиях исправительного учреждения, является возможность сочетания оперативно-розыскных, следственных и режимных мероприятий.

В ходе производства таких режимных мероприятий, как обыск и досмотр, не исключена возможность установления данных, имеющих существенное значение для расследования уголовного дела о преступлении, совершенном в условиях исправительного учреждения. Утрата этих данных как доказательств по делу может нанести существенный вред расследованию.

Данные, полученные в результате режимных мероприятий, сами по себе доказательствами не являются. Чтобы стать таковыми, они должны соответствовать определенным требованиям и быть легализованными в уголовном деле в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств, то есть получить статус одного или нескольких доказательств, предусмотренных УПК РФ.

3. Основное содержание тактики производства следственных действий составляют тактические приемы рабочего этапа. Существуют многочисленные классификации тактических приемов, однако авторы полагают, что наибольшее значение имеет разделение тактических приемов в зависимости от «источника формирования» и способа правовой регламентации.

По тому, данные каких наук положены в основу того или иного приема («источника формирования»), тактические приемы классифицируются на приемы применения логических методов познания (логические приемы); приемы психологии отношений следователя с участниками следственных действий (психологические приемы); приемы организации расследования (организационные приемы); приемы, основанные на достижениях естественных наук, а также комплексные тактические приемы, основанные на достижениях нескольких областей знаний.

При расследовании преступлений в условиях исправительных учреждений наибольшей спецификой обладают психологические и организационные тактические приемы, а также те комплексные тактические приемы, которые наиболее близко связаны с одной из этих групп.

4. Авторами в ходе исследования рассмотрены следственные действия, обладающие в условиях исправительного учреждения наибольшей спецификой, в том числе осмотр, обыск и выемка, допрос и очная ставка, предъявление для опознания, следственный эксперимент и проверка показаний на месте, производство экспертизы. Даны практические рекомендации по оптимизации производства указанных следственных действий в условиях исправительного учреждения.

В настоящее время авторский коллектив продолжает научно-исследовательскую работу с целью изучения актуальных проблем уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России.

Основные итоги международной научно-практической конференции «Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний»

А.А. КРЫМОВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

Организаторами конференции выступили:

- Федеральная служба исполнения наказаний;
- Вологодский институт права и экономики ФСИН России;
- Научно-исследовательский институт ФСИН России;
- Российское научное пенитенциарное общество;
- Общественный совет при ФСИН России;
- Международная неправительственная организация «Международная тюремная реформа» (PRI);
- Голландская неправительственная гуманитарная организация «СПИД-фонд “Восток-Запад”» (AFEW).

В работе конференции приняли участие ведущие ученые научных и образовательных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры, Минобрнауки России (Е.Г. Багреева, Л.И. Беляева, М.Г. Детков, З.С. Зарипов, А.И. Зубков, А.М. Кононов, Л.Л. Кругликов, А.М. Кустов, А.В. Наумов, В.М. Поздняков, В.И. Селиверстов, Б.А. Спасенников, С.А. Старостин, А.С. Торопов и др.), руководители и сотрудники центрального аппарата и территориальных органов ФСИН России, работники суда, прокуратуры, представители общественных организаций, сотрудники пенитенциарных систем и образовательных учреждений Беларуси, Германии, Казахстана, Украины, Швейцарии, профессорско-преподавательский состав и курсанты института.

В начале конференции ее участникам были представлены приветствия заместителя председателя Государственной Думы А.М. Бабакова и директора ФСИН России Ю.И. Калинина.

Открывая конференцию, начальник института кандидат юридических наук, доцент генерал-майор внутренней службы В.В. Попов отметил, что актуальность проведения конференции обусловлена прежде всего необходимостью научного осмысления реализуемой государством политики в области противодействия преступности в условиях осуществления государственно-правовых, политических, экономических и иных реформ.

С основным докладом по теме «Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой» выступил профессор Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации доктор юридических наук, профессор А.В. Наумов. В своем выступлении докладчик особо выделил проблемы, связанные с опережением пределов назначения уголовных наказаний. Кратко охарактеризовав состояние дел в уголовно-исполнительной системе, А.В. Наумов отметил,

что в России продолжает расти число лиц, осужденных к лишению свободы, и подсудимых, что противоречит представлениям законодателя о пределах назначения наказания, выраженным им непосредственно в уголовном законодательстве. Так, на 1 сентября 2008 г. количество лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, а также находящихся до суда под стражей, составило 893 тыс. человек, что в расчете на 100 тыс. населения сближает нас по этому показателю с США и многократно опережает европейские страны. При этом наблюдается ярко выраженная тенденция к возрастанию числа лиц, осужденных к лишению свободы: в 1991 г. – 207,3 тыс. чел., в 2001 г. – 368 тыс. чел., в 2003 г. – 252 тыс. чел., в 2006 г. – 314 тыс. чел. Статистические реалии, как подчеркнул профессор А.В. Наумов, свидетельствуют о необходимости приведения судебной практики в соответствие с требованиями ст. 60 УК РФ. Главное из них – это положение о том, что более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания (ч. 1 ст. 60 УК РФ). Для реального воплощения в жизнь требований ст. 60 УК РФ необходимо снизить долю лишения свободы за счет увеличения частоты применения штрафных санкций за менее опасные преступления, в частности за мелкие кражи. При этом либерализация уголовной политики в области назначения наказания должна уравниваться другой ее составляющей – применением самых строгих мер наказания к лицам, совершающим особо опасные преступления.

С докладом по теме «Уголовная политика в отношении несовершеннолетних: состояние и перспективы развития» выступил начальник института кандидат юридических наук, доцент генерал-майор внутренней службы В.В. Попов. В своем выступлении докладчик представил основные результаты проводимых институтом научных исследований в области противодействия преступности несовершеннолетних; привел информацию о тенденциях в динамике и структуре преступности несовершеннолетних в России, развитии уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального законодательства, а также законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; дал характеристику правоприменительной практики; особое внимание обратил на существующие в означенной области проблемы.

В.В. Попов отметил, что, несмотря на некоторые положительные изменения в динамике и структуре преступности несовершеннолетних, наметившиеся

в 2000–2001 гг., здесь еще сохраняются отрицательные тенденции, о чем свидетельствует увеличение уровня преступности несовершеннолетних, ухудшение ряда ее качественных характеристик. Реализуемая уголовная политика в отношении несовершеннолетних носит разрозненный характер и не решает в полной мере тех проблем, которые существуют в данной сфере. Изменения в законодательстве, произошедшие за последние 20 лет, были связаны лишь с незначительной корректировкой соответствующих положений закона в направлении либерализации уголовной политики. Между тем, по мнению докладчика, существует необходимость в качественном изменении существующей системы противодействия преступности несовершеннолетних. Должно быть предусмотрено создание особой системы наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних, включающей комплекс мер воспитательного воздействия и социальной реабилитации. Исследования, проведенные институтом в указанной сфере, позволили сформулировать конкретные предложения по законодательному закреплению и реализации системы таких мер. На основе глубокого и всестороннего анализа опыта работы с несовершеннолетними правонарушителями в ряде субъектов РФ, а также зарубежного опыта В.В. Поповым были предложены рекомендации по созданию в России системы ювенальной юстиции. При этом основой совершенствования уголовной политики в отношении несовершеннолетних должно стать принятие на общегосударственном уровне единого программного документа – Концепции уголовной политики России – и ее составной части – Концепции уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

В докладе и.о. начальника НИИ ФСИН России доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.И. Селиверстова «Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе» особое внимание было уделено вопросам развития и совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы. В числе основных направлений совершенствования В.И. Селиверстов назвал следующие:

- дальнейшая гуманизация условий отбывания наказания в местах лишения свободы, приведение их в соответствие с международными стандартами;
- усиление социально-правовой защиты персонала исправительных учреждений;
- более глубокая дифференциация и индивидуализация средств и методов исправительного воздействия на осужденных в зависимости от характера и тяжести совершенных преступлений, а также поведения в местах лишения свободы;
- активное применение в воспитательной работе с осужденными современных психолого-педагогических технологий;
- развитие взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества в социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания.

Важная роль в успешной реализации уголовно-исполнительной политики, как особо обратил внимание В.И. Селиверстов, принадлежит развитию пенитенциарной науки, поскольку лишь на научной основе возможно дальнейшее повышение эффективности исполнения уголовных наказаний.

Значительный интерес вызвали выступления и других докладчиков, в том числе зарубежных коллег.

Особое внимание было уделено вопросам развития и совершенствования системы социальной профилактики, внедрения институтов пробации и ювенальной юстиции, противодействия развитию правового нигилизма, экспансии криминальной субкультуры в общественное сознание, расширения

влияния общественных формирований и восстановления роли трудовых коллективов в работе с лицами, преступившими закон, повышении статуса семьи, усиления мер социальной защиты населения.

Участники конференции подчеркнули, что решение задач правоохранительной деятельности требует совершенствования системы взаимодействия научного сообщества и органов законодательной, исполнительной и судебной власти, определения перспективных направлений развития различных отраслей науки, прежде всего криминального цикла.

Основные выводы, полученные в ходе работе конференции, нашли свое отражение в рекомендациях, которые направлены для рассмотрения директору ФСИН России, в НИИ ФСИН России и Государственную Думу.

В рамках конференции состоялись двусторонние встречи с делегациями Беларуси, Германии, Казахстана, Украины и Швейцарии, в ходе которых были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества, намечены планы совместных мероприятий на 2009–2010 гг., получены приглашения принять участие в ряде научных мероприятий за рубежом.

Рекомендации международной научно-практической конференции

Участники конференции, обсудив теоретические и прикладные проблемы государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний, отмечают, что на современном этапе развития демократического государства, становления институтов гражданского общества особую актуальность приобретают задачи выработки концептуальных основ развития действующего законодательства в области противодействия преступности, повышения эффективности функционирования всего правоохранительного механизма и создания необходимых условий для обеспечения безопасности личности, общества и государства от угроз криминального характера.

Основополагающие международные правовые акты, новые Европейские пенитенциарные правила ориентируют страны мирового сообщества на либерализацию подходов в области назначения и исполнения уголовных наказаний, совершенствование деятельности по предупреждению совершения преступлений. Основные усилия со стороны государства и общества должны быть направлены на противодействие тяжким и особо тяжким преступлениям против личности, организованной преступной деятельности, терроризму, коррупции.

Совершенствование государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний, закрепление ее в законодательстве, реализация в правоприменительной деятельности должны опираться на богатый отечественный и зарубежный опыт работы с лицами, преступившими закон, и предусматривать расширение практики применения наказаний, не связанных с лишением свободы, и мер уголовно-правового характера за преступления небольшой и средней тяжести. При этом большое внимание должно быть уделено дальнейшему развитию системы социальной профилактики, внедрению институтов пробации и ювенальной юстиции. Все большую актуальность приобретают проблемы противодействия развитию правового нигилизма, экспансии криминальной субкультуры в общественное сознание, вопросы расширения влияния общественных формирований и восстановления роли трудовых коллективов в работе с лицами, преступившими закон, повышения статуса семьи, усиления мер социальной защиты населения.

Участники конференции поддерживают позицию Минюста и ФСИН России, заключающуюся в том, что

главным направлением развития уголовно-исполнительной системы России следует считать ее преобразование в реабилитационную систему, способствующую физическому и духовному оздоровлению осужденных, безусловному обеспечению их прав, свобод и интересов, приобретению ими необходимых профессий и образования, возвращению обществу законопослушных граждан.

Рассмотренные в ходе работы конференции теоретико-методологические, законодательные, организационные и правоприменительные аспекты государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний позволили обозначить следующие проблемы и наметить пути их решения.

1. Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний должна основываться на передовых достижениях современной научной теории и методологии в области противодействия преступности. Особое внимание должно быть уделено выработке долгосрочной государственной концепции, определяющей основные принципы развития и направления совершенствования законодательства криминального цикла, правоприменительной деятельности.

2. Необходимым условием повышения эффективности государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний является реализация судебной реформы, проведение которой должно обеспечить рассмотрение дел в судах в разумные сроки, безусловное исполнение судебных решений, улучшение подготовки и переподготовки судей и кандидатов в судьи, создание системы возмещения гражданам и юридическим лицам вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство и исполнение судебных решений, углубление специализации судей. При этом проведение судебной реформы должно способствовать достижению единства основных звеньев правоохранительной системы, устранению юридической неопределенности и спорности статуса прокуратуры.

3. Важным направлением развития правоохранительной системы страны следует признать создание специального органа, осуществляющего предварительное расследование. В связи с этим необходимо разработать и принять соответствующую федеральную программу. Данный документ должен закрепить этапы создания Федеральной службы расследований (ФСР России), которая подчинялась бы главе государства. Несомненными положительными результатами реализации этой идеи на практике станут устранение ведомственного влияния на ход и результаты предварительного следствия, усиление процессуальной самостоятельности и независимости следователей.

4. Необходим всесторонний анализ норм действующего уголовного законодательства, практики его применения в целях приведения уголовной политики современной России в соответствие со сложившейся криминологической ситуацией. Глубокое научное обоснование, уголовно-правовая и криминологическая экспертиза законопроектов по вопросам назначения и исполнения уголовных наказаний, оценка их социальной обусловленности, а также осмысление политико-правовых аспектов реформы уголовного законодательства должны составить необходимый элемент формирования уголовной политики.

5. Развитие уголовного законодательства должно осуществляться в направлении дальнейшей дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, своевременной декриминализации и депенализации отдельных составов преступлений адекватно криминологической ситуации. Мировая практика органов уголовного правосудия идет по пути либерализации уголовных наказаний, применения видов наказаний, не связанных с лишением сво-

боды. В то же время современная уголовная политика России должна быть ориентирована на усиление борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при одновременном смягчении уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести, обеспечении неотвратимости наступления ответственности. В основу совершенствования системы уголовных наказаний должна быть положена оценка реальной эффективности того или иного вида наказания.

6. Уголовное законодательство, определяющее ответственность несовершеннолетних, нуждается в корректировке с учетом дифференциации ответственности и оптимизации применения уголовной репрессии. В связи с этим предпочтение должно отдаваться мерам воспитательного воздействия и иным средствам преодоления асоциального поведения, не предполагающим изоляции несовершеннолетних от общества и включающим в себя реализацию комплексных программ социальной реабилитации.

7. Представляется, что применительно к несовершеннолетним должен действовать принцип уголовно-процессуальной протекции. Требуется усиление охранительной функции суда по отношению к подросткам:

- посредством повышения уровня судебной защиты несовершеннолетних, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевшего, свидетеля, подсудимого, осужденного и т.п.;

- рассмотрения дел с участием несовершеннолетних в закрытых судебных заседаниях;

- установления особого упрощенного порядка судопроизводства в отношении несовершеннолетних;

- привлечения к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних различных социальных и иных специализированных служб;

- применения многоступенчатой системы уголовного процесса, предусматривающей возможность использования различных мер исправительного воздействия, программ социальной реабилитации без привлечения к уголовной ответственности.

8. Необходимо совершенствование уголовно-процессуального законодательства и практики его применения в части, касающейся закрепления особых видов мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, определения специфики применения к несовершеннолетним действующей системы мер, создания правового и организационного обеспечения применения указанных средств на практике.

9. В отношении несовершеннолетних особое внимание в УИК РФ должно уделяться исполнению наказаний, альтернативных лишению свободы, и иных мер уголовно-правового характера. В связи с этим в УИК РФ также должна быть выделена в самостоятельную главу отдельная группа норм, касающихся несовершеннолетних осужденных.

10. Нуждается в дальнейшем изучении вопрос о поэтапном создании в России системы ювенальной юстиции как специфической подсистемы общего правосудия, рассматривающей несовершеннолетнего как особый субъект правовой защиты и судебного преследования. Это в свою очередь обуславливает необходимость специализации суда (судей) и органов предварительного расследования по делам несовершеннолетних, развития инфраструктуры, обслуживающей ювенальную юстицию, – сети служб и учреждений, занимающихся несовершеннолетними правонарушителями и детьми из групп риска.

11. В глубокой доработке с учетом основных направлений формирования и развития уголовной политики нуждается и действующее административно-деликтное законодательство. Общее правовое пространство регулирования уголовного и административного законодательства предполагает осуще-

ствление согласованных мер по противодействию преступности и административным правонарушениям. В этой связи материальные и процессуальные нормы, определяющие административную ответственность, должны быть согласованы с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В дополнительном исследовании нуждается вопрос о декриминализации ряда незначительных деяний, предусмотренных действующим УК РФ, с установлением административной ответственности за их совершение.

12. В целях предупреждения дезадаптации осужденных женщин, сохранения социально полезных связей нуждается в дальнейшем изучении вопрос о целесообразности создания в каждом субъекте Российской Федерации исправительной колонии для осужденных женского пола или участка, функционирующего в данном режиме. Представляется важным решение вопроса о раздельном содержании женщин, осужденных за совершение преступлений при опасном, особо опасном рецидиве, с другими категориями осужденных женщин вне зависимости от снятых или погашенных судимостей.

13. В особой правовой регламентации нуждается порядок исполнения и отбывания пожизненного лишения свободы, что обуславливает потребность введения в УИК РФ соответствующей отдельной главы. В целях обеспечения неукоснительного соблюдения международных стандартов, исключения возможности нарушения личных прав осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, необходима переработка действующих Правил внутреннего распорядка ИУ.

14. Приоритетной целью уголовно-исполнительной практики должна стать ресоциализация осужденных как процесс социального восстановления личности. Социальную работу с осужденными следует рассматривать как значимое средство приращение социальности личности осужденного.

В связи с этим необходимо продолжить построение российской модели социальной работы в УИС с учетом отечественных традиций оказания духовной помощи лицам, лишенным свободы, имеющегося опыта социальной, психологической и воспитательной работы. Необходимо широко использовать зарубежный опыт оказания социальной поддержки осужденным, принимая во внимание экономические, политические, культурные и иные особенности государств, традиции и менталитет граждан.

15. Необходимым условием развития социальной работы в УИС является создание системы социально-психологического сопровождения лиц, преступивших закон, в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды. При этом эффективность функционирования данной системы может быть достигнута лишь в результате согласованных усилий всех субъектов социальной профилактики.

Основой эффективной ресоциализации осужденных должно стать стимулирование их личного участия в процессе решения собственных проблем, развития качеств субъектной личности. Это будет способствовать позитивному изменению как жизни клиентов, так и социальной ситуации в целом, в том числе в аспекте рецидивной преступности.

16. Целесообразно законодательно закрепить особенности организации и проведения социальной работы с различными категориями осужденных, обеспечить научно-методическое сопровождение данной деятельности.

Следует также проанализировать опыт деятельности общественных организаций по поддержке освобожденных/освобожденных из ИУ в решении вопросов трудового и бытового устройства, создать условия для расширения масштабов данной деятельности, повысить информированность сотрудников

ИУ об условиях привлечения общественных организаций к реабилитации освобожденных из ИУ.

17. В целях развития системы постпенитенциарной профилактики необходимо организовать эффективный социальный контроль за поведением лиц, отбывших уголовное наказание, и их социальной адаптации. В связи с этим целесообразно расширение сети учреждений, ориентированных на социальную защиту данной категории лиц (реабилитационные центры, профилактории, центры ресоциализации, дома ночного пребывания и др.).

18. Необходимо продолжить работу в следующих актуальных направлениях психолого-педагогического обеспечения пенитенциарной практики: создание оптимальной системы психолого-педагогического воздействия на осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях; конструирование научно обоснованных теоретико-методологических моделей, программ и экспериментально апробированного методического инструментария по психокоррекции агрессивного поведения осужденных с целью снижения уровня конфликтности и насилия в местах лишения свободы; исследование феноменов сознания и самосознания осужденных с последующей разработкой программ формирования и коррекции личности; оказание психологической поддержки осужденным пожизненно, научное сопровождение технологий формирования помогающих отношений в триаде «сотрудник – психолог – осужденный», а также повышение профессиональной компетентности специалистов ИУ в данной сфере; методическое обеспечение взаимодействия социальной службы ИУ с государственными органами и общественными организациями; формирование оптимальной стратегии оценки эффективности деятельности социальной службы ИУ.

19. Особое внимание необходимо уделить совершенствованию действующего законодательства, которое должно предусматривать возможности для применения широкого спектра профилактических, воспитательных и иных социальных мер в отношении лиц, преступивших закон. В связи с этим представляется целесообразным разработать комплекс нормативных документов, регламентирующих направления и механизмы взаимодействия правоохранительных органов, учреждений системы социальной защиты населения, здравоохранения, образования, служб занятости в сфере ресоциализации лиц, отбывающих наказание, трудового и бытового устройства освобожденных. Также существует необходимость в принятии Федерального закона РФ «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» и разработке подзаконных нормативных правовых актов, определяющих механизм его реализации.

20. Важной социальной задачей на современном этапе развития УИС является трудовое воспитание и профессиональное обучение осужденных. Привлечение осужденных к труду должно стать неотъемлемой частью социальной работы в исправительных учреждениях, в процессе которой формируются социальные свойства и качества личности, дающие возможность вчерашнему осужденному адаптироваться к жизни в обществе.

Решение задач трудовой адаптации осужденных требует создания в исправительных учреждениях современной учебно-производственной базы, привлечения для работы в центрах трудовой адаптации высококвалифицированных специалистов, формирования системы профессионального взаимодействия, позволяющей эффективно решать вопросы трудоустройства осужденных после освобождения. В этих целях необходимы разработка на федеральном уровне соответствующей концепции и федеральной целевой программы по развитию учебно-производственной

базы подразделений трудовой адаптации осужденных, а также заключение кооперационных соглашений с местными центрами занятости населения, профсоюзными и общественными организациями.

21. Кадровая политика в уголовно-исполнительной системе должна формироваться с учетом требований международных правовых актов, Европейских пенитенциарных правил и других документов, определяющих основные направления либерализации уголовной политики, а также устанавливающих требования к персоналу исправительных учреждений. Необходимо скорейшая доработка и принятие Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации», переработка ведомственных нормативных правовых актов, закрепляющих квалификационные характеристики по должностям в органах и учреждениях УИС, разработка административного регламента государственной правоохранительной службы в УИС.

22. Особое внимание следует уделить формированию во ФСИН России кадрового корпуса новой формации, подготовке специалистов, способных творчески, на высоком профессиональном уровне, в тесном взаимодействии с представителями других ведомств, общественных организаций решать возложенные на них задачи. Современная идеология образования предполагает обеспечение выпускника не столько суммой определенных знаний, сколько набором ключевых компетенций, выраженных в готовности и способности специалиста целесообразно и эффективно действовать в соответствии с профессиональными требованиями.

В целях модернизации процесса обучения в образовательных учреждениях ФСИН России необходимо: приведение содержания и структуры профессиональной подготовки в соответствие с современными потребностями УИС; повышение уровня научно-методического обеспечения образовательного процесса; внедрение инновационных образовательных технологий (дистанционные образовательные технологии, создание на выпускающих кафедрах рабочих мест будущих сотрудников УИС по направлениям специализации и др.) и систем управления качеством учебного процесса; развитие информатизации образова-

тельного процесса; расширение спектра программ дополнительного профессионального образования.

23. Нуждается в модернизации материально-техническая база УИС.

Необходимо создание и развитие социальной инфраструктуры исправительных учреждений, позволяющей реализовывать программы ресоциализации осужденных, их подготовки к предстоящему освобождению.

Целесообразно также предоставить сотрудникам УИС возможность постоянного доступа непосредственно с рабочих мест к единым информационным банкам данных, содержащим последнюю информацию об отечественном и зарубежном пенитенциарном опыте, а также к систематизированным базам ведомственных нормативных правовых актов по всем направлениям деятельности УИС. Для этого необходимо довести до логического завершения процесс формирования информационно-правового фонда УИС и создание единой автоматизированной системы доступа к информации в УИС.

24. Важным фактором повышения эффективности правоохранительной деятельности является создание необходимых условий для сближения позиций различных государств в области борьбы с преступностью, укрепления международного сотрудничества, использования отечественного и зарубежного опыта. При этом решение задач правоохранительной деятельности требует поиска, установления и закрепления механизмов взаимодействия научного сообщества и органов законодательной, исполнительной и судебной власти, оценки состояния и определения перспективных направлений развития различных отраслей науки, прежде всего криминального цикла.

Приоритетными в УИС должны стать комплексные, междисциплинарные исследования процессов формирования и реализации уголовной политики России, проведение которых позволит обеспечить снижение криминальной угрозы безопасности личности, общества и государства. Основой таких исследований должны стать глубокое изучение существующей криминальной реальности, анализ имеющихся научных разработок, отечественного и зарубежного опыта противодействия преступности.

Об опыте проведения конференций в режиме on-line (по материалам кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России)

А.А. БАБКИН – начальник кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Б.А. САДЕЛЬНИКОВ – доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России;

О.А. ШАХОВ – начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Для современного образования характерны новые способы обмена информацией, среди которых важное место занимает использование в учебном процессе вуза телеконференций – интерактивно-общения между людьми с помощью электронных средств.

Опыт проведения научных мероприятий в режиме on-line может использоваться в учебном процессе с целью совершенствования дистанционных образовательных технологий. Телеконференции предоставляют возможность живого общения через электронные

средства между группами студентов, преподавателями, работниками дистанционного образования, находящимися в различных местах.

В научной литературе телеконференции с непрерывным участием всех заинтересованных лиц (в режиме on-line) подразделяют на аудиоконференции, аудиографоконференции, видеоконференции и анимационные конференции.

Из названных выше типов телеконференций система двусторонней видеоконференции является на сегодня самым дорогостоящим предложением. Даже системы для проведения телеконференции с односторонним видео- и двусторонним аудиодialogом недоступны по причине высокой стоимости специального оборудования и большого количества времени, необходимого на подготовку данного мероприятия.

Известно, что во время видеоконференции идет обмен аудиовизуальной информацией, поэтому возникают дополнительные требования к качеству подготовки и отображения графической и видеоинформации, организации освещения помещения, размещению людей и оборудования. Усложняется процесс управления ходом телеконференции, конфигурирование терминалов и сетевых устройств, возрастают требования к квалификации пользователей и сервисного персонала. Кроме того, формат видеоконференции предъявляет высокие требования к пропускной способности каналов связи, то есть наличие соответствующего оборудования может оказаться бесполезным, если каналы связи не обеспечивают необходимую скорость обмена.

Системы аудиотелеконференций, наоборот, совмещают в себе простоту и гибкость, присущие аудиосредствам, и в то же время дают преимущество интерактивности, которого лишены обычные аудио- и видеопрограммы. Кроме того, они являются сравнительно экономными для регулярного широкого использования.

В период с 10 по 20 октября 2008 г. кафедрой информатики и математики Вологодского института права и экономики ФСИН России в соответствии с Планом научно исследовательской и опытно-конструкторской деятельности на 2008/2009 учебный год была проведена международная электронная научная конференция «Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности». Такое научное мероприятие организуется кафедрой уже в четвертый раз.

В ходе конференции был рассмотрен широкий спектр вопросов, среди которых:

- особенности применения современных информационных технологий и математических методов обработки информации в уголовно-исполнительной системе и других правоохранительных органах;

- организационно-аналитическая работа, обработка результатов исследований, моделирования социально-правовых и социально-экономических процессов, моделирование и прогнозирование поведения различных категорий осужденных в условиях лишения свободы;

- применение современных информационных технологий и математических методов обработки информации в различных областях деятельности (образовании, науке, управлении) и т.д.

Завершающим этапом конференции стал День on-line общения, пришедшийся на 21 октября. В нем приняли участие представители территориальных органов ФСИН России, зарубежных пенитенциарных учреждений, Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Владимирского юридического института ФСИН России, Пермского колледжа ФСИН России, НИИИИПТ ФСИН России (г. Тверь), Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк).

Было заслушано и обсуждено семь докладов.

Несмотря на то, что организация телеконференций стала дешевле и удобнее, чем когда-либо ранее, они еще не нашли достаточно широкого применения. Проведение конференций в режиме on-line и по сей день остается достаточно редким форматом.

Приобретенный опыт позволяет сделать ряд выводов на основе впечатлений участников конференции:

1. Конференция состоялась и удалась.

2. При всех трудностях проведение таких конференций уже возможно.

3. Подготовка выступлений в формате видеофайлов существенно повышает интерес, приближена к живому общению.

4. Целесообразна организация заблаговременного доступа к полному комплексу документов конференции в электронном виде всем участникам для предварительной подготовки вопросов выступающим.

5. При наличии значительного числа участников целесообразно организовать работу секций. Работа секций возможна в разное время или в разные дни.

6. Необходимо ввести и соблюдать жесткий регламент (количество вопросов и время ответов), а также организованную последовательность опросов.

В дальнейшем согласно вынесенным замечаниям и предложениям участников конференции, коллективом кафедры информатики и математики планируется более детальное изучение и проработка технических и организационных вопросов, а также проведение следующей конференции с участием большего количества представителей зарубежных стран.

Нельзя не отметить, что при таком формате проведения конференции существует альтернатива, которая заключается в общении в режиме форума в течение некоторого промежутка времени. Форум позволяет достаточно подробно обсудить интересующие вопросы, не ограничивает число участников, не требует наличия специального оборудования. Разумеется, форум не предполагает той степени живого общения, которая доступна в телеконференции, но является ее очевидной альтернативой, особенно, если речь идет об аудиорежиме.

Таким образом, электронные конференции позволяют обеспечить широкий круг участников и минимизировать затраты на проведение. Оценка целесообразности выбора того или иного формата общения возможна лишь по мере накопления соответствующего опыта. В дальнейшем инженерно-экономический факультет ВИПЭ ФСИН России предполагает шире использовать возможности электронных конференций для развития и совершенствования своей научно-исследовательской деятельности.

НАШИ АВТОРЫ

Веремеенко Иван Иванович

– заведующий кафедрой административного и финансового права МГИМО, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

И.И. Веремеенко родился 27 марта 1938 г. В 1964 г. окончил юридический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова.

С 1965 по 1968 гг. работал в прокуратуре г. Москвы, с 1970 по 1997 гг. – в МВД СССР и МВД России.

С 1997 г. возглавляет кафедру административного и финансового права МГИМО. В настоящее время является профессором кафедры административно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России.

В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Административно-правовые санкции», В 1983 г. – докторскую диссертацию на тему «Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка».

Является автором свыше 150 научных работ, из которых более 60 посвящены проблемам административного и финансового права.

В публикациях И.И. Веремеенко значительное внимание уделяется проблемам уточнения предмета административно-правового и финансово-правового регулирования административной и финансовой ответственности в новых экономических условиях.

Является редактором и одним из авторов нескольких изданий «Комментария к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях». Его монографии «Административно-правовые санкции», «Механизм административно-правового регулирования», учебники и учебные пособия, подготовленные лично и в соавторстве, ориентированы на разработку актуальных проблем теории административного права и законодательства.

И.И. Веремеенко длительное время являлся членом Экспертного совета Комитета по безопасности Государственной Думы. Постоянно привлекается Государственной Думой к участию в разработке проектов законодательных актов.

И.И. Веремеенко является членом диссертационных советов МГИМО(У) и МГУ им. М.В. Ломоносова. Под его научным руководством подготовлено и успешно защищено более 100 диссертационных работ.

Читает лекционные курсы «Административное право РФ» и «Административное право зарубежных стран».

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемую часть которой составляет проведение сотрудниками диссертационных исследований.

За второе полугодие 2008 года сотрудниками института защищено 6 диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в специальной библиотеке института.

Коданева Михалина Сергеевна, преподаватель кафедры общей психологии. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Стрелков Ю.К.) состоялась в диссертационном совете при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова 17 октября 2008 г. Тема: «Становление профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы».

Целью диссертационного исследования является изучение характеристик и условий становления профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы на разных этапах профессионализации.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач, изучены особенности профессиональной идентичности психологов УИС. Процесс становления профессиональной идентичности представлен через изменения в системе ее характеристик – функциональных (вовлеченность в деятельность и удовлетворенность ею), ценностно-смысловых (профессиональные ценностно-смысловые ориентации), ролевых (структура профессионально-ролевых идентификаций) и временных (согласованность временных «модусов» профессионального образа Я). На основе анализа структурно-динамических характеристик профессиональной идентичности психологов УИС выделены и описаны этапы ее становления. Определены значимые для становления профессиональной идентичности внешние и внутренние условия – как в период обучения курсантов в ведомственном вузе, так и на этапе самостоятельной профессиональной деятельности пенитенциарных психологов. В диссертации обоснован комплекс методик и разработан алгоритм их применения для изучения особенностей профессиональной идентичности. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности психологических служб образовательных учреждений ФСИН России для оптимизации процесса профессионально-психологического сопровождения будущих специалистов-психологов.

Одинцов Александр Иванович, заместитель начальника организационно-научного отдела.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Кононов А.М.) состоялась

в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань) 23 октября 2008 г. Тема: «Правовые и организационные основы информационного обеспечения управления в Федеральной службе исполнения наказаний».

Целью диссертационного исследования являются изучение и комплексный анализ правовых и организационных основ информационного обеспечения управления во ФСИН России, научное обоснование теоретических положений и практических рекомендаций по их совершенствованию.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Сформулировано понятие, определена сущность и установлены особенности информационного обеспечения управления во ФСИН России. Осуществлен анализ правового регулирования информационного обеспечения управления во ФСИН России, выявлены существующие пробелы и противоречия, сформулированы предложения по внесению дополнений в действующее уголовно-исполнительное законодательство. Автором исследовано современное состояние организации информационного обеспечения управления во ФСИН России, данный вид деятельности рассмотрен как система, определен состав ее элементов. В диссертации выявлены основные проблемы обеспечения информационной безопасности органов и учреждений ФСИН России, обозначена роль руководителя в организации информационного обеспечения управления во ФСИН России, разработаны предложения по совершенствованию организации информационного обеспечения управления во ФСИН России.

Сперанская Александра Владимировна, преподаватель кафедры общей психологии.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – Психология развития, акмеология (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Карандашев В.Н.) состоялась в диссертационном совете при Санкт-Петербургском государственном университете 26 ноября 2008 г. Тема: «Связь ценностно-мотивационной сферы и самоконтроля личности в период юности и зрелости».

Целью диссертационного исследования является изучение взаимосвязи самоконтроля с ценностно-мотивационной сферой личности в период юности и взрослости.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Определено содержание понятия самоконтроля и проведен сравнительный анализ особенностей его развития и структуры в период поздней юности и в различные периоды взрослости, изучены возрастные особенности ценностно-мотивационной сферы, установлен динамический характер формирования самоконтроля, выявлены особенности взаимосвязи самоконтроля и ценностно-мотивационной сферы в различные возрастные периоды. Результаты исследования позволяют более эффективно осуществлять психологическое сопровождение взрослых людей на различных этапах профессионализации.

Прокопьева Светлана Александровна, преподаватель кафедры общей психологии.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – Психология развития, акмеология (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Карандашев В.Н.) состоялась в диссертационном совете при Санкт-Петербургском госу-

дарственном университете 17 декабря 2008 г. Тема: «Особенности соотношения ценностно-мотивационных характеристик и агрессивности личности в юношеский и зрелый период».

Цель диссертационного исследования – изучение возрастных особенностей связей ценностно-мотивационных характеристик личности и ее агрессивности в юношеском и зрелом периодах.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Исследованы проявления агрессивности личности на протяжении юношеского и зрелого периода возрастного развития, определены мотивы, ценностные и смысложизненные ориентации, связанные с агрессивным поведением и агрессивностью личности в юношеский и зрелый период, изучена динамика взаимосвязей ценностно-мотивационной сферы и агрессивности личности в юношеский период и период зрелости. Данные, полученные в ходе исследования, позволят более эффективно осуществлять психолого-педагогическую профилактику и коррекцию агрессивного поведения с учетом различий возрастных групп. Выявленные характеристики ценностных и смысложизненных ориентаций дают возможность прогнозировать проявления агрессивного поведения человека в процессе его жизни.

Ломакина Наталья Георгиевна, преподаватель факультета внебюджетного образования.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность (научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Серова Е.Б.) состоялась в диссертационном совете при Владимирском юридическом институте ФСИН России 23 декабря 2008 г. Тема: «Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угоне)».

Целью диссертационного исследования является разработка теоретико-методических предпосылок для создания криминалистической методики поддержания государственного обвинения в судах первой инстанции по делам об угоне.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Охарактеризована криминалистическая сущность угона как реального явления действительности; выявлены и описаны элементы криминалистической системы неправомерного завладения транспортным средством, исследована роль криминалистической характеристики при осуществлении уголовного преследования в суде. В диссертации проанализированы типичные следственные ошибки по делам об угоне и разработаны рекомендации по их выявлению, устранению и профилактике; исследованы проблемы изучения уголовного дела об угоне с учетом обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию, криминалистические особенности изучения материалов уголовного дела и планирования деятельности государственного обвинителя в судебном разбирательстве, типичные ошибки предварительного следствия, возможность их прогнозирования, выявления и нейтрализации последствий. Автором разработаны криминалистические рекомендации по подготовке государственного обвинителя к поддержанию обвинения в суде по делам об угоне, сформирована типовая модель судебных ситуаций по делам об угоне и криминалистические рекомендации по участию государственного обвинителя в судебном следствии

и выступлении в прениях сторон по делам об угонах, раскрыты тактические особенности участия государственного обвинителя в судебном допросе по делу об угонах, описана специфика его деятельности в случаях, когда имеет место отказ от обвинения.

Выводы и положения, сформулированные в диссертации, развивают и дополняют соответствующий раздел криминалистики, могут служить разработкой практических рекомендаций по планированию поддержания государственного обвинения по делам об угонах, а также использоваться в учебном процессе при проведении занятий по курсу криминалистики в высших учебных заведениях юридического профиля.

Штефан Евгений Фаддеевич, преподаватель кафедры юридической психологии и педагогики.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.06 – Юридическая психология (научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Поздняков В.М.) состоялась в диссертационном совете при Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань) 26 декабря 2008 г. Тема: «Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках наказания».

Целями исследования являются выявление психологических особенностей агрессивного поведения осужденных на различных этапах отбывания наказания, научное обоснование концептуальной модели, разработка и экспериментальная апробация инструментария для осуществления психологической коррекции, а также разработка рекомендаций сотрудникам психологической службы ФСИН России по совершенствованию исправительного воздействия на осужденных с длительными сроками отбывания наказания, склонных к агрессивному поведению.

В исследовании были решены следующие задачи: выявлены основные подходы к изучению содержания и генезиса агрессивного поведения человека, в том числе в условиях изоляции, определены возможности и психотехнический инструментарий коррекции агрессивного поведения осужденных мужского пола с длительными сроками лишения свободы, разработана комплексная программа изучения особенностей агрессивного поведения осужденных мужского пола с длительными сроками наказания и применения научно обоснованных психотехник коррекционного воздействия, систематизированы факторы, влияющие на актуализацию агрессии в условиях лишения свободы, предложена классификация осужденных, склонных к агрессивному поведению.

По результатам исследования экспериментально апробирована программа психокоррекционной работы с осужденными мужского пола с длительными сроками наказания, разработаны рекомендации сотрудникам психологических служб ФСИН России по организации и проведению психологической коррекции агрессивного поведения осужденных мужского пола с длительными сроками лишения свободы на различных этапах отбывания наказания.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на монографию
П.С. Ефимичева и С.П. Ефимичева
«Расследование преступлений: теория,
практика, обеспечение прав личности»**

А.С. ШАТАЛОВ – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

Рецензируемая работа – первое масштабное научное исследование предварительного расследования как стадии уголовного судопроизводства по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. По своему охвату оно первое после изданного в 1965 г. сочинения «Предварительное следствие в советском уголовном процессе», подготовленное профессорами Н.В. Жогиним, и Ф.М. Фаткуллиным. Монография раскрывает как научный, так и практический аспекты данного института и, особенно, правовой статус обвиняемого в свете обеспечения гарантий защиты его прав в соответствии с новым УПК РФ. В данной работе авторы рассмотрели структуру стадии предварительного расследования, обозначив двенадцать ее этапов, сформулировали задачи каждого из этих этапов и расследования в целом.

К сожалению, принятый в 2001 г. УПК РФ не формулирует задач уголовного судопроизводства в целом и стадии предварительного расследования в частности, оставив практические органы без ориентиров, которые они должны использовать в своей практической деятельности. Положения ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, которое состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, нельзя рассматривать как задачи уголовного судопроизводства. По существу, его целью являлось и является правильное, своевременное, обоснованное, справедливое, а в общем, надлежащее применение норм материального права в отношении лиц, совершивших преступления. Защита же потерпевших от преступлений, как и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод может быть только следствием достижения данной цели, обозначенной авторами.

В монографии самым исчерпывающим образом приведены задачи стадии предварительного расследования и вносятся предложения о включении их перечня в Уголовно-процессуальный кодекс РФ для устранения существующего пробела.

В УПК РСФСР 1960 г. ст. 2 так и называлась: «Задачи уголовного судопроизводства». Авторы работы считают, что в ней задачи были сформулированы неплохо, и можно было бы их включить и в УПК РФ. Вместе с тем авторы работы подчеркивают, что новый Уголовно-процессуальный кодекс предусмотрел много новых норм, усиливающих защиту прав и

законных интересов как лиц, совершивших преступления, так и потерпевших от преступлений.

Исследование базируется на последних достижениях уголовно-процессуальной науки и нормах действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Авторы учли не только более 30 изменений и дополнений, внесенных в УПК РФ, но и не учтенные еще законодателем, хотя отраженные в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, положения УПК РФ, противоречащие Конституции Российской Федерации (например, от 8 декабря 2003 г. № 18П, от 11 мая 2005 г. № 5П, от 16 мая 2007 г. № 6П и др.), а также отдельные определения Конституционного Суда Российской Федерации.

Новеллы УПК РФ ощутимо коснулись и стержневой проблемы уголовного судопроизводства-доказательства, доказывания и в целом доказательственного права.

Доказательства в уголовном судопроизводстве, как известно, являются фактической основой для принятия решений по уголовному делу. Внесенные в доказательственное право дополнения и изменения усилили защиту прав личности, совершившей преступление, и его жертвы. Вместе с тем некоторые изменения и дополнения способствовали разбалансированию соотношения прав обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, общества и государства. Именно баланс интересов наиболее полно обеспечивает защиту интересов личности, общества и государства. Смещение приоритетов в сторону защиты прав личности не позволяет обеспечить защиту интересов общества, поскольку не всегда интересы личности совпадают с интересами общества и государства и наоборот. Приоритет интересов государства довольно часто является причиной обвинительного уклона. Приоритет же в расширении прав личности неминуемо ведет к сужению потенциальных возможностей органов, ведущих борьбу с преступностью, не дает полноценно выполнять возложенные на них задачи. Именно на эти обстоятельства в работе обращено много внимания. Авторы вносят собственные предложения по устранению выявленного дисбаланса.

Основным способом собирания доказательств, как известно, является производство следственных действий. Именно им в работе уделено много внимания и все они рассмотрены подробно, с использованием интересных примеров из практики.

Следственные действия, их форма и содержание урегулированы законом. Им же защищен правовой статус личности при проведении следственных действий. Лицо, их производящее, обязано разъяснять права и обязанности всем тем, кто вовлекается в орбиту судопроизводства, а также создавать условия, обеспечивающие их реализацию.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусмотрел возможность производства новых следственных действий. В их числе проверка показаний на месте и наложение ареста на почтово-телеграфные отправления. В монографии подобно анализируются их достоинства и недостатки.

В процессуальные процедуры производства некоторых следственных действий законодатель ввел дополнительные гарантии обеспечения их законности. Так, например, проведение следственных действий,

связанных с ограничением конституционных прав граждан, закон позволяет производить только по решению суда. К этим следственным действиям, в частности, относятся: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и (или) выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; контроль и запись переговоров.

Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого при расследовании преступлений рассмотрено авторами на базе изучения довольно большого количества уголовных дел об уклонении от уплаты налогов. Вследствие такого изучения авторы вносят заслуживающие внимания предложения о внесении изменений в статьи, предусматривающие уголовную ответственность за налоговые преступления.

Авторы подвергли критике предложения к УПК РФ в виде бланков процессуальных документов. Они считают правильным решение российского законодателя о лишении силы с 7 сентября 2007 г. гл. 57 УПК РФ (см.: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ) и исключение двух перечней бланков процессуальных документов из текста закона.

Новеллы коснулись и заключительного этапа стадии предварительного расследования уголовных дел. Особенно это заметно в регламентации окончания предварительного расследования как с направлением уголовного дела в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом), так и при решении о прекращении уголовного дела.

Окончание предварительного расследования с направлением уголовного дела в суд наиболее остро затрагивает интересы конкретной личности, в числе которых обеспечение права на защиту. Окончив расследование, следователь оценивает совокупность собранных доказательств и в результате такой оценки принимает решение о конкретной форме его окончания – составлении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд. Основанием окончания досудебного производства в такой форме должна быть убежденность следателя в виновности лица в совершении преступления и невозможности завершения расследования иными процессуальными средствами. И, как следствие такой убежденности, строгое соблюдение всех процессуальных норм на завершающем этапе, гарантирующее обвиняемому защиту его прав и законных интересов.

Авторы проанализировали изменения круга полномочий прокурора, внесенные в 2007 г., и пришли к выводу в том, что любые их ограничения в деле осуществления надзора за законностью расследования уголовных дел должны быть отменены. Иными словами, они полагают, что полномочия прокурора должны быть восстановлены в полном объеме.

В работе рассмотрены и многие другие небезыгодные юридической общественности вопросы.

Монография адресована должностным лицам правоохранительных органов, в том числе дознавателям, следователям, прокурорам, судьям, адвокатам, а также юрисконсультантам как государственных, так и частных предприятий. Все они смогут найти в ней нужные сведения, изучение которых, несомненно, будет способствовать повышению качества их работы.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 2 ч. / Отв. ред. С.Х. Шамсунов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. – Ч. 1. – 395 с. ISBN 978-5-94991-096-2.

Статьи, вошедшие в первую часть сборника, посвящены теоретическим и прикладным проблемам формирования и реализации государственной политики в области назначения и исполнения уголовных наказаний, подготовки специалистов для уголовно-исполнительной системы России в контексте происходящих в стране социально-экономических, политико-правовых и духовных изменений.

Материалы сборника будут интересны сотрудникам уголовно-исполнительной системы, преподавателям и научным сотрудникам юридических вузов, курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам.

Сысоев А.М. Экстремизм и преступления экстремистской направленности: характеристика и основы противодействия: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. – 242 с. ISBN 978-5-94991-091-7.

В монографии рассматриваются основные теоретические подходы к пониманию экстремизма, его сущности и природы зарождения. Автором был проведен ретроспективный анализ проявлений экстремизма, рассмотрены криминологические детерминанты, а также предложены основные пути противодействия указанному социальному явлению. В результате правового и криминологического исследования обосновывается введение новой категории – «преступления с элементами экстремизма», необходимой для комплексного изучения рассматриваемого феномена.

Издание адресовано широкому кругу читателей.

Попов В.В., Крымов А.А., Спасенников Б.А. Субъект преступления в уголовном праве России: Учебное пособие: Допущено УМО по юридическому образованию вузов Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция», специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность». – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. – 70 с. ISBN 978-5-94991-098-6.

Учебное пособие подготовлено в соответствии с государственным образовательным стандартом по специальности «Юриспруденция» и посвящено субъекту преступления в отечественном уголовном праве.

Пособие предназначено для студентов юридических вузов и факультетов, а также аспирантов, соискателей, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов и судов Российской Федерации.

Ячин Ю.Н. Стратегическое и тактическое обеспечение развития компетентности будущего социального работника: Учебно-методическое пособие: Допущено УМО по направлениям педагогического образования Министерства образования и науки Российской Федерации в качестве учебно-ме-

тодического пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050700 «Педагогика». – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. – 136 с. ISBN 978-5-94991-101-3.

Учебно-методическое пособие ориентировано на развитие профессиональной компетентности обучающихся в сфере социальной работы.

Структурировано в соответствии с логикой модульной технологии обучения и предполагает проектирование слушателями стратегии рефлексивной оценки собственной компетентности, а также образа профессиональной деятельности. Содержит теоретические материалы, практические задания по проблеме, контрольно-диагностические материалы, позволяющие оценить уровень учебных достижений.

Предназначено для студентов, преподавателей социальной педагогики и социальной работы.

Зарипов З.С., Салатин А.В., Сысоев А.М. Организация деятельности населения при возникновении террористической угрозы: Практические рекомендации. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. – 68 с. ISBN 978-5-94991-092-4.

В издании рассматриваются организационные основы обеспечения безопасного поведения населения в критических ситуациях, случаях возникновения террористической угрозы. Даются рекомендации, как действовать, если вы обнаружили взрывное устройство либо получили сообщение, содержащее угрозу террористического характера, как вести себя при захвате в заложники и др.

Практические рекомендации предназначены для руководителей предприятий, учреждений, организаций, а также широкого круга читателей.

КОНСУЛЬТАЦИИ

Создание системы менеджмента качества в институте

Ю. Н. ЯЧИН – старший научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

В современных условиях важнейшим фактором развития вуза является применение инновационных подходов к планированию и реализации деятельности. Определенный в 1998–2000 гг. курс на работу по образовательным программам и стандартам ВПО нового поколения в соответствии с потребностями основного заказчика (ФСИН России), использование инновационных технологий в организации и осуществлении учебно-воспитательного процесса, изменение политики в области научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества позволили нашему институту войти в число ведущих вузов области и уголовно-исполнительной системы страны.

Положения Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г., присоединение России к Болонскому соглашению, включение в аккредитационные показатели вузов наличия эффективной системы обеспечения качества образования (приказ Рособрнадзора от 30.09.2005 г. № 1938), тенденции развития учебных заведений уголовно-исполнительной системы ориентируют коллектив института на активизацию работы по созданию и обеспечению гарантий качества образования. «Обеспечение таких гарантий во всем мире связывают с наличием в организации некоторой системы менеджмента качества, построение которой возможно только при идентификации всех процессов и их сравнении с “лучшими практиками”, которые существуют в высшей школе»¹.

Решением Совета по координации управления качеством высшего профессионального образования от 19.12.2007 г. к использованию и внедрению в высших и средних учебных заведениях Российской Федерации рекомендованы документы типовой модели системы качества (СК) образовательного учреждения (ОУ), разработанной в 2007 г. Санкт-Петербургским государственным электротехническим университетом «ЛЭТИ» совместно с ведущими вузами России в рамках выполнения Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 гг.

Модель в целом соответствует стандартам и руководствам Европейской ассоциации гарантии качества в высшем образовании (ENQA), а также требованиям процессной модели системы менеджмента качества, положенной в основу стандартов ГОСТ Р ИСО 9001-2001, ГОСТ Р 52614.2-2006, и включает:

1. Формирование стратегии, политики и целей образовательного учреждения в области качества: разработку целей качества образования, конкретизирующих доктрину образования и социально-педагогическое нормирование этих целей; проверку актуальности; разработку, корректировку и обновление образовательных стандартов и программ учебного заведения.

2. Планирование и постоянное улучшение деятельности образовательного учреждения, обеспечивающее планирование процессов и процедур, их поддержание и постоянное улучшение.

3. Управление ресурсами, включая преподавательский состав и другие ресурсы, требуемые для обучения студентов: обеспечение процессов жизненного цикла образовательного учреждения всеми видами ресурсов (финансовыми, материальными, человеческими и информационными).

4. Управление процессами и процедурами: управление основными (обучение, научная деятельность, дополнительное образование, воспроизводство кадров) и вспомогательными (хозяйственная деятельность, управление персоналом и др.) процессами образовательного учреждения.

5. Мониторинг и контроль (измерения): измерение и оценку параметров и характеристик рабочих процессов и анализ их результатов, включая:

- оценку обучающихся (достигнутого прогресса в уровне их знаний и навыков);
- проведение измерений основных показателей деятельности ОУ;
- проведение маркетинговых и социологических исследований;
- обработку и анализ результатов измерений и исследований;
- оценку качества результатов образовательной деятельности (ОД) и отдельных процессов ОУ;

– определение конкурентных позиций ОУ.

Предполагается функционирование системы менеджмента качества образовательного учреждения в конкурентной среде, которая формируется требованиями и ожиданиями потребителей и регулируется требованиями государственных образовательных (и иных) стандартов, требованиями лицензирования и аккредитации.

Состояние деятельности нашего учебного заведения по обеспечению гарантий качества образования стало предметом обсуждения участников оперативного совещания при начальнике института 4 декабря 2008 г. В результате руководителям вуза, факультетов, отделов и служб предложено организовать работу по созданию системы менеджмента качества образовательного учреждения, основанной на типовой модели 2007 г. Под руководством заместителя начальника института, курирующего инновационную деятельность, сформирована рабочая группа для разработки и реализации соответствующих мероприятий и подготовки необходимых материалов по проблемам создания и внедрения СК ОУ для рассмотрения ученым советом в первом квартале 2009 г.

Изучение опыта вузов страны, разработанных Санкт-Петербургским государственным электротехническим университетом «ЛЭТИ» «Методических рекомендаций для вузов и ссузов по проектированию и внедрению систем качества образовательных учреждений» позволяют определить следующие этапы создания системы менеджмента качества нашего образовательного учреждения:

1. Формулирование стратегии, политики, целей и задач института в области качества.

Согласно требованиям стандартов ENQA учебные заведения должны иметь политику, цели и соответствующие процедуры гарантии качества. Стратегия, политика и процедуры должны обладать официальным статусом и находиться в свободном доступе.

Стандарт ISO 9001:2000 требует разрабатывать достижимые и измеримые цели, связанные с политикой качества. Формулировка целей должна быть изложена настолько конкретно, чтобы их можно было понять и воплотить на практике.

Формулирование стратегии, политики, целей и задач осуществляется руководством института, обсуждается и утверждается ученым советом.

2. Обучение руководства и сотрудников вуза, участвующих в разработке СК ОУ, в области качества.

Целью данного этапа является формирование единых позиций руководства ОУ в области качества и подготовки специалистов, способных выполнять разработку соответствующих элементов системы качества.

3. Разработка модели институтской системы менеджмента качества, позволяющей оценивать состояние качества на основе конкретных показателей и критериев и включающей систему измерений и мониторинга основных рабочих процессов вуза.

При этом следует предусмотреть соответствующие процедуры измерения удовлетворенности внутренних и внешних потребителей; мониторинга качества основных рабочих процессов вуза с установлением конкретных измеряемых характеристик, зон их допустимых и целевых значений; оценки качества полученных знаний, навыков и умений обучающихся, включая процедуры текущего и заключительного контроля; компьютерное обеспечение СК ОУ.

4. Формирование организационной структуры системы качества.

Формирование организационной структуры системы качества вуза предполагает четкое распре-

деление всех полномочий и ответственности руководителей всех рангов за обеспечение качества; формирование службы качества и совета по качеству института и т.п.

Необходима организация обучения сотрудников института в области менеджмента качества.

5. Проведение самооценки и самоанализа института в области обеспечения гарантий качества образования с учетом требований модели институтской системы менеджмента качества.

Данный этап предполагает составление реестра процессов системы качества; описание рабочих процессов вуза: измерение и идентификацию имеющихся в вузе процессов; определение новых процессов, необходимых для эффективной работы системы менеджмента качества, а также их показателей и изменений.

В соответствии с требованиями стандартов ENQA и стандартов серии ISO 9000:2000 (ГОСТ Р ИСО 9000-2001) должны быть учтены процессы:

- стратегического планирования и управления вузом;
- процессы, связанные с менеджментом ресурсов: менеджмент персонала, управление финансовыми, техническими ресурсами и инфраструктурой;
- процессы, связанные с потребителями: маркетинг рынка труда и образовательных услуг, взаимодействие с потенциальными работодателями;
- процессы проектирования и разработки образовательных программ;
- основной образовательный процесс;
- процессы контроля знаний и навыков, полученных студентами в процессе обучения;
- процессы научно-исследовательской и инновационной деятельности и др.

6. Разработка и обсуждение документации системы менеджмента качества в институте и на ученом совете.

В целях методического обеспечения создания, внедрения и функционирования системы менеджмента качества представляется целесообразным включить в планы НИР на 2009 г. и перспективу проведение научно-исследовательских работ, направленных на разработку и внедрение системы качества ведомственного образовательного учреждения на основе международных стандартов, управление качеством подготовки специалистов для УИС на основе реализации компетентностного подхода, предусмотренного ФГОС третьего поколения, и др.

Как свидетельствует опыт работы высших учебных заведений в направлении использования современных методов управления с целью повышения качества образования, задача создания и внедрения эффективной системы менеджмента качества требует корректировки программ и планов его стратегического развития, совершенствования организационной и функциональной структуры вуза, развития информационно-образовательной среды, продуманной кадровой политики в сфере науки и образования, формирования сети стратегических партнеров, обеспечивающих обратную связь².

Внедрение и функционирование системы менеджмента качества в ВИПЭ ФСИН России является очередной ступенью совершенствования деятельности учебного заведения и призвано способствовать:

- удовлетворению имеющихся и ожидаемых потребностей УИС, органов МВД России, иных организаций в конкурентоспособных специалистах;
- созданию инновационной среды в институте адекватной современным достижениям в науке и технике;

– оптимизации затрат посредством результативного и эффективного использования ресурсов;

– получению преимуществ перед другими вузами ведомства, области за счет постоянного улучшения возможностей института;

– обеспечению уверенности заинтересованных сторон в высокой результативности деятельности вуза, подтвержденных качеством образовательных услуг, научной деятельности, его имиджем.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Менеджмент качества в образовании: Тезисы докладов всероссийской науч.-практ. конф. СПб., 2008. С. 6.

² См.: Менеджмент качества в образовании. С. 38

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В период с 20 по 24 апреля 2009 года в институте состоится «Неделя науки» – комплекс мероприятий научного характера, включающий в себя научные и научно-практические семинары, круглые столы, олимпиады по различным дисциплинам.

Основной целью проведения данных мероприятий является развитие научно-исследовательской работы курсантов института, распространение положительного опыта научного творчества курсантов, укрепление научных связей института с другими вузами.

В рамках Недели науки планируется провести более 14 научных мероприятий. Их участниками станут свыше 250 курсантов и студентов института и иных вузов, в том числе Академии ФСИН России, Владимирского, Псковского, Самарского юридических институтов ФСИН России, Воронежского государственного университета ФСИН России, Вологодской государственной молочно-хозяйственной академии, Вологодского филиала Московской государственной юридической академии, Вологодского государственного технического университета, Вологодского государственного педагогического университета. Также в конференции ожидается участие представителей Академии МВД Республики Беларусь и Академии Комитета УИС МЮ Республики Казахстан.

Завершит комплекс научных мероприятий, проводимых в институте в рамках «Недели науки», **межвузовская научно-практическая конференция адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей «Уголовно-исполнительная система России: история и современность (к 130-летию УИС)».**

В рамках конференции будет организована работа трех секций: «Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в России», «Психологическая, социальная и воспитательная работа в уголовно-исполнительной системе» и «Современное состояние и актуальные проблемы производственной сферы УИС».

Участники конференции обсудят наиболее актуальные проблемы, связанные с деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в том числе организационно-правовые,

социальные, психолого-педагогические, производственно-хозяйственные и некоторые другие аспекты деятельности уголовно-исполнительной системы.

По итогам работы конференции планируется издание сборника материалов.

По вопросам участия в мероприятиях «Недели науки» обращаться по тел. (8172) 53-60-79, e-mail: ono-vipe@mail.ru.

23 апреля 2009 года в институте планируется проведение научно-практического семинара «Проблемы теории и практики формирования административно-правового института правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе».

В ходе семинара будут обсуждены основные тенденции формирования административно-правового института правоохранительной службы в уголовно-исполнительной системе, выявлены проблем теоретического и прикладного характера в данном направлении правотворческой деятельности, а также сформулированы предложения по совершенствованию законодательства о правоохранительной службе.

В работе семинара ожидается участие представителей образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД и Минобрнауки России, зарубежных пенитенциарных и образовательных учреждений, работников органов местного самоуправления, общественных правозащитных организаций.

По итогам работы семинара планируется издание сборника материалов.

По вопросам участия в семинаре и публикации материалов обращаться по тел. (8172) 53-60-79, (8172) 53-01-52, e-mail: ono-vipe@mail.ru.

27–28 мая 2009 года в институте планируется проведение международного научно-практического семинара «Применение боевых приемов борьбы и оперативно-тактических действий в работе сотрудников уголовно-исполнительной системы».

В ходе семинара предполагается обсуждение теоретических и прикладных вопросов применения боевых приемов борьбы при отражении нападения на сотрудника уголовно-исполнительной системы, а также осуществления тактических действий при возникновении массовых беспорядков и при конвоировании осужденных и лиц, содержащихся под стражей. На семинаре также предполагается обмен опытом инструкторов по борьбе и стрелковому оружию, проведение мастер-классов по применению боевых приемов борьбы.

Целью проведения семинара является комплексное изучение состояния и опыта физической, боевой и тактико-специальной подготовки сотрудников пенитенциарных учреждений, разработка методических рекомендаций по совершенствованию содержательного компонента и методики подготовки курсантов ведомственных вузов к действиям в условиях различных чрезвычайных ситуаций, а также сотрудников УИС и иных правоохранительных органов в рамках служебной подготовки.

В работе семинара примут участие представители центрального аппарата, территориальных органов и образовательных учреждений ФСИН России, зарубежных пенитенциарных и образовательных учреждений Чехии, Польши, Беларуси, Украины, Казахстана и Киргизии.

По итогам работы семинара будет издан сборник статей участников и разработаны практические рекомендации для сотрудников ФСИН России.

По вопросам участия в семинаре и публикации материалов обращаться по тел. (8172) 53-60-79, (8172) 53-66-06, (8172) 53-06-01, e-mail: ono-vipe@mail.ru.

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

(лицензия от 04.02.2008 г. № А283497)

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР

1) В адъюнктуру (очная и заочная формы обучения) по специальностям:

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;

12.00.11 — Судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура;

19.00.06 — Юридическая психология;

12.00.09 — Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность.

Требования к кандидатам: в адъюнктуру на бюджетной основе принимаются лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава ФСИН России, имеющие высшее образование, возраст до 39 лет, стаж службы в уголовно-исполнительной системе не менее 2 лет.

Возможно обучение на договорной основе по указанному научным специальностям в качестве соискателя ученой степени кандидата наук.

Срок подачи заявок на обучение (направляются территориальным органом ФСИН России в УКПО ФСИН России) — до 1 ноября.

Срок предоставления документов в институт — с 1 марта по 20 мая; вступительного реферата по специальности — до 20 июня.

Срок обучения по очной форме — 3 года, по заочной — 4 года.

Начало учебного года — с 1 октября.

Вступительные экзамены (специальная дисциплина, философия, иностранный язык) проводятся в сентябре.

Имеющиеся сданные кандидатские экзамены зачисляются за соответствующие вступительные.

2) Соискателей для сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку (английский, немецкий) и по истории и философии науки для соискателей по специальности по отраслям наук:

12.00.00 — Юридические науки;

19.00.00 — Психологические науки.

Требования к кандидатам: высшее образование.

Срок подачи документов на подготовительные курсы — до 1 ноября.

Срок подачи документов на прикрепление соискателем для сдачи кандидатских экзаменов — до 15 марта.

Срок прикрепления — 2 года.

Кандидатские экзамены проводятся ежегодно в мае.

Обращаться по тел.:

(8172) 51-82-50 — Крымов Александр Александрович, заместитель начальника института по научной работе

(8172) 51-44-67 — Ласточкин Александр Николаевич, начальник адъюнктуры

(8172) 53-01-42 — Климанов Дмитрий Александрович, начальник отдела кадров

Адрес: 160002 г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2.

Сайт в Интернете: WWW.VIPE-FSIN.RU

E-mail: vipe.vologda@mail.ru

CONTENT

ACTUAL QUESTIONS OF JURISPRUDENCE . . . 3

- V.V. LUNEEV
Death penalty in Russia and in the world 3
- L.L. KRUGLIKOV
The way of perpetration of a crime as a differentiative means in norms of article 21 of Penal Code. 13
- A.V. IVANCHIN
Controversial questions of legislative technique (in criminal lawmaking) 18
- E.A. TIMOFEEVA
Differentiation of criminal responsibility and its correlation with related legal phenomena 22
- A.L. SANTASHOV
Particular features of differentiation of conditions of serving of a sentence in educational colonies. 23
- A.M. SMIRNOV, B.A. SPASENNIKOV
Influence of long-standing isolation from society on security administration in institutions of confinement 28
- A.M. POTAPOV
Problems of legislative fixing of rights, duties and legitimate interests of individuals served their sentences in institutions of confinement 30
- I.I. VEREEMENKO
Statements of changes in Russia, their results and outlooks. 33
- L.I. BELYAEVA
International standards in justice in relation to juvenile and juvenile justice in Russia. 38
- G.V. SHATALOVA
Particularities of institution of proceedings of private prosecution according criminal-procedural legislation of Russian Federation 44
- M.G. DETKOV, E.O. LUKYANCHUK
Interaction of social service of correctional institutions as a priority direction of activity of penal system. 46
- FOREIGN EXPERIENCE 48**
- O.G. GONCHARENKO
The use of prisoners' labour and its particularities in institutions of confinement 48
- H. YEJEAK
Factors that identify interdisciplinary character of training of staff of prison service 50
- K. YEJEAK
The use of means of enforcement by correctional officer of Penal Service 53
- LET'S DISCUSS 55**
- B.A. SPASENNIKOV, S.B. SPASENNIKOV
Projects of federal law about introduction some changes in articles 63, 263, 264 of Criminal Code of Russian Federation. 55
- I.A. YANCHUK
Criteria of rate of degree of correction of convicted: what are they? 56
- ACTUAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK 59**
- E.G. BAGREEVA
About professional ethics of correctional officer of social service of penal system of Russia. 59

- V.M. TRUSH
Contrastive analysis of typological and psychodynamic approach to estimate criminal personality. 61
- A.S. SOLOVEV, O.A. SHAHOV
Problems of accepting bimodal system of education within the framework of realization of Bolonski agreement in the sphere of education in federal state educational institutions of higher professional education. 65
- ACTUAL QUESTIONS OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY. 68**
- M.M. ANDRONOVA, V.A. SAVELEVA
Development of indicator degree of nature protection activity of institutions of penal system 68
- S.N. RUSAKOV, O.V. KOSHKO
Economic safety of russian enterprises during financial instability. 70
- HISTORY. 72**
- A.L. KUZMINYH
Organs of NKVD–NKGB of Vologda region on the eve of the Great Patriotic War and during that period 72
- S.U. VEDROV, D.U. UGLITSKIH
Control for individuals served life imprisonment in Russian State from XII till the beginning of the XX century (historic-legal aspects) 79
- OUR RESEARCHES. 83**
- A.M. KOLOSKOV, N.A. VELNIKOVA
Modern tendencies of international cooperation about staff activity of penal institutions. 83
- A.T. VALEEV
Criminal-procedural activity of organs and institutions of Federal Penal service: tactics of investigative actions during crime investigation committed in correctional institutions. 84
- SCIENTIFIC LIFE 86**
- A.A. KRYMOV
Totals of international scientific-practical conference "State policy in the sphere of imposition and execution of Penalty Service" 86
- A.A. BABKIN, B.A. SADELNIKOV, O.A. SHAHOV
The experience of multimedia conferencing (based on materials of mathematics and informatics departments of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service). 90
- OUR AUTHORS 92**
- IVAN IVANOVICH VEREMEENKO. 92
- DISSERTATIONS REVIEW 92**
- REVIEWS 94**
- A.S. SHATALOV
Monography review by P.S. Efimicheva and S.P. Efimicheva "Crime investigation: theory, practice, keeping rights, individuality personality identity" 94
- NEW LITERATURE 96**
- CONSULTATION 96**
- J.N. YACHIN
Creation of the system of management of quality. 96
- INFORMATION, ADVERTISEMENTS. 98**

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ-ИСПРАВАЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

В.В. Попов

Ответственный секретарь:

А.Л. Санташов

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:
vestnikvipe@mail.ru

@ ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 29.12.08
Формат 60х90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 2723
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

В дальнейшем планируется регистрация журнала в соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.91. № 2124-1.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и следующим требованиям в оформлении:

1. Рукопись должна предоставляться в одном экземпляре (формат А4) вместе с электронным вариантом на дискете с текстом в формате docWord.
2. Объем до 1 авторского листа.
3. Интервал - полуторный.
4. Размер шрифта - 14.
5. Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом употреблении в тексте.
6. Сноски на источники публикации нормативных актов, цитируемых книг и статей обязательны. Нумерация сносок сквозная, концевая.
7. Рукописи должны прилагаться:

— сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, основное место работы, должность, контактные телефоны;

— для аспирантов и соискателей дополнительно выписка из протокола заседания кафедры (подпись научного руководителя) с рекомендацией к опубликованию материала.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.